

Гендер убивает

Феминистский анализ трансгендерной политики

Шейла Джеффрис

Перевод: телеграм канал @Female_city

Гендер убивает

Только недавно трансгендерность была признана расстройством, поддающимся лечению. В 1990-х годах политическое движение трансгендерного активизма объединилось для проведения кампании за права трансгендеров. В ответ происходят значительные социальные, политические и правовые изменения, и правительства и многие другие организации и деятели все больше признают легитимность этих прав.

Эта провокационная и противоречивая книга исследует последствия этих изменений и предлагает феминистский взгляд на идеологию и практику трансгендеризма, которые авторка считает вредными. В книге исследуются последствия трансгендеризма для лесбийского и гейского сообщества, партнерок трансгендерных людей, транс-идентифицированных детей, и самих трансгендеров, и утверждается, что они негативны. При этом в книге утверждается, что это явление основано на стереотипизации пола, именуемой «гендером» — консервативной идеологией, которая формирует основу подчинения женщин. «Гендер убивает» выступает за отмену «гендера», что устранил обоснование трансгендеризма.

Эта книга будет интересна ученым и студенткам, изучающим политологию, феминизм и феминистскую теорию, а также гендерные исследования.

Шейла Джеффрис — это профессорка феминистской политики в Школе социальных и политических наук Мельбурнского университета, Австралия.

Благодарности

Я в долгу перед Дженис Г. Рэймонд за ее новаторскую книгу «Транссексуальная империя» (1994, впервые опубликована в 1979). Ее работа является фундаментом, на котором строилась феминистская критика трансгендеризма, и продолжает вдохновлять радикальную феминистскую мысль. Я благодарна всем тем подругам, которые прочитали и прокомментировали главы этой книги: Лорен Готтшалк, Линн Харн, Кэти Чемберс, Рут Марджерисон. Вклад Лорен Готтшалк был особенно ценным. Она принимала активное участие на начальных этапах этого проекта и внесла вклад в написание половины глав, а также провела три интервью, которые были так важны для глав 3 и 4. Я также благодарна новой волне радикального феминизма как в сети, так и за ее пределами. Радикальные феминистские блоггерки, такие как Галлус Мэг из «GenderTrender» (n.d.a) и Дирт из «Dirt from Dirt», среди прочих, предоставили бесценный фактический материал, ссылки и идеи в своих блогах, без которых было бы сложнее написать эту книгу. Действительно, за тот период, пока писалась эта книга, радикальные феминистские блоггерки усилили и прояснили мой анализ. Радикальные феминистские активистки предоставили мне площадки, на которых я смогла проверить свои мысли, это были две очень успешные конференции радикальных феминисток в Лондоне – RadFem 2012 и RadFem 2013. Я многим обязана этим смелым женщинам. Я приветствую смелость и упорство тех радикальных феминисток, которые дают радикальным феминисткам возможность говорить и продвигают радикальный феминистский анализ. Я намереваюсь сделать эту книгу вкладом в значительную борьбу, которая в настоящее время происходит между в основном мужчинами трансгендерными активистами и радикальными феминистками по поводу того, кто имеет право

определять, что такое женщина: женщины или мужчины, которые фантазируют о том, чтобы быть женщинами. Я благодарна за поддержку, которую я продолжаю получать от Мельбурнского университета, который на протяжении последних двух десятилетий был для меня испытательным полигоном, в котором я развивала свои идеи, проводила исследования и писала.

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге будет рассмотрен вред, наносимый идеологией и практикой трансгендеризма, феноменом, который развился в середине-конце двадцатого века. Трансгендеризм был признанным расстройством, для которого предпочтительным лечением является введение гормонов и, возможно, ампутация или другая хирургическая операция, в течение сравнительно короткого времени. Многие американские врачини оспаривали идею такого лечения этого состояния до 1970-х годов, а некоторые до сих пор это делают (Meyerowitz, 2002). В 1990-х годах, отчасти в результате потенциала сетевого взаимодействия, созданного Интернетом, было создано политическое движение трансгендерного активизма для борьбы за «права» трансгендеров. В ответ происходят значительные социальные, политические и правовые изменения, и правительства и многие другие организации и субъекты все больше признают легитимность таких прав. Эти изменения имеют последствия для существования лесбиянок и геев и сообщества лесбиянок и геев; для здоровья и жизненных шансов самих трансгендеров; для возможностей равенства женщин; для организаций, рабочих мест, служб и закона. В настоящее время существует обширная литература о трансгендеризме, его истории, лечении, теории и практике. Но эта литература в целом позитивна по отношению к явлению, рассматривая трансгендеров как составляющую существенную категорию лиц, которым отказано в правах и которые нуждаются в признании. Часть этой литературы утверждает, что трансгендеризм является трансгрессивным и частью революционного процесса социальных изменений, поскольку он дестабилизирует «гендерную бинарность».

В этой книге используется совершенно иной подход. С феминистской точки зрения в ней утверждается, что трансгендеризм — это всего лишь один из способов, которым «гендер» вредит людям и обществам. Трансгендеризм зависит от самого своего существования от идеи, что существует «сущность» гендера, психология и модель поведения, которые подходят людям с определенными телами и идентичностями. Это противоположно феминистской точке зрения, которая заключается в том, что идея гендера является основой политической системы мужского доминирования. «Гендер» в традиционном патриархальном мышлении приписывает юбки, высокие каблуки и любовь к неоплачиваемому домашнему труду тем, у кого женская биология, а удобную одежду, предприимчивость и инициативу — тем, у кого мужская биология. В практике трансгендеризма традиционный гендер теряет свое чувство направления и оказывается в умах и телах людей с неподходящими частями тела, которые необходимо исправить. Но без «гендера» трансгендеризм не мог бы существовать. С критической, феминистской точки зрения, когда права трансгендеров прописаны в законе и приняты институтами, они воплощают идеи, которые вредны для равенства женщин, и дают власть устаревшим представлениям о существенных различиях между полами. Трансгендеризм действительно трансгрессивен, но прав женщин, а не репрессивной социальной системы.

Эта книга необходима сейчас, потому что практика трансгендеризации взрослых и детей стала нормой в западных культурах, но существует очень мало критики. Есть свидетельства растущей критики этой практики как со стороны развивающейся новой волны онлайн-феминизма, так и со стороны медицинской профессии, но это встречает значительное сопротивление со стороны трансгендерных активистов. Критикессы получают ярлык «трансфобных», подвергаются интернет-кампаниям поношения, и в некоторых случаях трансгендерные активисты пытаются уволить таких непокорных людей с работы или угрожают их репутации.

Тем не менее, понимание трансгендеризма находится на переломном этапе, и есть свидетельства желания переосмыслить подходы к этой практике. Например, конференция была организована специальной группой по интересам геев и лесбиянок Королевского колледжа психиатров 20 мая 2011 года в Лондоне под названием «Трансгендер: время перемен», которая могла бы стать площадкой для критических голосов. К сожалению, его отменили из-за давления со стороны трансгендерных лоббистов (Green, 2011).

Предпринимаются попытки цензурировать все проявления несогласия с идеологией трансгендеров мужского направления и запретить выступления на платформах тем, кого считают еретикицами. Эта кампания против свободы слова в частности направлена против зарождающегося радикального феминистского движения в интернете, которое резко критикует трансгендеризм. Сюда входят феминистки, которые действуют под своими именами, и гораздо большее число тех, кто использует псевдонимы, остро осознавая, с какими серьезными преследованиями они столкнутся, если их личности будут раскрыты. К ним относятся Галлус Мэг из GenderTrender (GenderTrender, n.d.b) и Dirt из блога The Dirt from Dirt, Change your World, Not your Body (Dirt from Dirt, n.d.) и многие другие критические голоса.

Показателем кампании, которую ведут против феминистских критикесс трансгендерные активисты, является то, как мне запретили выступать не только по этому вопросу, но и по любому вопросу вообще. Меня отозвали с крупной феминистской конференции «Феминизм в Лондоне» в ноябре 2011 года, которая впоследствии не состоялась из-за опасений оскорбить трансгендеров. Мне запретили выступать на феминистской конференции в июле 2012 года в Лондоне, которая должна была состояться в секретном месте, после кампании по дискредитации со стороны трансгендерных активистов (Jeffreys, 2012a). Но это

подавление дебатов не может продолжаться бесконечно, поскольку растет интерес к более публичному обсуждению споров. Действительно, в начале 2013 года эта проблема взорвалась в глазах общественности в результате статьи в газете Observer в Великобритании, написанной обозревателем Джули Берчилл, которая критиковала преследование ее коллеги Сюзанны Мур трансгендерными активистами (Young, 2013). Статья Берчилл была подвергнута цензуре и удалена с сайта, но была размещена на многих других сайтах, симпатизирующих ее критике. Трансгендеризм был в центре внимания общественности, и на этот раз стало ясно, что эта практика больше не является бесспорной. Поэтому эта книга своевременна.

Идея и практика гендера потенциально могут причинить боль многим. В трансгендеризме боль может принимать различные формы. Люди, которые чувствуют, что их «гендер» не соответствует их телу, могут страдать от психологических травм, а затем им физически «наносится боль» медицинскими работниками, которые их диагностируют и лечат. Они еще больше страдают после лечения, когда оказываются маргинализированными и исключенными, а некоторые даже могут считать, что совершили ошибку, которую нелегко исправить. Эта книга идет дальше, чем другая литература по этой теме, исследуя более широкий социальный и политический контекст и последствия феномена трансгендеризма. В ней рассматриваются и другие, которые также пострадали, например, жены, которые обнаруживают, что их мужья теперь считают себя женщинами; лесбиянки партнерки, чье лесбийство ставится под сомнение, когда их девушки становятся «мужчинами»; и матери, которые скорбят по своим потерянным дочерям или сыновьям. Все эти категории лиц, которые страдают от трансгендеризма, — женщины, и это касается не только претенденток, но и мужчин. Трансгендеризм вредит лесбийским сообществам, которые расколоты из-за энтрицизма мужчин трансгендеров и исчезновения их членок в химически и хирургически сконструированной

гетеросексуальности, которую трансгендеризм предлагает все большему числу лесбиянок. Феминистское движение также страдает, поскольку трансгендерные активисты и теоретики яростно критикуют феминизм и стремятся разрушить пространства и услуги только для женщин своим энтрицизмом. Успех дестабилизирующих кампаний против феминизма и принципа «только для женщин» зависит от путаницы в отношении того, что означает «гендер».

Гендер и равенство женщин

Трансгендеризм не может существовать без понятия сущностного «гендера». Феминистские критикессы утверждают, что концепция «гендерной идентичности» основана на стереотипах гендера, и в международном праве гендерные стереотипы признаются противоречащими интересам женщин (Hausman, 1995; Jeffreys, 2005; Raymond, 1994). Конвенция Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) (1979) была составлена до того, как язык гендера и идея «гендерной идентичности» стали доминировать в международном правовом дискурсе и стали заменять женщин как половую категорию. Она говорила вместо «стереотипных ролей» и признавала эти стереотипы основой для дискриминации в отношении женщин. Статья 5 гласит, что государства участницы должны принимать

все соответствующие меры [для] изменения социальных и культурных моделей поведения женщин и мужчин с целью достижения искоренения предрассудков и обычаев и всей другой практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или на стереотипных ролях женщин и мужчин (CEDAW, 1979: Статья 5).

Идея «гендерной идентичности» в своем значении опирается на стереотипы и находится в прямом противоречии с пониманием

CEDAW, согласно которому такие стереотипы наносят огромный вред женщинам.

Термин «гендер» сам по себе проблематичен. Впервые он был использован в смысле, который не был просто связан с грамматикой, сексологами — учеными, изучающими секс, такими как Джон Мани в 1950-х и 1960-х годах, — которые занимались нормализацией интерсексуальных младенцев. Они использовали этот термин для обозначения поведенческих характеристик, которые они считали наиболее подходящими для лиц того или иного биологического пола. Они применяли концепцию гендера при принятии решения о половой категории, в которую следует отнести тех младенцев, у которых не было четких физических указаний на тот или иной биологический пол (Hausman, 1995). Их цель не была прогрессивной. Это были консервативные мужчины, которые считали, что должны быть четкие различия между полами, и стремились создать отдельные половые категории с помощью своих проектов социальной инженерии. К сожалению, этот термин был принят некоторыми теоретикессами феминизма в 1970-х годах и к концу 1970-х годов широко использовался в академическом феминизме для обозначения разницы между биологическим полом и теми характеристиками, которые вытекали из политики, а не биологии, и которые они называли «гендером» (Haig, 2004).

До того, как был принят термин «гендер», для описания этих социально сконструированных характеристик чаще использовался термин «половые роли». Слово «роль» подразумевает социальную конструкцию и не было подвержено вырождению, которое поразило термин «гендер» и позволило трансгендерным активистам так эффективно его использовать. По мере того, как термин «гендер» все более широко принимался феминистками, его значение трансформировалось, чтобы означать не только социально сконструированное поведение, связанное с биологическим полом, но и саму систему мужской власти и подчинения женщин, которая стала известна как «гендерная

иерархия» или «гендерный порядок» (Connell, 2005; Mackinnon, 1989). Постепенно старые термины для описания этой системы, такие как мужское господство, половой класс и половая каста, вышли из моды, в результате чего прямая идентификация агентов, ответственных за подчинение женщин, — мужчин — больше не могла быть названа. Гендер, как эвфемизм, исчез из мужчин как агентов мужского насилия против женщин, которое теперь обычно называют «гендерным насилием». Термин «гендер» все чаще используется в официальных формах и законодательстве, например, вместо термина «пол», как будто сам «гендер» является биологическим, и это использование подавило феминистское понимание гендера.

Половая каста

В этой книге я решила использовать термин «половая каста» для описания политической системы, в которой женщины подчинены мужчинам на основе их биологии. Феминистки не пришли к единому мнению о том, лучше ли называть подчиненное положение женщин терминами «каста» или «класс». Те, кто использует концепцию женщин как «половой класс», например Кейт Миллетт, ссылаются на свой опыт в левой политике и видят в идее «класса» возможность революции (Millet, 1972). Однако Миллетт также использовала термин «каста», говоря о «половой кастовой системе» женщин (Millet, 1972: 275). Если женщины находятся в подчиненном классе по отношению к мужчинам, как рабочий класс по отношению к буржуазии, то женскую революцию можно концептуализировать как свержение власти мужчин таким образом, что половой класс перестает иметь значение и исчезнет как значимая категория (Wittig, 1992). Это также подразумевает, как и в левой теории, что женская революция требует признания женщинами своего «полового» классового статуса как основы для политических действий. Тем не менее, термин «половой класс» может быть проблематичным, поскольку он подразумевает, что

женщины могут выйти из своего «класса», таким же образом, как отдельные люди из рабочего класса могут изменить свое классовое положение, став обуржуазенными. Термин «каста», с другой стороны, полезен для этой книги, поскольку он инкапсулирует способ, которым женщины помещаются в подчиненный кастовый статус на всю свою жизнь (см. Burris, 1973). Женщины могут изменить свой экономический классовый статус с восходящей мобильностью, но они остаются женщинами, если только не решат стать трансгендерками и не претендовать на членство в высшей половой касте. Оба эти термина могут быть полезны для выражения положения женщин, но термин «каста» дает особое преимущество в отношении изучения трансгендеризма. Само существование трансгендеризма со стороны женщин демонстрирует липкость кастового подчинения. Знаки касты остаются прикрепленными к женщинам, если они не заявляют, что они на самом деле «мужчины», и только очень значительная социальная трансформация позволит изменить это отношение.

Постмодернистские и квир-теоретикессы разделяют с трансгендерными теоретиками идею о том, что «гендер» — это перемещаемый пир, который можно перемещать, менять местами и так далее. Гендер, используемый в этом смысле, стирает фиксированность пола, биологическую основу, которая лежит в основе отнесения женщин к их половой касте. Девочки младеницы идентифицируются биологией при рождении и помещаются в женскую половую касту, которая наделяет их пожизненным подчиненным статусом. Предпочтение биологически мужским детям и фемицид девочек младениц, например, которые создали большое неравенство в соотношении полов в Индии и других странах, основаны на поле, а не на «гендере». Женские плоды abortируют, а девочек младениц убивают из-за пола, а не «гендерной» дискриминации (Pande, 2006). У плодов нет «гендера» или «гендерной идентичности», потому что силы культуры, ненавидящей женщин, не имели возможности повлиять

на то, как они понимают себя. Статус низшей половой касты женщин определяется их биологией, и именно через их биологию их подчинение навязывается и поддерживается посредством изнасилования, оплодотворения и принудительного деторождения. Женщины не переходят из ношения «женской» одежды в одежду противоположного пола, как это могут делать кроссдрессеры, на самом деле они могут отвергать такую одежду как уничижительную, но все равно страдать от насилия и дискриминации как женщины. Хотя отдельные женщины могут быть успешными в ролях, которые обычно приписываются мужчинам, с ними, скорее всего, будут обращаться как с нарушительницами и подвергать их половым домогательствам, как это произошло с премьер-министроркой Австралии Джулией Гиллард (Summers, 2013). Ее кастовый статус постоянно бросался ей в лицо враждебными комментаторами-мужчинами, политиками и карикатуристами. Женщины не решают в какой-то момент во взрослом возрасте, что они хотели бы, чтобы другие люди воспринимали их как женщин, потому что быть женщиной — это не «идентичность». Опыт женщин не похож на опыт мужчин, которые принимают «гендерную идентичность» быть женщиной в любом отношении. Идея «гендерной идентичности» сводит на нет биологию и весь опыт, который имеют люди с женской биологией, воспитываясь в кастовой системе, основанной на поле. Только одна критика трансгендеризма длиной в книгу была написана во второй волне феминизма, заслуженно известная работа Джанис Рэймонд «Транссексуальная империя» (1994, впервые опубликована в 1979). Она полезно суммирует разницу между феминистским пониманием женщин и пониманием мужчин трансгендеров, следующим образом:

Мы знаем, что мы женщины, которые родились с женскими хромосомами и анатомией, и что независимо от того, были ли мы социализированы как так называемые нормальные женщины или нет, патриархат относился и будет относиться к нам как к женщинам. У транссексуалов нет такой же истории. Ни один

мужчина не может иметь историю рождения и нахождения в этой культуре как женщина. У него может быть история желания быть женщиной и поведения как у женщины, но этот гендерный опыт является опытом транссексуала, а не женщины. Хирургия может наделить артефактами внешних и внутренних женских органов, но она не может наделить историей рождения женщиной в этом обществе (Raymond, 1994: 114) (выделено в оригинале).

Женщины — плод мужского воображения?

Мужчины выносили суждения о том, что такое женщины и как они должны себя вести, на протяжении тысячелетий посредством институтов социального контроля, таких как религия, медицина, психоанализ, секс-индустрия (Millett, 1972). Феминистки боролись за то, чтобы убрать определение того, что такое женщина, из этих мужских институтов и разработать свои собственные понимания. Претензии на «право» самостоятельно определять «гендер» снова подчиняют женственность мужской власти определения. Главной задачей феминистской теории было вывести женщин из-под гнета мужских определений и теорий. Феминистки разработали то, что было названо «теорией феминистской точки зрения», чтобы описать новую форму знания о женщинах, которая формируется из опыта женщин как угнетенной группы и совершенствуется посредством борьбы и коллективного процесса (Harding (ed.), 2004). Самой основой феминизма является эта декларация независимости, отказ от мужских «знаний» о женщинах и привилегированность наших собственных. Представления мужчин о том, что такое женщины, были сформированы из их правящей касты и приписывали женщинам характеристики, которые в наибольшей степени выгодны их хозяевам, а также оправдывали мужское господство над ними. Они не представляют «истину», но продвигались так, как будто они таковыми являются, при поддержке науки и патриархальных взглядов на биологию. Поэтому примечательно, что взгляды мужчин на то, что такое

женщины, в форме трансгендерной идеологии, получили какую-либо поддержку в любой ветви феминистской теории. Но, как я объясню в Главе 2 о трансгендеризме и феминизме, они получили, вплоть до того, что мужчин, которые стали трансгендерами, приглашают в качестве основных докладчиков на конференции, посвященные опыту женщин.

Помимо всего прочего, трансгендеризм со стороны мужчин можно рассматривать как безжалостное присвоение женского опыта и существования. Мужчины, которые заявляют о своей женственности, не имеют никакого опыта быть женщинами, и поэтому не должны иметь права говорить как «женщины». Действительно, эти мужчины часто очень консервативны и гипермаскулинны. Американский трансгендерный пилот вертолета Боб Тур хорошо объясняет этот момент:

Ну, на самом деле, настоящие трансгендеры делают гипермаскулинные вещи. Кристин Бек из «Морских котиков» не является чем-то нетипичным для того, что происходит. Есть много пилотов авиакомпаний, много военных летчиков. Я знал всех видов пилотов, я знал шпионов, я совершал полувоенные полеты за границу. Так что, эм, это не, это не нетипично. Это довольно стандартная вещь. Типичный трансгендер, как правило, имеет IQ на 30 пунктов выше среднего, они, как правило, левши, они, как правило, довольно консервативны, они были женаты, имеют детей. И они, вы знаете, в некоторых случаях имеют гипермаскулинные черты (Tur, 2013).

Интересные признания Тура свидетельствуют о том, что в мужских фантазиях о том, чтобы быть женщинами, нет ничего прогрессивного, совсем наоборот.

Определение терминов

Значение термина «трансгендер» постоянно расширяется. До 1990-х годов термин, используемый для обозначения человека, желающей изменить свой «пол», был «транссексуал». В 1990-х годах термин «трансгендер» был широко принят для обозначения тех людей, которые не хотели заходить так далеко, чтобы делать операцию по удалению вторичных половых признаков, но хотели изменить свой «гендер», обычно понимаемый как маркеры внешности, такие как одежда. К концу 1990-х годов термин «транссексуализм» вышел из моды, и термин «трансгендеризм» был принят в академии и в службах по работе с общественностью для обозначения тех, кого раньше считали транссексуалами, для новой категории, которая хотела изменить «гендер» без хирургического вмешательства, и даже для женоподобных геев и кроссдрессеров. Он также трансформировался в действительно очень общий термин, включающий случайных кроссдрессеров или даже тех, кто считается не имеющим «гендера». Развитие этого термина и его быстрое изменение значения были настолько глубокими, что позволили некоторым транс активистам утверждать, что гомосексуалки сами по себе являются просто подкатегорией трансгендеров (Whittle et al., 2007: 14). В последнее десятилетие термин «трансгендер» был принят в политических документах и в законодательстве.

Трансгендеризм стал зонтичным термином для большого количества людей, которые чувствуют себя некомфортно в традиционных гендерных ролях, но которые, без феминистского анализа того, что гендер сам по себе является проблемой, стремятся отыграть свой дискомфорт, принимая элементы противоположного гендерного стереотипа. Растущая неопределенность категории никоим образом не помешала быстрому принятию термина трансгендер и идеи «права» трансгендеров осуществлять свое «гендерное выражение» в государственных законодательных органах и региональных

форумах, таких как Европейский союз. Все формы, в которых используется этот термин, зависят от идеи сущностного гендера, с которым можно играть или «трансформировать», но не обойтись без него, и поэтому все формы трансгендеризма одинаково проблематичны с точки зрения теоретикесс феминизма. Все они дают кислород концепции гендера, которая формирует основу и оправдание подчинения женщин. В этой книге мы попытаемся рассмотреть все проявления трансгендерности, указав при этом на вред, который она несет.

Физические преобразования, вызванные гормонами и хирургией, не изменяют биологический пол людей, к которым они применяются. По этой причине в этом томе люди мужского пола, которые трансгендерны, называются мужчинами трансгендерами, или трансгендерами с мужским телом, а лица женского пола — женщинами трансгендерки, или трансгендерками с женским телом, чтобы обозначить их биологический пол. Более распространенные термины «из мужчины в женщину» (MTF) и «из женщины в мужчину» (FTM) здесь не используются, поскольку они создают ошибочное впечатление, что пол можно изменить, хотя на самом деле это невозможно.

Трансгендерность не связана с интерсексуальностью. Интерсексуальные люди рождаются с «репродуктивной или половой анатомией, которая, по-видимому, не соответствует типичным определениям женщины или мужчины» (ISNA, б/д). Активистки интерсексуальности не выступают за хирургическую коррекцию пола и часто резко критикуют ее на том основании, что она традиционно использовалась для того, чтобы обрезать интерсексуальных младенцев, чтобы они соответствовали той или иной кастовой категории пола, что пагубно сказывалось на их функционировании (Dreger, 1998). Некоторые трансгендерные интернет-персоны заявляют, что они интерсексуальны, чтобы показать, что они не являются биологически мужчинами, но интерсексуальность и трансгендерность — это разные явления

(ISNA, б/д). Интерсексуальность имеет биологическую основу, тогда как в этой книге будет доказываться, что «гендерная идентичность» — это психическое состояние.

Местоимения

Использование местоимений вызывает большую озабоченность у трансгендерных людей. Они хотят, чтобы другие люди, включая их жен, партнеров и детей, называли их их новыми, принятыми местоимениями. Разногласия по поводу использования местоимений носят политический характер. Мужское местоимение больше не может, приемлемо, использоваться как общее и включать женщин, например. Я решила использовать местоимения, которые указывают на биологический пол людей, чья работа обсуждается здесь, по ряду причин. Во-первых, биологический пол трансгендерных людей не меняется, и использование местоимения происхождения указывает на это. Это политически важно, поскольку феминисткам полезно знать биологический пол тех, кто утверждает, что они женщины, и пропагандирует предвзятые версии того, что составляет женственность. Кроме того, использование мужчинами женских местоимений скрывает мужскую привилегию, дарованную им в силу того, что они были помещены и воспитаны в мужской касте. Если к мужчинам обращаются на «она», то вся эта привилегия, которая влияет на их позицию в речи и может иметь решающее значение для их выбора быть «женщинами» в первую очередь, исчезает.

Другая причина приверженности местоимениям, указывающим на биологию, заключается в том, что, как феминистка, я считаю женское местоимение почетным, термином, который передает уважение. Уважение следует оказывать женщинам как членам половой касты, которые пережили подчинение и заслуживают того, чтобы к ним относились с почтением. Мужчины, которые являются

трансгендерами, не могут занимать такое положение. Этот аргумент используют женщины — партнерки мужчин трансгендеров, в главе 4. Они часто считают невозможным принять, что их мужья стали женщинами, и не могут использовать для них местоимения, которые, как они понимают, характерны для их собственного опыта как женщин. Как будет доказывать эта книга, точки зрения жен и партнерок важны и должны уважаться. Кроме того, приверженность местоимениям происхождения позволяет избежать трудностей, связанных с суждением о том, каких мужчин следует называть женщинами, тех, кто просто иногда занимаются кроссдрессингом, или тех, кто принимает гормоны, или тех, кто проводит операцию по смене пола. Создание таких различий — отвратительная задача, и поскольку все они сохраняют мужскую биологию, проще сохранить местоимения, указывающие на их пол. Кроме того, люди, которые сожалеют о трансгендерности, могут решить вернуться к своим прошлым местоимениям, или они могут в некоторых случаях возвращаться туда и обратно несколько раз со сложными изменениями местоимения на каждом шагу. Использование местоимений происхождения позволяет избежать необходимости в потенциально многочисленных изменениях с течением времени.

Структура книги

Две вступительные главы книги показывают, как развивалась идея трансгендеризма и как она смогла набрать обороты с середины двадцатого века. Глава 1 рассматривает конструкцию трансгендеризма медицинскими специальностями, такими как эндокринология, хирургия и психология. Глава 2 анализирует факторы, которые позволили ряду феминистских, лесбийских и гей движений поддержать права трансгендеров, такие как развитие квир и постмодернистской теории, которая продвигала идею о том, что на самом деле не существует такого понятия, как «женщина», и что игра с «гендером» и его смена — это трансгрессивная практика.

Третья глава «становление трансгендером: очень больно» рассматривает наиболее непосредственное пагубное воздействие конструкции трансгендеризма. В ней будет проанализирована литература о психологических и физических последствиях трансгендерной хирургии и длительного приема гормонов для самих трансгендеров. В ней будут описаны пагубные практики, связанные с трансгендерной практикой, от связывания груди до хирургии половых органов и повторных операций на лице, и кто от этого получает выгоду.

В следующих главах рассматриваются социальные, политические и правовые последствия построения этого явления. В двух главах рассматривается вред, наносимый женам, девушкам и партнеркам лесбиянкам трансгендеров, чья жизнь существенно страдает, когда их партнерки меняют пол. Все чаще женщины, чьи мужья стали трансгендерами, высказываются и оказывают сопротивление. Большинство мужчин трансгендеров (Lawrence, 2004) имеют историю переодевания для полового возбуждения, и эти мужчины часто женаты и имеют детей, прежде чем принимают решение пойти дальше. Жены страдают от того, что их идентичность оспаривается мужьями, которые утверждают, что они лесбиянки, и могут требовать от своих партнерок также идентифицировать себя как лесбиянок. Аналогичным образом, партнерки лесбиянок женщин трансгендеров должны переопределить себя как гетеросексуальных женщин, если они хотят оставаться в отношениях с женщинами, которые теперь считают себя гетеросексуальными мужчинами. В обоих случаях не-трансгендерные партнерки оказываются в ситуации, когда им приходится выполнять значительную часть неоплачиваемой работы, чтобы поддерживать своих партнеров трансгендеров, например, необходимость быть более женственными, чтобы помочь партнерке лесбиянке почувствовать себя более мужественной. Партнерки должны предоставлять неоплачиваемые услуги медсестры, делать инъекции, организовывать встречи, водить своих партнерок по магазинам, копить деньги и оплачивать

операции. Им приходится справляться с разоблачением или необходимостью, как они говорят, оставаться в шкафу относительно практики своих партнерок. Они получают мало поддержки или признания за психологический вред, который они переносят, который некоторые психологини теперь сравнивают с посттравматическим стрессом. В другой главе подробно описывается очень тревожный эффект трансгендерного активизма и лоббирования медицинской профессии, трансгендеризации детей.

В последних двух главах рассматриваются практические последствия кампании за права трансгендеров для всех женщин, включая доступ мужчин трансгендеров в женские туалеты и тюрьмы, а также в женские пространства, такие как убежища для жертв домашнего насилия. Глава 7, озаглавленная «Столкновение прав», рассматривает, каким образом требование признания в законе «права» на гендер и «гендерное выражение» представляет собой столкновение с правами женщин. В этой главе будут рассмотрены способы изменения законодательства в западных странах для учета «гендерных прав» и последствия этих изменений. Одной из основных целей групп трансгендерных активистов является предоставление мужчинам трансгендерам доступа к «гендерным пространствам», таким как женские фестивали, женские убежища, службы по борьбе с половым насилием, приюты для женщин, туалеты и тюрьмы. Эти пространства были созданы для обслуживания интересов женщин как подчиненной группы, для обеспечения социальной и политической организации, отдельной от мужского контроля, для обеспечения конфиденциальности и безопасности от мужского насилия. Решимость мужчин, считающих себя трансгендерами, войти в эти пространства привела к значительному напряжению в женских сообществах. В некоторых случаях это привело к приостановке женских фестивалей или отказу от попыток создания женских центров способами, которые являются весьма

проблематичными для женских сообществ, которым они были призваны служить.

Чтение против течения

Существует очень мало критической литературы о трансгендеризме, которая могла бы стать основой для этой книги. После новаторской книги Дженис Рэймонд «Транссексуальная империя» в 1979 году, наблюдалось почти полное отсутствие феминистской критической работы, на фоне лавины исследований и работ, которые принимают позитивный, если не праздничный, подход к теме. По этой причине было необходимо читать праздничную или поддерживающую литературу, которая существует «против течения», то есть извлекать многочисленные доказательства вреда трансгендеризма, которые очевидны даже в том, что якобы способствует этой практике. Помимо чтения против течения, я использовала аналогии в двух главах и три ключевых интервью, проведенных Лорен Готтшалк, чтобы раскрыть то, чего не раскрывает академическая и популярная литература.

В двух главах я использовала аналогии, чтобы показать сходство между трансгендеризмом и гомосексуальностью или евгеникой, с целью продемонстрировать вред среди пустыни любой формы критики. Для первой главы об исторической и сексологической конструкции трансгендеризма я сочла очень полезным провести аналогию с конструкцией гомосексуальности как категории. При отсутствии критических подходов к конструкции трансгендеризма в академической или популярной литературе это предложило полезный путь, особенно потому, что эти две практики очень связаны очевидными способами. Аналогичным образом я использовала аналогию в главе о трансгендеризации детей, сравнивая ее с практикой половых операций, которые проводились теми, кто вдохновлялись идеями евгеники, чтобы подчеркнуть вред при отсутствии какой-либо критической литературы.

Мне пришлось разрабатывать свою критику теории трансгендерности без каких-либо полезных указаний из другой критической литературы, поскольку опубликованных материалов такого рода не существует. Но растущие критические комментарии радикальных феминисток в Интернете были очень полезны в этом отношении. Я благодарна моим сестрам как за фактическую информацию, которую они предоставляют на веб-сайтах и в блогах, так и за их теоретический вклад. Пришло время, чтобы академический феминизм догнал блоггеров новой волны радикального феминизма и произвел больше критических работ и исследований.

Для главы 3, в которой рассматривается вред трансгендеризма для самих трансгендеров, были проведены два интервью. Существует очень мало критической литературы о процессе трансгендерности от тех, кто через это прошла, потому что проблема трансгендерного сожаления, когда мужчины и женщины говорят и пишут о возвращении к своему изначальному полу из-за своей глубокой неудовлетворенности, только недавно стала достоянием общественности. Для этой книги были проведены два интервью с людьми, которые совершили обратный переход, — мужчиной, Уолтом Хейером, и женщиной, Хит Рассел.

Еще одно интервью было также проведено, чтобы предоставить непосредственные доказательства вреда мужских практик трансгендеризма для их жен. Сборники рассказов об их опыте жен и матерей трансгендеров и индивидуальные биографии женщин, чьи мужья и партнеры стали трансгендерами, хотя и не предназначены для критики этой практики, тем не менее, содержат большой объем материала, демонстрирующего, каким образом это сильно вредит им. Я использовала этот материал здесь. Есть одна биография жены, которая недвусмысленно критикует, и это было очень полезно (Benvenuto, 2012). Интервью с партнеркой мужчины, который стал трансгендером, было полезно для получения картины ее опыта от человека с критическим взглядом и развитой критикой

этого явления. Все три интервьюируемых, использованных в этой книге, были получены через онлайн-сети, которые начинают формироваться из тех, кто критикует эту практику. Они были жизненно важным ресурсом в отсутствие критической литературы.

Начинают появляться интересные исследования, проводимые феминистскими учеными в отношении женщин, которые меняют пол, и их партнерок, которые были полезны для главы 5 этой книги (Brown, 2007, 2009, 2010; Pfeffer, 2008, 2010). Эта работа не утверждает, что она принимает критический подход и, действительно, не демонстрирует никаких негативных взглядов относительно практики трансгендеризма как таковой, но предлагает наиболее полезную информацию для понимания пагубного воздействия трансгендерности лесбиянок на их партнерок. Возможно, эта проблема волнует феминистских и лесбийских феминистских ученых, потому что это происходит в их сообществах и близко к дому.

Что касается закона о правах трансгендеров, я не обнаружила никакой критической литературы и никакой литературы, которая предлагала бы предостережения относительно потенциального столкновения с правами женщин. В этой области необходимо проделать большую работу. Также нет литературы о влиянии включения трансгендеров в женские службы и пространства, за исключением литературы Лорен Готтшалк, которая используется в Главе 8. Существует необходимость в гораздо большем количестве исследований в этих областях. Чтобы дополнить скудную критическую литературу, которая существует по нескольким темам в книге, я обратилась к веб-сайтам и блогам самих трансгендерных активистов, которые стали богатым источником для демонстрации быстрого развития движения за права трансгендеров и некоторых из его более странных внешних проявлений.

Важность социального конструкта

Чтобы поместить все эти вопросы в контекст, сначала необходимо рассмотреть, как был сконструирован феномен трансгендеризма, исторически и политически. Это задача Главы 1. Я прекрасно понимаю, что новые поколения феминисток, лесбиянок и гейских активисток и мыслительниц могут счесть идею социального конструирования трудной для принятия. Идея о том, что гомосексуальность и трансгендерность являются врожденными, стала довольно доминирующей сегодня, тогда как во времена феминизма второй волны понимание того, что гендер и ориентация социально сконструированы, было обычным делом. Эта книга основана на понимании того, что трансгендеризм является социальным конструктом, и по этой причине я решила рассмотреть вопрос социального конструирования более подробно.

КОНСТРУКЦИЯ ТРАНСГЕНДЕРИЗМА

В этой книге утверждается, что трансгендеризм является социальной конструкцией середины-конца двадцатого века. Понятие «трансгендеризм» было, как выразился антрополог Дэвид Валентайн, «институционализировано» в 1990-х годах (Valentine, 2007). С тех пор была создана новая история трансгендеров, чтобы поддержать идеи и практики трансгендерных активистов. Эта новая история утверждает, что всегда были люди, которые по сути были «трансгендерами», на протяжении всей истории (Prosser, 1998; Stryker, 2008). Эти активисты утверждают, что трансгендерным людям в двадцатом веке помогло развитие медицинских специальностей, которые позволили им «выйти» из трансгендерного шкафа и осознать свою потребность в смене пола. В этой главе будет оспорена эта версия истории, история, которая имеет смысл только в том случае, если трансгендеризм понимается как основанный на существенном качестве, которое некоторые сексологи называют идеей «женской сущности» (Dreger, 2008). Если эта предпосылка отвергается, необходимо объяснить, как возник феномен трансгендеризма, и в этой главе будет предпринята попытка выполнить эту задачу. Я утверждаю, что, будучи далеко не константой в истории и в разных культурах, трансгендеризм является довольно недавней конструкцией. В этой главе мы сосредоточимся на мужчинах трансгендерах, поскольку идеология и практика трансгендеризма были изобретены мужчинами. Хотя женщины составляли небольшое меньшинство тех, кто стремился к трансгендерности до 1990-х годов, с тех пор их стало больше, и они стремились втиснуть себя в набор идей, созданных мужчинами-учеными в области пола, и мужчинами, которые были основными сторонниками смены пола (Jeffreys,

2003). Различия между трансгендерным поведением женщин и мужчин будут подробно рассмотрены в следующей главе.

Происхождение термина «трансгендер»

Термин «транссексуал» был придуман в 1950-х годах для описания людей, желающих сменить пол, и популяризирован эндокринологом Гарри Бенджамином в его книге «Транссексуальный феномен» (1966). Термин «трансгендер» был придуман мужчиной — и, согласно его протестам, гетеросексуалом — кроссдрессером Вирджинией Принс, который стремился отличить себя от тех, кого идентифицировали как транссексуалов, и создать более приемлемое лицо для практики, ранее понимаемой как «парафилия» — форма полового фетишизма (Prince, 2005b). Принятие Принсом этого термина было частью того, что я здесь назову «переходом к гендеру», в котором и переодевание в одежду противоположного пола, и транссексуализм стали пониматься как выражения внутреннего или сущностного пола, а не просто хобби, осуществляемые ради полового возбуждения. Термин «трансгендер» затем был нормализован через квир-политику 1990-х годов, когда он был принят для передачи широкого значения, охватывающего всех тех, кто, как считалось, участвовал в поведении, обычно приписываемом противоположному полу, от бутч лесбиянок до переодевающихся геев, проституированных мужчин. В настоящее время термин «трансгендер» используется в обиходе для обозначения тех, кого когда-то называли «транссексуалом», слово, которое больше не используется. В этой главе будет предпринята попытка объяснить, почему произошло это важнейшее изменение в терминологии. Термин «трансгендер» используется в этой книге в том значении, в котором он наиболее часто используется в настоящее время, для обозначения тех, кто считает, что имеет «гендерную идентичность», отличающуюся от того, что в обществах,

проповедующих превосходство мужчин, ассоциируется с их биологическим полом.

Конструкция гомосексуальности

Идея о том, что трансгендерность социально сконструирована, будет спорной. В трансгендерной идеологии трансгендерные люди, рассматриваются как обладающие «сущностью» — состоящей из одежды или привычек — «гендера», который обычно ассоциируется с противоположным полом. Эта сущность понимается как результат либо биологической случайности, либо как продукт какого-то другого таинственного и обычно не идентифицируемого процесса, и поэтому «естественного». Например, в своей книге «Вторая кожа» Джей Проссер специально отвергает конструкционистский подход, утверждая, что трансгендерные люди существовали до и вне сил конструирования, которые я здесь опишу (Prosser, 1998). Обвинения в «трансфобии» и «трансмизогинии» регулярно направляются любому, кто подвергает сомнению эссенциалистский дискурс, которого придерживаются такие трансгендерные активисты. Но, что интересно, подобные обвинения в «гомофобии» не были и не направлены против тех историкесс и исследовательниц лесбиянок и геев, которые утверждают, что «гомосексуальность» — это социальная конструкция. Идея о том, что гомосексуальность — это не та, кто изначально предрасположена к половому влечению к своему полу, также вызывает споры в значительной части гей-сообщества, но не привела к таким язвительным высказываниям и оскорблениям. Изобретение гомосексуальности поучительно для демонстрации того, как также появилась «трансгендерность», потому что идея о том, что существует такая сущность, как трансгендерная человека, следует сценарию построения концепции «гомосексуальности» мужчинами сексологами или учеными, изучающими пол, в девятнадцатом веке.

Построение трансгендеризма в конце двадцатого века во многих важных отношениях напоминает построение гомосексуальности. 1960-е и 1970-е годы были золотым веком социального конструкционизма в социальных науках. Теоретикессы и историкессы лесбиянок и геев, воспитанные на ценностях того времени, утверждали, что идея гомосексуальности как особого типа человека, которой врожденная аномалия предначертала испытывать влечение исключительно к другим лицам того же пола, на самом деле была социальной конструкцией (Mackintosh, 1968; Weeks, 1977). Подход социального конструкционизма не обошелся без критиков в лесбийской и гей академии. Были некоторые, кто утверждали, что построение гомосексуальности обязано чем-то как биологии, так и культуре (Dynes, 1992). Некоторые из конструкционистов сами признавали, что отдельные гомосексуалки не воспринимали свою идентичность как социально сконструированную, поэтому в теории социального конструкционизма должно быть некоторое признание убедительности личного опыта (Epstein, 1992). Но для большинства ученых лесбиянок и геев было хорошо понятно, что история, культура и политика сконструировали гомосексуальности.

Существуют разногласия относительно того, когда это построение изначально имело место: в конце семнадцатого века, когда гомосексуальные мужчины собирались в домах и клубах Молли в Лондоне, как утверждала Мэри Макинтош (1968); или в девятнадцатом веке, как утверждал Мишель Фуко (1978). Однако ясно, что именно в девятнадцатом веке значительные социальные институты стали участвовать в построении гомосексуалок как отдельной категории лиц. Гомосексуальность была сконструирована, в этом понимании, из двух основных источников, закона и медицины, оба из которых, как я здесь утверждаю, были также принципиально важны для построения трансгендеризма. Ученые лесбиянки и геи объясняют, что в начале девятнадцатого века половое поведение все еще регулировалось церковными судами (Weeks, 1977). Понятия гомосексуальности как такового не

существовало, но определенные половые практики считались неприемлемыми, в частности, в данном случае содомия. Поскольку церковные суды вышли из употребления, уголовное право взяло на себя роль регулятора правильной половой практики. Так, в конце девятнадцатого века в Великобритании был принят Закон о внесении поправок в уголовное законодательство 1885 года, который конкретно сделал гомосексуальное половое поведение мужчин незаконным. В соответствии с этим законодательством Оскар Уайльд был привлечен к ответственности в 1890-х годах, и его судебный процесс был широко освещен. Все это помогло кристаллизовать идею гомосексуальности. В тот же период наука сексология взяла на себя роль религии, чтобы предоставить предписания приемлемого и неприемлемого полового поведения.

Первая подробная формулировка в социологии идеи о том, что гомосексуальность не является «состоянием», а «социальной ролью», была сделана социологиней лесбиянкой Мэри Макинтош в ее новаторской статье «Гомосексуальная роль» (1968). Она применила понимание теории маркировки к гомосексуальности и утверждала, что концептуализация гомосексуальности как определенного типа человека, страдающей от состояния, действует как форма социального контроля, которая «помогает обеспечить четкий, публичный и узнаваемый порог между допустимым и недопустимым поведением» (Mackintosh, 1968: 183). Макинтош объяснила, что в отношении гомосексуальности «создание специализированной, презираемой и наказуемой роли гомосексуальности сохраняет большую часть общества чистой» (Mackintosh, 1968: 184). Она говорит, что психологини и психиатрки принимают участие в процессе маркировки в отношении гомосексуальности и, таким образом, в «механизмах социального контроля». Такой способ видения гомосексуальности полезен и для понимания трансгендеризма. Создание трансгендерной роли можно рассматривать как способ отделения неприемлемого гендерного поведения, которое может угрожать системе мужского господства и женского подчинения, от правильного гендерного

поведения, которое считается подходящим для лиц определенного биологического пола. В случае гомосексуальности эффект заключается в том, чтобы укрепить идею исключительной и естественной гетеросексуальности; а в случае трансгендеризма — естественности половых ролей.

Макинтош указывает на другой аспект гомосексуальной роли, который имеет отношение к «роли» трансгендера, а именно, что «сами гомосексуалки приветствуют и поддерживают идею о том, что гомосексуальность — это состояние» (Mackintosh, 1968: 184). Это происходит потому, что это устраняет возможность «возврата к нормальности» и «устраняет элемент тревожного выбора». Таким образом, гомосексуальность и, возможно, трансгендерная человека сегодня могут считать себя действующими таким образом, который является для них законным, и они могут продолжать вести себя таким образом, не «отвергая нормы общества». Мишель Фуко представил свою собственную версию социального конструктивистского анализа в «Истории сексуальности: Том 1», утверждая, что в девятнадцатом веке гомосексуальность «стала персонажкой, прошлым, историей болезни и детством, в дополнение к тому, что он был типом жизни, формой жизни и морфологией» (Foucault, 1978: 43). Когда эта книга была переведена на английский язык в 1978 году, его идеи создали новую волну гей, социального конструктивистского анализа и исследований.

В 1960-х и 1970-х годах не было никаких всплесков со стороны других лесбиянок и геев, что такие социально-конструктивистские описания гомосексуальности были «гомофобными», но подобные аргументы о трансгендеризме сегодня подвергаются нападкам как «трансфобные». В социальных науках они были хорошо приняты, и анализ Макинтоша теперь считается классикой в этой области (см. Stein, 1992). Однако в отношении трансгендеризма за последние два десятилетия, в течение которых конструирование этой практики достигло своего пика — за некоторыми заметными

исключениями (Gottschalk, 2003; Hausman, 1995; Jeffreys, 2006, 2008), — такого социально-конструктивистского анализа не было. Это само по себе представляет загадку.

Сходства между конструированием гомосексуальности и конструированием трансгендерности

Одной из важных причин, по которой социальная конструкция гомосексуальности поучительна для понимания этого процесса в отношении трансгендеризма, является то, что сексологини, которые были вовлечены в создание идеи гомосексуальности как особого типа человека в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков, не проводили четкого различия между гомосексуальностью и тем, что позже будет пониматься как кроссдрессинг, транссексуализм или трансгендерность. Главное сходство в сексологической конструкции между гомосексуальностью девятнадцатого века и трансгендерной человекостью сегодня заключается в том, что они оба понимаются как биологически предопределенные действовать так, как они действуют. «половая инверсия» Генри Хэвлока Эллиса (1927, впервые опубликовано в 1897 году) является хорошим примером этого. Эллис, чья работа включала подробное рассмотрение работы и выводов многих сексологинь и психоаналитиков, которые предшествовали ему, утверждал, что гомосексуальность, или половая инверсия, была «врожденной аномалией» (Ellis, 1927: 318). Он считал, что аномалия возникла в результате «скрытой органической бисексуальности» каждого пола (Ellis, 1927: 310). Эллис включил в это понимание переодевание мужчин в одежду противоположного пола, которое он назвал эонизмом, в честь кавалера Д'Эона. По его мнению, эонизм, или трансвестизм, был отдельным, но под одним и тем же зонтиком и созданным одной и той же биологией. Изобретение термина «трансвестит» для

описания практики, отличной от гомосексуальности, приписывается сексологу Магнусу Хиршфельду в публикации 1910 года (Blanchard, 2005).

Другое важное сходство заключается в том, что и гомосексуальность сексологического дискурса, и «трансгендерная» человека сегодня рассматриваются как биологически предназначенные для принятия поведения, культурно связанного в определенное время истории с противоположным полом.

«Инвертированная человека», объясняет Эллис, имела «тонкие приближения к противоположному полу... как с физической, так и с психической стороны» (Ellis, 1927: 310). Другое сходство заключается в том, что в обоих случаях мало доказательств в поддержку веры в биологический детерминизм. Не имея научных доказательств в поддержку своей веры, Эллис просто сделал утверждение о существовании женских или мужских «зародышей»: «при зачатии организм снабжается примерно 50 процентами мужских зародышей и примерно 50 процентами женских зародышей, и что по мере развития либо мужские, либо женские зародыши берут верх, пока в зрелом развитом индивидууме не останется только несколько абортированных зародышей противоположного пола» (Ellis, 1927: 311). У гомосексуальности, считал он, что-то идет не так с процессом «из-за некоторой особенности в количестве или характере либо исходных мужских зародышей, либо женских зародышей», в результате чего «человека больше приспособлена к осуществлению инвертированного, чем нормального полового импульса» (Ellis, 1927: 310). Эта человека может не показывать никаких физических признаков инверсии, но врожденная аномалия может быть очевидна в поведении. Такое поведение может включать, по мнению Эллиса, леворукость, высокий женский голос, женский почерк или, у женщин, мужской почерк. Многие из описанных им случаев у мужчин демонстрировали неспособность свистеть или, в случаях с женщинами, способность «свистеть превосходно» (Ellis, 1927: 291). Эллис утверждал, что «инвертированные женщины»

также выражали поведение, более обычно ассоциируемое с противоположным полом, то есть они «часто, хотя и не всегда, производят впечатление мужественности или мальчишества» (Ellis, 1927: 251).

Исторически сложилось так, что те, кто любила и вступала в половые отношения с лицами одного пола, также, вероятно, вступали в переодевание и кроссгендерное поведение, манерность, дрэг и женоподобность по отношению к геям, а также мужественность и бутчность по отношению к лесбиянкам. Мэри Макинтош цитирует описание 1729 года того, как гомосексуальные мужчины вели себя в домах Молли, где «члены клубов перенимали все мелкие тщеславия, естественные для женского пола, до такой степени, что они пытались говорить, ходить, болтать, визжать и ругаться, как это делают женщины, подражая им также и в других аспектах» (цитируется в Mackintosh, 1968: 188). Выражение поведения, рассматриваемое как «принадлежащее» другому полу, было обычной, если не основной, формой, в которой практиковалась гомосексуальность. По этой причине историкессы лесбиянок и геев обычно включали тех, кто демонстрировала такое поведение, в историю геев. Как выразился Джон Д'Эмилио в своей истории 1983 года «половых сообществ» в Соединенных Штатах с 1940 по 1970 год: «В течение первых двух десятилетий двадцатого века геи кроссдрессеры и их невзрачные товарищи заводили связи в салунах и клубах, разбросанных по наименее респектабельным частям города» (D'Emilio, 1998, впервые опубликовано в 1983: 12). Его книга была опубликована до того, как трансгендерные активисты и ученые занялись захватом земель для феминных геев и бутч лесбиянок, чтобы включить их в трансгендерную, а не «гейскую» историю. Д'Эмилио охарактеризовал дрэг-балы как часть гей-истории, хотя сегодня их, вероятно, рассматривали бы как выражение «трансгендеризма» (D'Emilio, 1998: 12).

В работах активистов и теоретиков трансгендерности сегодня те, кто состояла в однополых отношениях в предыдущие исторические

периоды и кто переодевался в одежду противоположного пола, отделяются от категории гомосексуальности и помещаются в категорию «трансгендеров». Джей Проссер, например, определяет персонажку Стивена в романе «Колодец одиночества» как архетипического трансгендера (Prosser, 1998), хотя историкессы лесбиянки характеризуют ее как лесбиянку (Doan, 2001; Newton, 1984). Более недавней человеком, которую «транспонировали» Проссер и другие трансгендерные активисты, была Брэндон Тина, молодая женщина, которая иногда носила мужскую одежду и была убита в Небраске в 1993 году. Проссер говорит, что было совершенно неправильно, когда СМИ идентифицировали ее как женщину или как лесбиянку, и разделяет возмущение трансактивистской группы Transsexual Menace, которая образовалась в ответ на это воспринимаемое «квиринг» трансгендерного опыта. Антрополог Дэвид Валентайн, с другой стороны, говорит, что «бесспорное включение таких людей, как... Брэндон Тина, в охватывающую категорию «трансгендеров» производит репрезентативную колонизацию этих жизней» (Valentine, 2007: 229). Кэролин Гейдж, американская лесбиянка феминистка и драматургиня, красноречиво писала о своих опасениях по поводу транспонирования Брэндона (Gage, 2010). Она объясняет, что в фильме «Парни не плачут», снятом о Брэндоне, и в произведениях трансгендерных активистов, которые ее героизируют, отсутствует важная информация. Информация включает в себя факты ее жестокого полового насилия в течение многих лет в ее женском детстве со стороны родственника мужчины. Гейдж проводит параллели между проблемами психического здоровья Брэндона, ее расстройством пищевого поведения и ее идентификацией с мужчиной насильником с опытом других девочек, подвергшихся половому насилию аналогичным образом. Все это делает ее более типичной для молодой женщины, пережившей насилие, говорит она, чем для мужчины.

Я буду утверждать, что категория «трансгендер» была создана силами мужской власти, то есть что она была создана не только социально, но и политически. Дэвид Валентайн говорит, что задачей его исследования развития трансгендеризма было изучение «набора властных отношений, посредством которых» создаются новые категоризации, и люди вынуждены приспособляться к «политическим, социальным, культурным и экономическим процессам, которые лежат в основе таких властных отношений; и какие эффекты имеют такие требования» (Valentine, 2007: 243). Я попытаюсь определить силы мужской власти, которые создали трансгендеризм как категорию, отдельную от гомосексуальности в двадцатом веке.

Медицина создает трансгендеризм

Трансгендеризм, понимаемый как возможность физической смены пола, стал мыслимым только в результате развития медицины в двадцатом веке. В своем социально-конструктивистском описании возникновения трансгендеризма Бернис Хаусман объясняет, что эта связь не была хорошо понята, так как

Эти связи между медицинскими технологиями, медицинской практикой и появлением «изменения пола» в двадцатом веке были проигнорированы большинством ученых, изучающих этот предмет, которые обычно понимают транссексуализм как проявление транссторического желания некоторых человеческих субъектов быть другим полом (Hausman, 1995: 2).

Эндокринология была медицинской специальностью, которая играла самую значительную роль, и двумя наиболее влиятельными врачами, выступавшими за смену пола в середине века, были эндокринологи Гарри Бенджамин и Кристиан Хамбургер. Бернис Хаусман утверждает, что именно «публичное распространение научных знаний об эндокринной системе человека» позволило «определенным человеческим субъектам» «осознать себя как

представителей «другого» пола» (Hausman, 1995: 26).

Эндокринология, объясняет она, «предоставила медицине инструменты для усиления полового диморфизма, а не только для его изучения и описания» (Hausman, 1995: 38). Эндокринологии развили экспертизу гормонов, которые изначально, в первые несколько десятилетий двадцатого века, вводились в тела мужчин, которые хотели улучшить свою мужскую силу, путем вставки яичек козла. Позже искусственные гормоны, имитирующие естественные гормоны, вырабатываемые человеческим организмом, оказались более эффективными. Эти гормоны использовались для интерсексуальных пациенток, которых сексологи считали нужным сделать более похожими на половую категорию, в которую врачи поместили их при рождении. Затем их использовали для пациенток, которые хотели сменить пол. Другая медицинская специальность должна была находиться на определенной стадии развития, чтобы сделать возможной пластическую операцию, и это была анестезия (Stryker, 2008). Третьей медицинской специальностью, которая сделала возможной трансгендерность, была сама пластическая хирургия.

Развитие этих медицинских специальностей было настолько важно для построения трансгендеризма, что историк сексуальности Верн Буллоу комментирует, что он «однажды представил статью» в 1973 году, предполагая, что транссексуализм может быть «ятрогенным», то есть проблемой для здоровья, созданной самой медициной. Он может существовать, говорит он, «просто потому, что хирурги теперь могут делать изменения пола, которые раньше были невозможны» (Bullough, 2006: 4). Хаусман объясняет, что когда появились общедоступные знания о медицинских достижениях и технологических возможностях, люди могли тогда называть себя «соответствующими субъектами определенных медицинских вмешательств и тем самым участвовать в построении себя как пациенток» (Hausman, 1995: 23). Эти медицинские разработки позволили построить идею «гендерной идентичности».

Требования

Хаусман утверждает, что было бы неправильно рассматривать пациенток, стремящихся к смене пола, как пассивных жертв лечения; скорее «транссексуальные субъекты» сыграли определяющую роль в построении трансгендеризма, «требуя» хирургического вмешательства и лекарств, которые, по их мнению, могли бы помочь им в их стремлениях (Hausman, 1995). Она говорит, что «важно» «подчеркнуть роль транссексуальных субъектов в той мере, в какой они заставляли медицинскую профессию реагировать на их требования» (Hausman, 1995: 110). Хаусман рассматривает союз трансгендеров с врачами как определяющий элемент в построении трансгендеризма. В 1980 году это привело к включению в диагностическое и статистическое руководство расстройства гендерной идентичности, что проложило путь к лечению (там же). Оно признало их желания формой психического заболевания, вызванного обладанием аномальным, но существенным «гендером».

Таким образом, идентичность трансгендеров зависела от медицинской профессии, и именно их потребность в хирургии отличала их от других категорий половых отклонений, диагностикой и регулированием которых занимались сексологи, таких как гомосексуальность. В то время как гомосексуальность — это просто форма поведения, которую может принять любая, для подавляющего большинства его приверженцев трансгендеризм представляет собой паломничество к цели, которая может быть достигнута только с помощью врачей, поскольку транссексуалы «нуждались в услугах профессиональных врачей для достижения своих целей» (там же). Как отмечает историк сексуальности Верн Буллоу, эти медицинские разработки «заставили медицину и транссексуалов заключить тесный союз в 1960-х и 70-х годах», в то время как «геи, лесбиянки, бисексуалы, кроссдрессеры, а позже

даже интерсексуальные люди» пытались освободиться от медицинского контроля (Bullough, 2006: 4).

Подавляющее большинство требований составляли мужчины, хотя среди тех, кто требовал смены пола, всегда было и несколько женщин, включая Рид Эриксон, богатую американку, которая смогла через Фонд Эриксона финансировать и влиять на сексологические исследования трансгендеризма (Meyerowitz, 2002). До последнего расширения категории сексологини подсчитали, что на одну женщину, требующую операции, приходилось трое мужчин. Это соотношение в основном сохраняется, и заявители на Сертификат признания пола Великобритании в соответствии с Законом о признании пола 2004 года находятся в точно таком же соотношении (Министерство юстиции, 2012). Требовавшие мужчины делятся на две категории: гомосексуальные мужчины, которые чувствовали себя неспособными любить мужчин, оставаясь в мужском теле; и мужчины, которые были в подавляющем большинстве гетеросексуальны и трансгендерны в качестве кульминации своего интереса к переодеванию (Blanchard, 2005).

Волна публичности, которая предупредила мужчин о возможностях, открытых для них, произошла в связи со сменой пола Кристина Йоргенсена, который относится к первой категории. Историкесса трансгендеризма Джоанн Мейеровиц утверждает: «В 1950-х годах Йоргенсен сделал смену пола бытовым термином» (Meyerowitz, 2002: 51). Случай Йоргенсена вызвал огромный интерес СМИ в Соединенных Штатах. В своей книге «История трансгендеров» трансгендерная активистка Сьюзан Страйкер говорит, что «слава Йоргенсена стала переломным моментом в истории трансгендеров» (Stryker, 2008: 49). Йоргенсен был гомосексуалом и в своих мемуарах сказал, что его «эмоции были либо женскими, либо гомосексуальными» (Meyerowitz, 2008: 54). Он предпочитал считать себя женщиной, возможно, потому, что считал гомосексуальность безнравственным: «это было глубоко

чуждо моим религиозным взглядам» (цитата из Meyerowitz, 2008: 57). В письме к психиатру в 1950/1951 годах Йоргенсен описывал себя как «гомосексуала» с «большой долей женственности» (цитата из Meyerowitz, 2008: 59). Через несколько лет и Йоргенсен, и врачини, которые его лечили, подчеркивали разницу между его состоянием и состоянием гомосексуальности и подчеркивали, что его проблема была «железистой» (Meyerowitz, 2008: 61). Но в начале его карьеры не было сформулировано понятие трансгендерности, с которым Йоргенсен мог бы себя идентифицировать. Мейеровиц объясняет, что именно эндокринолог Йоргенсена сказал ему, что он не гомосексуал, а страдает заболеванием под названием «трансвестизм», которое «глубоко укоренилось во всех клетках» его тела (Мейеровиц, 2008: 66).

Противодействие транссексуальной хирургии со стороны психиатров

Идея транссексуализма как состояния, требующего лечения гормонами и хирургическим вмешательством, не была хорошо принята в эти ранние годы. Действительно, как указывает Буллоу, когда Кристин Йоргенсен публично рассказал о своем опыте в 1950-х годах, в медицинской среде разразилась «война за сферы влияния» по поводу правильного лечения для таких мужчин, как он. Война за сферы влияния шла между теми, кто имел дело с разумом, и считал, что фантазию о том, чтобы быть женщиной, лучше всего лечить психотерапией и хирургией, что является «увечьем»; и эндокринологами и хирургиями, которые считали, что лучшим лечением является физическое, в изменении тела (Bullough, 2006: 7). В статье 1968 года психиатр Дональд Хейс Рассел высказал свое несогласие с тем, что он называл «конверсией пола». Он назвал «транссексуализм» «ново описанной аномалией», заявив, что «традиционно гомосексуалки и

трансвеститы известны своей склонностью вести себя как представители противоположного пола. От этих состояний отличается относительно недавно описанная аномалия — «транссексуализм» (Russell, 1968: 355). Он вмешался в спор, заявив, что это состояние «обычно считается психиатрическим, имеющим корни в раннем эмоциональном развитии», но что «некоторые немногие наблюдатели» ошибочно «придерживаются представления о некой конституционной мистике» (там же).

Сегодня теория «женской сущности» гораздо более распространена. Но в 1960-х годах эта идея не прижилась, и Рассел считал, что те, кто стремится к смене пола, пребывают в заблуждении, поскольку транссексуал надеется «действительно трансформироваться — посредством медицинской науки — в то, чем он не является» (там же). Рассел объяснил, что существуют чрезвычайно серьезные этические проблемы, связанные с проведением хирургических операций на претендентах, потому что врачи обычно считают неэтичным уничтожать или изменять ткани, за исключением случаев наличия болезни или деформации. Вмешательство в естественную репродуктивную функцию человека влечет за собой определенные моральные принципы, которые влияют не только на врачей, но и на широкую общественность (Russell, 1968: 356).

Он определил транссексуальную хирургию как «вред» и сказал: «те применение физического вреда в качестве лечения психических или поведенческих проблем — как телесное наказание, лоботомия для неуправляемых психотиков и стерилизация преступников — отвратительно в нашем обществе» (там же). Более того, он считал, что врачи должны быть осторожны, потому что их могут привлечь к ответственности за врачебную халатность. В то время он и не подозревал, что эти угрызения совести будут столь подавляюще опровергнуты в течение следующих нескольких десятилетий. Вскоре объяснение причин и соответствующее лечение трансгендерности были фактически взяты на себя самими

пациентками в соответствии с их интересами, и критика их схемы стала рассматриваться как неприемлемая речь ненависти.

Пол Макхью, еще один психиатр, выступавший против смены пола, был ответственным за прекращение операций по смене пола в Университете Джонса Хопкинса в 1979 году. Он объяснил свои доводы в статье 1992 года под названием «Психиатрические злоключения», одним из которых было признание того, что те, у кого есть проблемы с «гендером», должны проходить гормональное и хирургическое лечение (McHugh, 1992). Он сказал, что видел мужчин, которые чувствовали, что они находятся «не в том теле», «не редко». Он рекомендовал, чтобы утверждение пациентки о том, что ее чувство сохраняется на всю жизнь, было проверено путем разговора с теми, кто знал его в детстве, потому что это может быть неточным. Другая проблема, как он утверждал, заключалась в том, что «ощущение себя женщиной» часто основывалось просто на гендерных стереотипах, «то, что женщины врачини сразу замечают как мужскую карикатуру на женские взгляды и интересы» (McHugh, 1992; 502). Он выразил свое разочарование, сравнив рекомендацию хирургического вмешательства для трансгендеров с такими вмешательствами, как липосакция для тех, кто страдает заблуждением, что они страдают ожирением. «Мы не делаем липосакцию анорексикам. Зачем ампутировать гениталии этих бедняг?» (McHugh, 1992: 503). Он также сравнил ее с лоботомией, «самой радикальной терапией, когда-либо рекомендованной психиатрами двадцатого века», и сказал, что ни одно из этих методов лечения не является результатом «критического мышления или вдумчивых оценок» (там же). Он повторил свое несогласие в 2004 году, заявив: «Я был свидетелем большого ущерба от смены пола... Мы потратили впустую научные и технические ресурсы и подорвали нашу профессиональную репутацию, сотрудничая с безумием, вместо того чтобы пытаться изучать, лечить и в конечном итоге предотвращать его» (McHugh, 2004: 38). Такого рода прямолинейное противодействие редко высказывается в XXI веке,

когда трансгендеризм стал, как описывает его Макхью, «модным» (McHugh, 1992).

Трансгендерность и кроссдрессинг

Помимо несчастных гомосексуалов, таких как Кристин Йоргенсон, другая основная категория требований происходит от мужчин, якобы гетеросексуальных, кроссдрессеров. Хотя кроссдрессинг является довольно распространенным занятием гетеросексуальных мужчин, большинство из них не стремятся изменить свой пол, а одеваются дома, иногда рискуя появляться на публике «одетыми»; или в некоторых случаях стремятся жить постоянно как женщины, но избегая хирургии или гормонов (Woodhouse, 1989). Однако именно из этой группы мужчин возник термин «трансгендер», и хотя существует много суеты по поводу границы между кроссдрессерами и теми, кто выбирает переход, разница не кажется ни четкой, ни фиксированной. Историк сексуальности Верн Буллоу, как и многие другие исследователи трансгендеризма, считает, что между кроссдрессингом и транссексуализмом мало разницы; некоторые кроссдрессеры просто заходят дальше других и в конечном итоге либо живут постоянно как женщины, либо решают сделать операцию (Bullough, 2006). Социальное движение кроссдрессеров развилось в 1960-х и 1970-х годах, что сформировало еще один канал в построении трансгендеризма. Движение возглавил Вирджиния Принс, которому приписывают первое использование термина «трансгендер». Принс создал журнал *Transvestia* для мужчин, интересующихся переодеванием в женщин, в 1960 году. Верн Л. Буллоу говорит, что этот термин «впервые использовал Вирджиния Принс для описания тех людей, которые, как и она, решили изменить «гендер», а не «пол»» (Bullough, 2006).

Пул заинтересованных мужчин, кроссдрессеров, из которых черпается все большее число тех, кто стремится сменить пол,

довольно значителен. В статье, которая указывает на связи между кроссдрессингом и трансгендеризмом, трансгендерный психолог Энн Лоуренс приводит цифры из опроса, указывающие на повсеместность интереса к кроссдрессингу у мужчин. Это показало, что 2,8 процента мужчин сообщили, что испытывали половое возбуждение в связи с кроссдрессингом (Lawrence, 2007: 507). Другие исследования, говорит он, обнаружили показатель в 2 или 3 процента. Интерес публично гетеросексуальных мужчин к кроссдрессингу в одежде, которая обычно ассоциируется с женщинами, имеет долгую историческую родословную. Сексологи понимают кроссдрессинг как половой интерес гетеросексуальных мужчин, и они согласны, что не существует аналогичной практики для женщин, гетеросексуальных или лесбиянок, поскольку женщины обычно не страдают необычными парафилиями (Bailey, 2007). Кроссдрессингом занимаются группы мужчин ради развлечения, а также тайно дома. Марджори Гарбер в своем исследовании этой практики в Соединенных Штатах указывает, что ею обычно занимались привилегированные мужчины высшего класса в колледжах и университетах, что дает представление о ее респектабельности. Она объясняет, что переодевание в женщин, вплоть до использования протезов для имитации женских частей тела, имеет место во всех мужских оплотах американского высшего класса, таких как Tavern Club в Бостоне и Bohemian Club в Сан-Франциско, где, как она объясняет, «мужские ритуалы переодевания в одежду другого пола, по-видимому, часто служат подтверждением и выражением власти правящей элиты» (Garber, 1997: 66).

Вирджиния Принс, которого называют «пионером» трансгендеризма, сыграл важную роль в развитии кроссдрессинга из хобби в движение (Ekins, 2005). Он имел докторскую степень по фармацевтике и прожил часть своей жизни как женщина после двух браков. Однако он не считал себя транссексуалом и не делал операцию по смене пола. Международный журнал трансгендеризма посвятил ему выпуск — в возрасте девяноста двух

лет — в 2005 году, чтобы отметить важность его работы в создании этой области. У Принса была классическая история кроссдрессера, которая сегодня, вероятно, привела бы к диагнозу расстройства гендерной идентичности и сделала бы его кандидатом на операцию. Он начал кроссдрессинг в возрасте двенадцати лет, используя одежду своей матери, и в подростковом возрасте иногда «одевался» на публике, пытаясь выдать себя за девочку. Он искал совета и поддержки у психиатров по поводу своего интереса, и в 1960 году он опубликовал первый выпуск своего журнала для трансвеститов, *Transvestia*, в котором говорилось, что он был направлен на «сексуально нормальных» — то есть гетеросексуальных — кроссдрессеров. Он сформировал группу поддержки трансвеститов из подписчиков журнала *Hose and Heels* в Лос-Анджелесе в 1961 году, в которую гомосексуалы и транссексуалы не допускались. Группа стала национальной и была переименована в *Foundation for Full Personality Expression (FPE)*. Она приобрела подписчиков за пределами Соединенных Штатов, и в 1965 году в Лондоне была сформирована европейская региональная группа FPE под названием *Beaumont Society*. Принс также публиковал художественную литературу о трансвеститах, некоторые из которых он сам написал, и продавал вспомогательные средства, такие как искусственная грудь. После того, как его второй брак распался, он начал, как он выразился, «изображать» женщин на публике, сделал электроэпиляцию, чтобы удалить бороду, и нарастил грудь в результате гормональной терапии, но сохранил свой пенис. Принс стал представителем сообщества трансвеститов и утверждал, что придумал термины «трансгендеризм» и «трансгендерист», чтобы описать мужчин, таких как он сам, которые «имеют грудь и живут полный рабочий день как женщины, но не собираются делать операцию на половых органах» (цитата из Ekins, 2005: 9). Принс считал развитие трансгендерной хирургии, ее широкое распространение и продвижение проблематичными, поскольку, по его мнению, она

соблазняла восприимчивых трансвеститов выбирать этот путь; это понимание оказалось пророческим.

В 1978 году Принс написал статью для своего журнала *Transvestia*, которая предвосхищает способы, которыми теоретики квир и трансгендеров будут писать о трансгендеризме двадцать лет спустя. Он объяснил полезность суффикса «транс» и что «трансцендент — это человек, который перелезает через и выходит за рамки какого-то ограничения или барьера» (Prince, 2005b, впервые опубликовано в 1978: 39). Трансгендеры, утверждал он, должны перелезть через барьер пола, и цитирует сексолога Джона Мани об определении пола как «всех тех вещей, которые человека говорит или делает, чтобы раскрыть себя как имеющую статус мальчика или мужчины, девочки или женщины соответственно» (Prince, 2005b: 40). Интересно, что Принс считает, что гендер не является «биологическим, а культурным» (Prince, 2005b 41), и его понимание того, из чего состоит женственность, исходит из культуры 1950-х годов, «мира шелка и атласа, кружева и духов, изящества, красоты и украшений и, в идеале, добродетели» (2005a, 23). Работа Принса является показателем движения к пониманию переодевания и транссексуализма в терминах «гендера», которое было начато. Это привело к включению в Диагностическое и статистическое руководство США, библию специалистов по психическому здоровью, диагнозов «расстройство гендерной идентичности» и «расстройство гендерной идентичности в детском возрасте», которые формируют основу для лечения этой проблемы психического здоровья гормонами и хирургией. Расстройство гендерной идентичности становится новым языком для того, что ранее называлось «транссексуализмом» (Цукер и Шпицер, 2005). В новом издании Диагностического и статистического руководства 2013 года номенклатура была снова изменена, и расстройство гендерной идентичности стало называться «гендерной дисфорией» в результате аргументов трансгендерных активистов о том, что их проблемы с гендером не являются расстройством, а этот термин подразумевает плохое психическое здоровье.

Переход к гендеру

Создание идеи «гендера» было необходимо для обоснования и объяснения лечения по смене пола. Принятие этой новой идеи привело к важному этапу в истории этой практики, когда в 1990-х годах термин «трансгендер» начал вытеснять термин «транссексуализм» из общепринятого понимания. Переход к языку и идее гендера в концептуализации переодевания и транссексуализма начался с сексологинь 1950-х и 1960-х годов. В это время врачини, предлагавшие лечение трансгендеров, создали понятие гендера, которое ранее имело только грамматическое значение, как идеологическую основу своей практики. Хаусман объясняет, что хирургия по смене пола основывалась на понятии гендера: «идея идентичности, предшествующей телу и находящейся внутри него, которая теоретически должна определять физическую внешность субъекта» (Hausman, 1995: 70). Идея гендера была разработана сексологами Джоном Мани и другими в 1950-х годах и понималась как «социальное поведение, указывающее на внутреннюю половую идентичность» (Hausman, 1995: 7). Она возникла из их работы по использованию хирургии и гормонов в лечении детей интерсексуалок и использовалась для определения того, каких детей следует лечить и какими способами. Как замечает Хаусман, с самого начала в медицинской конструкции интерсексуальности и транссексуализма присутствовал гетеросексистский уклон, поскольку врачини были озабочены созданием людей с соответствующим гендером, которые будут действовать приемлемо гетеросексуальным образом. Изучая историю транссексуализма, Хаусман утверждает, что можно проанализировать «создание концепции гендера в западной культуре» (Hausman, 1995: 11). Все медицинские «вмешательства», как их называет Хаусман, зависели от «построения риторической системы, которая постулирует предшествующее гендерное «я», необходимое для оправдания хирургических вмешательств» (Hausman, 1995: 71). Она называет врачинь «гендерными менеджерами» и подчеркивает, что

противодействие гомосексуальности подпитывало их работу и оправдывало стерилизацию, которая была составной частью лечения, поскольку они считали, что «важнее, чтобы пациентка не была гомосексуалкой, чем чтобы она была фертильной» (Hausman, 1995: 74).

Развитие сексологинями идеи гендера должно было сделать возможным значительный лингвистический и идеологический шаг для мужчин, которые стремились изменить пол. Как теперь отмечают все большее число сексологинь, психологинь и философинь науки, идея гендера позволила тем, кто требовала, обернуть свою практику и желания в новую структуру, которую они затем пытались оправдать как существенную или даже биологически определенную (Bailey, 2007; Blanchard, 2005; Dreger, 2008; 2011; Ekins and King, 2010). Идея гендера предлагала выход из сложной ситуации, в которой такие мужчины в противном случае рассматривались бы как сексуально мотивированные «парафилией» к переодеванию или смене пола. Ассоциация с сексуальностью создавала проблемы для их доступа к лечению и для серьезности, с которой к ним относились в общественном мире. Идея «гендерной» ошибки, в которую они таинственным образом включили «женскую сущность», очистила их от грязи и позволила им утвердиться в качестве уверенного в себе меньшинства, обладающего правами, которое просто родилось другим. Переход от пола к гендеру был осуществлен с ростом принятия нового языка — транссексуализм стал трансгендеризмом.

Кроссдрессинг и трансгендеризм как парафилии

Биографии кроссдрессеров и описания их волнений и интересов очень похожи на те, которые предоставляют те, кто идет на операцию и гормоны. Кроссдрессинг довольно явно является половым интересом, но представители кроссдрессеров и большинство из тех, кто идет на переход, отвергают идею о том,

что их практика связана с половым возбуждением. Принс специально отверг представление о том, что кроссдрессинг был обусловлен стремлением к половому удовлетворению; скорее, он сказал, что он был основан на «гендере» и позволял мужчинам выражать всю свою личность, включая их «любовь к женскому» (Ekins, 2005: 11). Это утверждение, утверждает социолог Ричард Экинс, было сделано для того, чтобы получить признание со стороны семьи, друзей и общества. Все более громогласно высказывается против идеи о том, что желание сменить пол основано на гендере, а не на половом интересе, среди некоторых из тех, кто больше всего вовлечен в теоретизирование трансгендеризма. Эта группа профессионалов, в которую входят психолог профессор Майкл Бейли (2003), философ науки Элис Дрегер (2008), трансгендерная психотерапевтка Энн Лоуренс (2004) и социологи Ричард Экинс и Дэйв Кинг (2010), поддерживают понимание трансгендеризма, разработанное сексологом Рэем Бланшаром (2005). Бланшар утверждает, что существует два типа транссексуалов: те, кто любит мужчин и в основном гомосексуалы; и те, кого сексуально привлекает идея себя как женщины, которых он называет аутогинефилами. Аутогинефилия, по его словам, представляет собой «склонность мужчины испытывать влечение к мысли или образу себя как женщины» (Blanchard, 1991: 235). Критикессы ответили, что эти две категории не охватывают всех транссексуалов, и что многие из них не совсем подходят под критерии одного или другого, но сторонники говорят, что схема существования двух таких типов в подавляющем большинстве верна и соответствует доказательствам. Они отвергают идею о том, что транссексуалы имеют биологическое состояние, при котором их «гендер» был неправильно определен: «К сожалению, публичное лицо транссексуализма MTF настолько отличается от реальности» (Bailey and Triea, 2007: 531). Бланшар, Бейли и их коллеги считают, что негомосексуальный транссексуализм, аутогинефилия, является половым интересом или парафилией.

Социолог Экинс, который сделал кроссдрессинг и трансгендеризм предметами своих исследований и делом своей жизни, описывает эротические интересы тех, кого он называет «мужчинами-женщинами». Он не делает реального различия между кроссдрессерами и мужчинами, которые идут дальше в своей практике и стремятся сменить пол, и все они, по его мнению, являются мужчинами-женщинами. Экинс объясняет, что для мужчин-женщин

желание или возбуждение возбуждается... его собственной феминизацией и/или осознанием другими его собственной эротической феминизации... Мужчина [может испытать] интенсивный оргазм после последовательности одевания, в то время как с другой стороны, мужчина может обнаружить, что она слегка наслаждается чувственным ощущением бретельки своего бюстгалтера на своем плече, когда он совершает незначительные движения, необходимые для приема пищи или выпивания чашки кофе (Ekins, 1997: 56).

Этот пример наглядно демонстрирует разницу между фантазией кроссдрессера о том, что значит быть женщиной, и тем, что женщины чувствуют на самом деле, поскольку нет никаких сообщений от женщин о том, что они испытывают половое возбуждение от ощущения бретелей бюстгалтера. Но его характеристика практики также дает представление о важности, которую некоторые мужчины, которые трансгендерны или носят кроссдресс, придают появлению на публике, например, женщинам в туалетах, и поиску их реакции. Бейли и Триеа утверждают, что это распространенный аспект аутогинефилии, описывая ее как «эротическую фантазию о том, что ими восхищается, в женском обличье, другая человека» (Bailey and Triea, 2007: 523). Рэй Бланчард объясняет, что главное различие между аутогинефилами и гомосексуалами, с которыми их часто сравнивают, заключается в том, что гомосексуалы не ищут реакции прохожих для своего полового удовлетворения, тогда как гетеросексуальные мужчины,

которые переходят от переодевания к трансгендерности, ведут себя так, как будто они находятся в вечном «фильме», в который другие люди, например жены, вовлечены, хотя и неохотно, чтобы играть роль зрительниц (Cameron, 2013).

Концепция аутогинефилии полезна для объяснения того, как половой интерес мужчин к тому, что, по их мнению, относится к женственности, может выходить за рамки переодевания и включать в себя физическое нанесение на тело признаков женственности. Бейли и Триеа объясняют, что «одним из распространенных проявлений аутогинефилии является фетишистское переодевание», но некоторые могут не переодеваться, а скорее «фетишизировать быть обнаженной женщиной, сосредотачиваясь на желаемых анатомических чертах», а некоторые «испытывают эротическое возбуждение при мысли о том, чтобы стать женщиной, и это возбуждение мотивирует их стать женщинами» (Bailey and Triea, 2007: 523). Они объясняют, что не все аутогинефильные мужчины решают стать транссексуалами, и их «интересы простираются от переодевания до участия в стереотипных женских действиях (например, вязание вместе с другими женщинами) и обладания женской грудью и гениталиями» (там же). Они утверждают, что нет «очевидной» разницы между теми негомосексуальными кроссдрессерами, которые станут трансгендерами, и теми, кто этого не сделает. Бейли и Триа не имеют ничего общего с понятием «женской сущности» или врожденного пола.

Хотя все большее число сексологинь утверждают, что кроссдрессинг и аутогинефильный транссексуализм основаны на половой ориентации или парафилии, а не на неправильном гендере, они редко решаются объяснить, на чем именно основано половое возбуждение. Бейли и Триеа подразумевают, что этот половой интерес является формой мазохизма, указывая на то, что «из мужчин, которые умирают, практикуя опасную мазохистскую деятельность аутоэротической асфиксии, примерно 24% являются

кроссдрессингами» (Bailey and Triea, 2007: 524). Я утверждала в другом месте, что тот факт, что возбуждение является мазохистским, очевиден в порнографии кроссдрессеров и в заявлениях самих кроссдрессеров (Jeffreys, 2005). Возбуждение, которое вызывает идея быть женщиной, и возбуждение, которое вызывают атрибуты женственности, когда их надевают на мужчину, возникают из-за того, что женственность представляет собой подчиненное положение. Когда мужчину насильно заставляют переодеваться или он может представить себя женщиной, он испытывает восхитительное возбуждение от того, что он не мужественный, лишен высшего статуса мужественности и понижен до подчиненного статуса женственности. Это возбуждение, происходящее от иерархии пола, кастовой системы мужского доминирования и женского подчинения, и его невозможно представить вне этих рамок. Женскую одежду ищут не потому, что она красивее или восхитительнее, а из-за ее символического значения. Такое понимание мужской практики переодевания и транссексуальных импульсов, которые могут возникнуть в результате, вряд ли встретит одобрение женщин, для которых женственность часто является трудным и обременительным аспектом их низкого статуса, а не источником оргазма. Возможно, по этой причине теория женской сущности, идея неуместного «гендера», гораздо более приемлема, чем эротизация подчинения женщин мужчинами. Бейли и Триеа предлагают объяснение энтузиазма по поводу теории женской сущности среди многих мужчин трансгендеров, говоря, что те, кто продвигают эту идею, могут считать, что их с большей вероятностью примут на лечение, если их не будут считать сексуально девиантными. Они могут посчитать эту идею «внутренне привлекательной», даже если она «неправдоподобна» (Bailey and Triea, 2007: 528).

Бланшар и его сторонники утверждают, что существует множество доказательств существования аутогинефилии, тогда как для женской сущности нет ни одного (Blanchard, 2005). Оно заключается в рассказах, которые Бланшар слышал от своих

многочисленных пациенток, и в пятидесяти девяти рассказах, которые собрала трансгендерная психотерапевтка Энн Лоуренс. Бланшар приводит несколько примеров из коллекции Лоуренс, чтобы показать, как проявляется аутогинефилия. Один рассказ описывает половое возбуждение автора, когда его принимали за женщину: «В первые дни я возбуждался, когда кто-нибудь, будь то продавщица, случайная незнакомка, обращалась ко мне «мэм» или оказывал какую-то любезность, например, придерживал для меня дверь» (Blanchard, 2005: 440). Другой объясняет, что и до, и после операции по смене пола (SRS) он любил притворяться, что у него менструация: «Для меня было и до сих пор сексуально возбуждает иметь «функции» женского тела». До моей SRS я притворялась, что у меня менструация, мочась в гигиенические прокладки. Мне особенно нравилось носить старомодную прокладку с поясом и длинными язычками (Blanchard, 2005: 440). Бланшар использует одну цитату из повествования, чтобы объяснить, почему аутогинефилы могут искать половых контактов с мужчинами. Хотя они не считают себя гомосексуалами, такие инциденты могут служить для получения признания женственности трансгендера: «Я чувствовал, что подтверждаю свою женственность, будучи пассивным партнером... Я никогда не интересовался сексом с мужчиной, когда сам выдавал себя за мужчину» (Blanchard, 2005: 441). Мотивы якобы гетеросексуальных мужчин, которые становятся трансгендерами, довольно хорошо объясняются этими сексологинями как возникающие из мазохизма, а желание скрыть половую природу переодевания и трансгендеризма было одной из сил, создававших трансгендеризм в конце двадцатого века.

Важно отметить, что Бейли и Триеа утверждают, что нападки на их репутацию, которые получает любая человека, публично бросающий вызов идее женской сущности, служат для того, чтобы не допустить высказывания какой-либо альтернативы. Два видных сторонниц теории, трансгендерные активистки Лин Конвей и Андреа Джеймс, назвали книгу 2003 года, в которой Бейли критиковал, «Человек, который хотел бы быть королевой», «нацистской

пропагандой» (Bailey and Triea, 2007: 528). Бейли подвергся кампании по поношению, которая включала размещение фотографий его детей на веб-сайте с оскорбительными подписями (Dreger, 2008). Он говорит, что против него было выдвинуто много ложных обвинений, и это было «именно попыткой наказать автора за то, что он одобчительно писал об идеях Бланшара, и запугать других, чтобы они не делали этого» (Bailey and Triea, 2007: 529). Бейли и Триеа утверждают, что сторонники нарратива о женской сущности и противники теории Бланшара — это негомосексуальные транссексуалы, которые «неправильно отрицают свою аутогинефилию» (Bailey and Triea, 2007: 529). Этих мужчин поддерживают в их ошибочных идеях многие «врачи по гендерным вопросам», которые, возможно, не желают не верить или не угождать своим пациенткам и которые более комфортно чувствуют себя, способствуя смене пола по «причинам, связанным с гендером, а не с эротизмом».

Трансгендерность и гомосексуальность

Еще одной силой в построении трансгендеризма, по мнению Дэвида Валентайна, является консерватизм политики геев, направленной на то, чтобы отвергнуть и отодвинуть на второй план феминность. Каким бы ни был баланс сил, который построил трансгендеризм в конце двадцатого века, одним из загадочных элементов является отсутствие критики со стороны ученых геев, особенно с учетом того, что ненависть к гомосексуальности явно сыграла свою роль, а одна из групп тех, кто стремится к трансгендерности, — это мужчины, которые любят мужчин. Как мы видели, врачи, которые участвовали в построении трансгендеризма, и сами требующие, были полны решимости избегать любой ассоциации кросс-гендерных практик с гомосексуальностью. Отсутствие какой-либо критики трансгендеризма внутри мужского гей-сообщества достаточно заметно, чтобы нуждаться в объяснении, и Дэвид Валентайн

стремится его предложить (Valentine, 2007). Он утверждает, что отсутствие протеста со стороны геев указывает на полезную функцию, которую трансгендеризм выполняет для новой породы консервативных геев после освобождения геев. Эти консервативные геи утверждают свое соответствие нормативной мужественности и стремятся отрицать и исключать феминных геев, помещая их в категорию «трансгендеров». Этот прием защищал нормальность гея и помог в его кампании за то, чтобы его приняли законодательно и социально как просто еще одного спортсмена.

Он утверждает, что женственность была отделена от гомосексуальности и помещена в особую категорию в результате ряда импульсов, одним из которых была нормализация мужской гомосексуальности теми, кого он называет «аккомодационистскими» активистами после освобождения геев. Во время освобождения геев существовала радикальная критика того, что называлось «половыми ролями», исходящая от влияния феминистского движения того времени. На пике движения за освобождение геев существовало неприятие как мужских, так и женских ролевых игр как симптомов пагубной патриархальной системы, которая угнетала гомосексуалок (Jeffreys, 2003).

Теоретики геев утверждали, что геи не должны быть слабаками или мужеподобными, потому что эти роли были имитацией того, что они определяли как репрессивные правила патриархата.

Поведение, присущее мужественности и женственности в целом, считалось отсталым, и от него, как утверждалось, следовало отказаться.

Сторонники освобождения геев и феминистки в 1970-х годах давали объяснения, почему мужская гомосексуальность ассоциировалась с женственностью, а лесбиянство — с мужественностью, не только в медицине, но и самими гомосексуалками. Они утверждали, что в обществах мужского превосходства гетеросексуальность навязывалась посредством разоблачения однополого поведения. Мужественность была и

остаётся настолько тесно связанной с мужским агрессивным сексом с пенисом в вагине, что отклонение от этой нормы, вплоть до полового контакта с тем же полом, считалось немужественным и, следовательно, проявлением женственности. Точно так же женщины, которые занимались любовью с женщинами, считались неженственными, потому что это была мужская роль, а лесбиянки рассматривались как воплощение формы мужественности. Эти сообщения были достаточно сильны, чтобы повлиять на то, как те, кто любила свой пол, думала о себе. Существует множество материалов, позволяющих предположить, что эти сообщения были полностью усвоены (Gottschalk and Newton, 2003). Например, в лесбийской культуре 1950-х годов лесбиянки, как правило, брали мужские имена, перевязывали грудь, чтобы скрыть ее, и даже демонстрировали свое желание иметь пенисы (Jeffreys, 1989). Но нет никаких предположений о том, что эти женщины считали себя «действительно» мужчинами; скорее, они хотели играть мужскую роль по отношению к тем, кого любили.

По мере того, как радикальная грань освобождения геев стерлась, и в 1980-х годах наступила гораздо более консервативная эра неолиберального потребительства, эта политическая критика «половых ролей» была заброшена. Вместо этого среди геев развился культ мужественности, в котором избегалась женоподобность, а новая, напыщенная крайняя мужественность была принята и почитаема, представленная в садомазохизме, в ковбоях и рабочих-строителях и всех типах гей поп-группы Village People. Гей социолог Мартин Левин — один из писателей-геев, критиковавших эту зарождающуюся мужественность — он назвал это «сдвигом мужественности» (Levine, 1998). Этот сдвиг понятен как реакция на ассоциацию гомосексуальности с женственностью и представитель новой уверенности в себе, но он создал проблемы для здоровья и жизни геев из-за продвижения маскулинной и агрессивной половой культуры, включающей большое количество половых партнеров и вредные практики, такие как фистинг и анальный секс без презервативов (Jeffreys, 2003). Феминистские

критикессы утверждали, что мужская гей-мужественность была препятствием на пути к необходимости отменить «гендерные роли», создать эгалитарную сексуальность и бросить вызов порнографии и секс-индустрии.

Валентайн объясняет, что в результате всего этого трансгендеризм был «институционализирован» в 1990-х годах «в широком диапазоне контекстов, от низового активизма, предоставления социальных услуг и индивидуальной идентификации до журналистских отчетов», так что «трансгендерная идентификация» понималась «как явно и принципиально отличная по происхождению и существующая от гомосексуальной идентификации» (Valentine, 2007: 4). Патриархальное государство вложило значительные средства в эту концепцию, финансируя агентства социальных услуг и центры, призванные обслуживать «трансгендерное» сообщество. Концепция была разработана в академии, с трансгендерными исследованиями и трансгендерными публикациями. Несмотря на эти события, Валентайн утверждает, что когда он проводил свое исследование в конце 1990-х годов в Нью-Йорке, он обнаружил, к своему большому удивлению, что трансгендерного сообщества не существует. Он проводил свои исследования, работая в качестве преподавателя безопасного секса для трансгендерного сообщества, и обнаружил, что большинство тех, к кому его направляли для работы, либо не знали термина «трансгендер», либо не имели с ним ничего общего. Даже те, кто постоянно носил одежду, обычно ассоциируемую с женщинами, и те, кто перенес операцию по удалению частей тела, считали себя геями. Валентин убедительно доказывает, что большинство разновидностей поведения, которые сейчас ученые и социальные работники обычно относят к категории трансгендеров, например, драг-артисты, феминные геи и лесбиянки-бутчи, исторически и в настоящее время воспринимаются ими и другими как «геи». Как, спрашивает он, была создана категория «трансгендер» и каковы последствия ее построения? «В чем причина невероятно быстрого распространения термина

«трансгендер» в Соединенных Штатах с начала 1990-х годов, что закрепило различие между гендерной вариативностью и половой ориентацией?» (Valentine, 2007: 6). Он утверждает, что оттеснение женоподобных геев на второй план является результатом разделения «гендера» и «сексуальности», которое произошло в академической среде и в гей-сообществах и «фактически потребовало рождения новой категории — трансгендеров — для тех, кто не идентифицируется в первую очередь с точки зрения «сексуальности»» (Valentine, 2007: 236). Еще одним элементом в создании идеи «гендерной идентичности» как отдельной от сексуальности является то, что «гендер» концептуализируется как форма «социального различия», а не, с точки зрения феминизма, «место властных отношений» (там же).

Транс-эйблизм

Другой силой в построении трансгендеризма является способ, которым развитие интернета позволило группам, в основном состоящим из мужчин, создавать онлайн-сообщества вокруг своих половых наклонностей. Это произошло в отношении кроссдрессинга и трансгендеризма, но также и в отношении другой практики, которая имеет некоторые тесные связи с трансгендеризмом — «транс-эйблизм». Пример транс-эйблизм показывает, как «идентичность» может быть построена в сети, но также показывает проблемы такого рода политики идентичности, в которой категории лиц, которые страдают от неблагоприятного положения — в данном случае лица с ограниченными возможностями — могут стать объектом присвоения и имитации для полового возбуждения с использованием оправдания того, что идентичность, какой бы своеобразной она ни была, должна уважаться. В этой практике, которая изначально была названа «апотемнофилией» (Money et al., 1977), а теперь чаще называется расстройством идентичности целостности тела (BIIID), претенденты добиваются ампутации одной или нескольких конечностей (First,

2004; First and Fisher, 2012). Кандидаты были заняты созданием идентичностей в Интернете и агитацией за ампутацию медицинскими работницами (Davis, 2011). У них есть свой собственный термин для своего интереса, транс-эйблизм, который ссылается на трансгендеризм, чтобы выглядеть более респектабельно. Эти транс-эйблисты включают как тех, кто ищет удовлетворения от ампутации, так и тех, кто ищет инвалидности в других формах, таких как параплегия, глухота или слепота. В недавних работах сексологических экспертов расстройство гендерной идентичности и BIID рассматриваются как принципиально схожие, особенно в отношении вовлеченного полового удовлетворения. Майкл Ферст, например, редактор Диагностического и статистического руководства США, который выступал за добавление BIID в Диагностическое и статистическое руководство, чтобы те, кто ищет ампутацию, могли получить доступ к лечению, утверждает, что транс-эйблисты в целом должны быть помещены в руководство под заголовком расстройства идентичности, которое включает только две категории: расстройство гендерной идентичности и BIID (First and Fisher, 2012). Фирст объясняет, что из-за сходства он использует диагностические критерии расстройства гендерной идентичности в качестве модели для двенадцати критериев, которые он предлагает для диагностики BIID. Добровольная ампутация конечностей достигла удивительной степени нормализации благодаря интернет-сетям и кампаниям, и это дает представление о том, как трансгендеризм процветал как практика и движение.

Заключение

Критическое исследование трансгендеризма едва началось, и эта книга стремится поощрить его развитие. Тема, которую исследовала эта глава, о том, как эта концепция возникла, является важным местом для начала. Необходимо гораздо больше критических исследований конструкции трансгендеризма, но эта

работа не может иметь место, пока эта практика рассматривается как существенное явление, не вызывающее сомнений.

Утверждение, что сущность гендера является объяснением трансгендеризма, препятствует любому исследованию истории и конструкции этой практики. Такое исследовательское исследование представляется как «трансфобное» и встречает сопротивление. Идея о том, что «гендер» совершенно отделен от «сексуальности» и имеет собственную логику и сущность, обычно излагается в квир и трансгендерной теории, и это эффективно препятствует озвучиванию или анализу истории переплетения ненависти к гомосексуальности в конструкции трансгендеризма. Уроки, которые критическая лесбийская, гейская и феминистская наука вносит в понимание трансгендеризма, заключаются в том, что его конструкция служит политической повестке по укреплению гетеросексуальности и поддержанию правильно гендерно-определенного гражданства. Дженис Рэймонд кратко выразила это в «Транссексуальной империи». «То, что мы здесь имеем, — это очень сложная форма контроля и модификации поведения, как на индивидуальном, так и на социальном уровне» (Raymond, 1979: 131).

Другой силой в конструкции трансгендеризма была квир-теория в академии, которая дестабилизировала академический феминизм и привела к утверждениям, что на самом деле не существует такого понятия, как «женщина», поэтому, конечно, мужчины трансгендеры, тоже могут быть женщинами. Ослабление феминистской теории с появлением квир-политики подорвало критику трансгендеризма со стороны тех людей, которых больше всего затронул этот феномен — женщин и феминисток. Влияние квир-политики будет рассмотрено в следующей главе.

ТРАНСГЕНДЕРНОСТЬ И ФЕМИНИЗМ

Трансгендерная теория и практика противоречат самой основе феминизма, поскольку феминизм — это политическое движение, основанное на опыте женщин, людей рожденных женщинами и выросших в женской половой касте. В последнее десятилетие проводилась активная кампания, в основном со стороны некоторых мужчин, считающих себя трансгендерами, с целью доказать, что они феминистки и что их практика не только совместима с феминизмом, но и является примером его истинных целей. Эта кампания имела некоторый успех и была принята некоторыми частями феминистского движения и академического феминизма, поскольку она перекликается с квир и постструктуралистской теорией, которая подавила феминистское понимание «гендера». Это признание привело к тому, что идея о том, что мужчины могут быть и женщинами, и лесбиянками, и что некоторые женщины которые считают себя трансгендерными, которые раньше были лесбиянками, на самом деле являются «мужчинами», кажется разумной. В этой главе будет рассмотрено, как феминистки теоретизировали трансгендеризм, влияние квир-теории, а также развитие теории трансгендеров и трансгендерного феминизма. Также будет рассмотрено, каким образом трансгендерный активизм пытается заставить замолчать феминисток, бросающих вызов трансгендеризму.

В разгар второй волны феминизма в 1970-х годах трансгендеризм был гораздо менее распространенной практикой. Тем не менее, феминистки довольно широко отвергли эту практику на том основании, что трансгендеризм, называвшийся в то время транссексуальностью, воспроизводил стереотипы половых ролей, теперь называемые «гендерными», которые рассматривались как

строительные блоки подчиненного положения женщин (Morgan, 1978 ; Raymond, 1994).

Такие «стереотипные роли», по мнению феминистских критикесс этой практики, являются самой основой и неперенным условием трансгендеризма. Трансгендеризм, с которым феминистки действительно столкнулись в 1970-х годах, состоял из нескольких отдельных мужчин, стремившихся «персонифицировать» женщин, как назвал свою практику влиятельный теоретик кросс-дрессинга пола в 1960-х и 1970-х годах Вирджиния Принс (2005b). До 1990-х годов организованного движения трансгендерных активистов, которому способствовал Интернет, не существовало. В то время феномен женщин, стремящихся «персонифицировать» мужчин, был гораздо менее распространен и не был замечен в лесбийских сообществах.

Сорок лет назад радикальные феминистские мыслительницы и активистки совершенно ясно высказали свою точку зрения, что люди, которые родились биологически мужчинами и были воспитаны как мужчины, но искали признания в качестве женщин в женском освободительном движении, были вовлечены в форму колониализма и должны быть изгнаны. Мужчины считались членами репрессивной сексуальной касты, которая извлекала выгоду из подчинения женщин. Робин Морган ясно объяснила это в своей речи на конференции лесбиянок Западного побережья в Лос-Анджелесе в 1973 году (Morgan, 1978). Она изменила свою речь, включив в нее тему трансгендеризма в ответ на проблематичное присутствие мужчины кросс-дрессера, чье присутствие нанесло серьезный ущерб конференции:

В ту же первую ночь разразился ад, вызванный ошеломляющим присутствием мужчины-трансвестита, который настаивал на том, что он (1) приглашенный участник, (2) на самом деле женщина и (3) в душе лесбиянка. (Надо признать, это новый гениальный мужской подход к соблазнению женщин.) Конференция быстро разделилась по мнению мужчины. Более половины женщин, присутствовавших

на конференции в пятницу вечером, потребовали, чтобы его заставили покинуть женскую конференцию; другие... защищали его как свою «сестру». Некоторые женщины навсегда покинули конференцию. (Morgan, 1978 : 171)

Феминистки в то время возражали против того, что она называет «непристойностью мужского трансвестизма», поскольку считали его оскорбительной практикой, при которой мужчины карикатурно изображают стереотипных женщин ради собственного развлечения или удовольствия. Они сравнили это с другими способами, с помощью которых члены доминирующих групп издевались над теми, кого они считали нижестоящими, как это происходило в шоу черно-белых менестрелей того периода, когда белые мужчины выступали с блэкфейсом. Как выразилась Морган: *«Мы знаем, что происходит, когда белые носят блэкфейс; то же самое происходит, когда мужчины носят драг»* (Morgan, 1978 : 180) *(курсив в оригинале)*.

Нет, я не буду называть мужчину «она»; тридцать два года страданий в этом андроцентрическом обществе и выживания заслужили для меня титул «женщина»; одна прогулка по улице с мужчиной-трансвеститом, пять минут его беспокойства (что может ему понравиться), а затем *он смеет*, он смеет думать, что понимает нашу боль? Нет, от имени матери и от себя мы не должны называть его сестрой. (Morgan, 1978 , 180) *(выделено в оригинале)*

Конкретный «трансвестит» на конференции 1973 года имел историю требования доступа в женские пространства, несмотря на разрушения и разделения, которые это явно вызвало. Он уже, как она объяснила, «четыре года назад пытался оказать давление на лесбиянку из Сан-Франциско, чтобы та позволила ему изнасиловать ее» и нанес большой ущерб лесбийской группе «Дочери Билитис» своим вступлением в эту организацию. Он угрожал организаторам конференции судебным иском, если они попытаются исключить его; «Когда женщины лично умоляли его не присутствовать на этой конференции, [он] ответил, что, если его не допустят, он подаст

федеральный иск против женщин по обвинению в «дискриминации и преступном заговоре с целью дискриминации» (там же). Морган обвиняет трансвестита в нарциссизме, в желании быть в центре внимания и использовать конференцию для «ускорения своей оппортунистической карьеры» (там же). «Трансвеститы», утверждала она, должны создавать свои собственные организации и преследовать свои собственные интересы, а не пытаться вторгнуться в женский активизм и пространство. Им следует «объединиться и организоваться против этого угнетения, вместо того, чтобы похищать женщин, которые всю свою жизнь прожили как женщины в женских телах» (Morgan, 1978: 181).

В Великобритании реакция феминисток на транссексуалов, стремящихся присоединиться к женскому движению, была аналогичной. В докладе 1979 года для конференции радикальных/революционных феминисток в Лидсе Лал Ковени объяснила, почему транссексуалы не являются женщинами:

Необходимо громко и ясно заявить, что быть женщиной — это долгосрочный опыт, который не суммируется коллекцией женских гениталий с накинута на них одеждой. Требуются годы постоянного давления и много практики, чтобы достичь общепринятых стандартов женственности — мы научились этим трюкам (чтобы выжить), так что, по-видимому, мужчины тоже могут это сделать. Но состояние ума, процесс становления — в этом у нас не было выбора. (Coveney, 1979)

Газета заканчивается словами: «Операции не меняют структуру вашей головы». В лондонском «Информационном бюллетене за освобождение женщин» за 1979 год отношение к энтернизму транссексуалов было в подавляющем большинстве отрицательным по всем этим причинам.

Единственной полноценной феминистской критикой практики трансгендеризма в тот период была книга Дженис Дж. Рэймонд «Транссексуальная империя» (1994, впервые опубликована в 1979).

Рэймонд, радикально феминистская теоретикесса и профессорка философской науки, представила острый феминистский политический анализ проблемы: «Мой главный вывод заключается в том, что транссексуализм — это, по сути, социальная проблема, причину которой нельзя объяснить, кроме как в связи с половыми ролями и идентичностями, порождаемые патриархальным обществом» (Raymond, 1994: 79). Она утверждала, что транссексуализм является продуктом медицины как отрасли, а не трансисторическим и важным аспектом человечества или недостатком биологического развития, который необходимо исправить благодаря любезному вниманию хирургинь. Ее работа была развитием социологической критики медицины, которая обязана своим происхождением работам Талкотта Парсонса (1951). Парсонс утверждал, что медицина — это социальный институт, который регулирует социальные отклонения посредством постановки медицинских диагнозов неконформного поведения. В этом понимании медицина занималась социальным контролем. Другой формой аргументации в этом подходе была марксистская точка зрения, рассматривавшая медицину как источник и механизм извлечения прибыли при капитализме и как часть медико-промышленного комплекса (Риска, 2003). Оба этих подхода использовались транскритическими феминистками в своей критике трансгендеризма.

Эти идеи легли в основу антипсихиатрического движения 1960-х и 1970-х годов, которое сосредоточилось на противодействии распространению психиатрических диагнозов и медикаментозной терапии для контроля форм поведения, которые, по их мнению, следует рассматривать как политически и социально сконструированные, а не как безумные. С этой точки зрения проблемное поведение следует рассматривать либо как социальный протест, либо как результат неравенства и несправедливости классистского, расистского и сексистского капиталистического статус-кво (Illich, 1975; Szasz, 1960). Не только радикальные феминистские теоретики, такие как Рэймонд,

критиковали трансгендеризм в 1970-х и 1980-х годах. Социально-конструкционистические социологи тоже.

Дуайт Биллингс и Томас Урбан провели исследование в этот более критический период, используя наблюдение и интервью в «гендерной» клинике (Биллингс и Урбан, 1982). Будучи критическими социологами того времени, они подвергли тщательной критике медицинскую практику трансгендеризма. Они утверждали, что врачи создали и пропагандировали операцию по смене пола, которая не лечит «ни тело, ни разум, а вместо этого выполняет моральную функцию», и что операция «приватизирует и деполитизирует индивидуальный опыт гендерно-ролевого дистресса», что является симптомом социальных изменений и вызов политическому построению гендерных ролей (Billings and Urban, 1982 : 266). Они делают убедительный вывод, что «заменив медицинскую терминологию политическим дискурсом, медицинская профессия косвенно укротила и трансформировала потенциальную дику забастовку на гендерной фабрике» (Billings and Urban, 1982: 282).

Феминистская критика медицины и психиатрии развила эти радикальные политические идеи, но их работа в отношении трансгендеризма, которая в то время казалась ничем не примечательной среди тех, кто считал себя прогрессивными мыслителями в области медицины, сегодня подвергается резкой критике со стороны трансгендерных активистов как «разжигание ненависти» и очернение, а также приводит к кампаниям клеветы и преследования в отношении любых женщин, выступающих с критикой (Jeffreys, 2012a). Феминистки, критиковавшие практику трансгендеризма в 1970-х годах, как правило, были одними из самых громких имен в радикальной феминистской теории того времени, чей анализ сексуальной политики заложил основу феминистской теории в целом, например, Мэри Дейли, Дженис Рэймонд, Робин Морган. Сегодня они подвергаются резкой критике в литературе трансгендерных активистов (Serano, 2007; Stryker,

2008). Растущая область трансгендерных исследований и «трансгендерный феминизм», который сейчас все чаще преподается в программах женских исследований, уделяет значительное внимание разоблачению аргументов и действий этих самых влиятельных теоретикесс феминизма второй волны по отношению к этой практике. Проект трансгендерных активистов состоит в том, чтобы заменить эту радикальную феминистскую теорию, которая стремится к отмене стереотипов половых ролей, которые теперь называются гендером, версией «феминизма», более совместимой с их интересами. Феминистская критика трансгендеризма была отодвинута на второй план, как и все формы радикальной феминистской теории и практики в 1990-е годы, когда квир-теория оттеснила феминизм и лесбийский феминизм и сформировала прочную основу для расцвета трансгендерной идеологии и практики. Чтобы понять, как феминистская критика трансгендеризма была заменена политикой, обеспечивающей поддержку этой практики, необходимо изучить развитие и идеи квир-теории, особенно в отношении гендера.

«Гендер» в феминистской теории

Квир-теория и политика унаследовали термин «гендер» от его использования теоретикессами-феминистками. Термин «гендер» не получил широкого распространения среди теоретикесс-феминисток до конца 1970-х или начала 1980-х годов (Haig, 2004). В полезном исследовании принятия этого термина Дэвидом Хейгом посредством анализа названий феминистских статей в журналах и книгах он показывает, что те феминистки, которые использовали его в 1970-х годах, ясно определили его происхождение в работах сексологов, таких как Джон Мани и Роберт Столлер. Сексологи разработали этот термин – из чисто грамматического использования, относящегося к роду слов – для применения к поведению, соответствующему полу, и использовали его, чтобы облегчить свои попытки поместить интерсекс-детей в категории,

которые они считали подходящими. Оно не берет свое начало в феминизме, но было принято феминистками из-за его полезности для описания процесса социального конструирования подчиненной роли женщины. Теоретикессы-фемнистки разработали использование этого термина для описания всей системы, в которой женщины были подчинены, например, в выражении «гендерная иерархия». К сожалению, феминистское словоупотребление погребено под волнами путаницы и запутывания, а в нефеминистском контексте наблюдается смешение понятий «пол» и «гендер» во всем, от заявлений в колледж до идеологии трансгендеризма. Как комментирует Хейг, «многими авторками, незнакомыми с новейшей историей этого термина, гендер стал восприниматься как простой синоним, возможно, эвфемизм для пола» (Haig, 2004: 95). Этот термин стал настолько политически двусмысленным, что феминисткам, вероятно, придется создать новый язык, поскольку они стремятся разобрать тот беспорядок, который создало его использование. Одним из аспектов этого беспорядка является то, как квир-теория смогла использовать термин «гендер», так что очень консервативная форма поведения — мужской гетеросексуальный кросс-дрессинг — стал казаться трансгрессивной.

Квир нападение на феминизм

Термин «квир» был принят для описания типа политики, которая развивалась в начале 1990-х годов на основе активизма в области СПИДа. Геи-активисты, вышедшие на улицы в знак протеста против волны ненависти к геям, сопровождавшей эпидемию СПИДа, использовали термин «квир», чтобы отличить себя от мужчин старшего поколения, которые использовали термин «гей», которые были приспособленцами и не были достаточно конфронтационными в момент чрезвычайной ситуации, с которой новые активисты считали себя противостоящими (Jeffreys, 2003). Термин «квир» возник не из лесбийской феминистской политики и

с самого начала находился в явном противоречии с ним. Новый термин стал большим шагом назад для лесбиянок и феминисток, поскольку потребовалось два десятилетия борьбы, чтобы достичь момента, когда было признано, что лесбиянок необходимо отдельно признавать в названиях конференций, книг и кампаний. Общие термины, такие как «гомосексуал» и «гей», исчезли из-под мужских интересов и забот, а также из мужского воображаемого. Лесбийское феминистское движение 1970-х годов показало, что интересы лесбиянок совершенно отличаются и во многом противоречат интересам геев. Лесбиянки-феминистки развили глубокую критику политики геев и амбиций геев, как это видно из работы Мэрилин Фрай «Политика реальности» (1983) и моей «Срывая покровы с квир-политики» (Jeffreys, 2003). С самого начала стало ясно, что новый общий термин сведет на нет с трудом завоеванную видимость лесбиянок в этой политике, и именно это и произошло.

Критикессы лесбиянки феминистки бросили вызов содержанию квир-политики разными способами. Они сказали, что квир-политика представляет собой возврат к программе сексуальной свободы, в которой доминируют мужчины, которую феминизм и лесбийский феминизм в 1970-х и 1980-х годах пытались отменить (Jeffreys, 2003). Они утверждали, что квир-теория возникла в консервативные времена 1990-х годов, когда радикальная политика лесбийского феминизма и освобождения геев отвергалась как нереалистичная. Эти радикальные политики бросили вызов существованию гендера как системы власти, бросили вызов браку и гетеросексуальности как политическим институтам и утверждали, что гомосексуальность не является биологическим и может быть вопросом политического выбора. Эти идеи были слишком радикальными для 1990-х годов, которые в политическом плане были не смелыми. В то гораздо менее революционное десятилетие бросался вызов отдельным телам, а не политике тела, так что модификация тела, клеймение, стрижка и татуировки стали рассматриваться как прогрессивные практики

(Jeffreys, 2000). Квир-политика совпала с маркетизацией многих сфер жизни, включая секс, и родился квир-потребитель. Все больше и больше практик секс-индустрии включались в социальную жизнь лесбиянок и геев, например дрэг-шоу и стриптиз-шоу. Более того, утверждалось, что делать необычные вещи с гениталиями, в том числе отрезать их, как при трансгендеризме, было революционным (Jeffreys, 2005; 2008a). Даже отрезание других частей тела или размещение предметов под кожей, а также жестокие формы клеймения в различных формах «модификации тела» каким-то образом получили странную репутацию (Pitts, 2001; Sullivan, 2001). Нападения на тела глубоко обеспокоенных лесбиянок и геев сами по себе, со стороны коммерческих закройщиков или хирургов были представлены как «трансгрессивные», а не разрушительные (Jeffreys, 2008b).

Однако наиболее важным аспектом квир-теории для развития трансгендерного движения было теоретизирование гендера. В то время как феминистки стремились использовать гендер таким образом, чтобы это соответствовало их революционным целям и было направлено на уничтожение гендерных различий, квир-подход был гораздо менее радикальным и проложил путь к тому, чтобы трансгендеризм стал рассматриваться как символическая практика квир-политики. Квир-теория развивалась как часть постмодернистской теории и с самого начала была посвящена форме деконструктивизма, исчезнувшей самой категории «женщина» (Brodrib, 1992). Без «женщин» феминизм не может существовать, поскольку феминизм – это политическое движение за освобождение определенной категории угнетенных людей, а исчезновение женщин делает феминизм излишним. «Женщина» не была предметом квир-политики, а «гендер» вытеснял любое рассмотрение телесной реальности женского существования. Квир-теория создала гендерную политику, которая свела гендер к форме личного самовыражения или деятельности и затмила материальные властные отношения мужского доминирования (Butler, 1990). Целью квир-гендерной политики было сделать

гендер гибким и создать больше «гендеров». Таким образом, квир-теория находилась в прямом противоречии с феминистской политикой и способствовала развитию трансгендеризма как практики и идеологии.

Теоретикессы радикального феминизма не стремятся сделать гендер более гибким, а стремятся его устранить. Они являются сторонницами гендерной отмены и понимают гендер, чтобы обеспечить основу и обоснование мужского доминирования. В радикально-феминистском подходе мужественность — это поведение правящего класса мужчин, а женственность — поведение подчиненного класса женщин. Таким образом, гендеру не может быть места в эгалитарном будущем, которое стремится создать феминизм (Delphy, 1993).

Однако в преобладающей квир-теории гендер — это нечто, с чем можно «играть». В квир интерпретации гендер является «трансгрессивным», когда его принимают люди одного биологического пола, от которых обычно ожидают проявления разных характеристик. Однако выхода из гендера нет; его можно поменять местами, но в этой формулировке его нельзя отменить. В этом отношении квир-теория соответствовала социально консервативным временам 1990-х годов, когда идея социальной трансформации была забыта, а различные формы резвости в соответствии с системой были переименованы в веселые и бунтарские. Квир-теорию о гендере, скорее, следует рассматривать не как прогрессивную, а как кокетливую, заигрывающую с мужским доминированием и воспроизводящую его искажения. Это привязывает лесбиянок и геев к старым стереотипам о половых ролях, которые более прогрессивные движения — за освобождение геев и лесбийский феминизм — стремились разрушить.

Квир-теория приняла термин «трансгендер» для обозначения тех, кто занимается «трансгрессивными» проявлениями гендера. В их число входили лесбиянки и геи, играющие роль наряду с трансвеститами, драг-квинами и драг-кингами, а также как

старомодные транссексуалы, погрязшие в биологии, так и те, кто отвергает биологические объяснения своего перехода. Как говорит Холли (теперь Аарон) Девор: «Под рубрикой квир-сексуальности мы видим, как постмодернистские чувства выходят на передний план, поскольку все больше и больше людей выходят вперед, чтобы заявить о своем праве быть тем, кем им говорят их сердце и промежности». (Devor, 2002 : 16). В этом отношении квир-сексуальность — это то, что вас возбуждает, без всякого интереса к социальной конструкции и политическим последствиям индивидуальных желаний и практик. Политика идентичности квир-теории представляет собой жестокий индивидуализм. Девор объясняет, что сообщество квир/трансгендеров состоит из «лесбиянок-транссексуалов, пидоров-транс и мужчин, которые их любят, лесбиянок и геев, которые наслаждаются совместным сексом, а также папочек-лесбиянок, которые воплощают в жизнь свои фантазии как геи-садомазохисты» (там же). Трансгендерный активист и академик Сьюзен Страйкер объясняет, что трансгендеры стали «артикулироваться» с квирами в форме «воображаемого политического альянса всех возможных форм гендерной антинормативности» (Stryker, 2008: 146).

Квир-теория и политика были вовлечены в миссию по спасению гендера против радикально-феминистской кампании по его отмене. Возможно, это связано с тем, что у большинства женщин и мужчин, находящихся под доминированием мужчин, сексуальное желание строится именно на эротизации разницы в силе между полами, которая воплощена в гендере. Равенство несексуально, и поэтому сама идея разрушения гендера, как объясняет Кэтрин Маккиннон, является «детумесцентной» (Jeffreys, 1990; MacKinnon, 1989). Это стало особой проблемой для тех лесбиянок и геев, которые не способны бросить вызов гендерной природе своего собственного опыта сексуального влечения. Влечение к своему полу не сразу же приводит к эротизированному неравенству гетеросексуальности, и тем, кто нуждается в этой форме сексуальной стимуляции, приходится воссоздавать силовую

разницу «гендеров» посредством ролевых игр. С этой целью гендер был воспринят как «секс-игрушка» такими выдающимися квир-теоретикессами и активистками, как Пэт Калифи (ныне Патрик) (1994) и Джудит (Джек) Хальберштам (Halberstam, 1998), которые объявили, что ролевые игры мужественности и женственности были именно тем, что придавало лесбийскому сексу изюминку, и их следует прославлять. Стало ясно, что ролевые игры приносят сексуальное удовлетворение легкой формы садомазохизма (Jeffreys, 2003).

Выдающаяся квир-теоретикесса Джудит Батлер, чьи работы чаще всего цитируются как аргументы в пользу того, что гендер — это «предпочтение», придерживается аналогичного подхода, объясняя, что она — человека, чье сексуальное желание построено на гендерных различиях. В одном из интервью она говорит, что в свои двадцать с небольшим лет «определила свое отношение к мужеподобию (в оригинале было *butchness*)», и у нее были «активные и сложные отношения как с дискурсом бутч женщинами, так и с дискурсом садомазохизма, вероятно, на протяжении почти 20 лет» (More, 1999: 286). В книге *Undoing Gender* она объясняет, что «могут быть женщины, которые любят женщин», но не могут делать этого «через категорию женщин», и что «они/мы» «глубоко... привлечены женским» (Butler, 2004: 197). Она спрашивает: «Зачем уклоняться от того факта, что могут быть способы проявления мужественности у женщин?» (там же). Энтузиазм Батлер по поводу гендера заставляет ее принять транссексуальную хирургию как право человека, хотя эта практика не является игровой или гибкой и выходит далеко за рамки производительности, поскольку ампутированные пенисы не могут быть снова прикреплены. Она заходит так далеко, что продвигает право на транссексуальную хирургию как вопрос справедливости, и говорит, что согласна с аргументом трансгендерных активистов о том, что транссексуальность «должна быть вопросом выбора, проявлением свободы», так что ограничения на хирургию приводят к «подавлению» «основной человеческой свободы». (Butler, 2004 :

88). Она также заявляет, что стремления трансгендеров связаны с «способностью жить, дышать и двигаться и, несомненно, принадлежат к так называемой философии свободы» (там же). Таким образом она стремится связать трансгендерный проект с видением прогрессивных социальных изменений.

Ясная разница между квир подходом и подходом радикального феминизма продемонстрирована в работе радикального феминистского права и профессорки и феминистской теоретикессы Кэтрин Маккиннон, которая не признает, что смена пола делает гендер каким-то образом безвредным. О сексуализации доминирования и подчинения, которая делает «цель или объект» сексуальности «подчиненной» и «обычно женщиной», пишет она, «иерархия всегда каким-то образом осуществляется через гендер; даже если он играет с гендером, меняет пол или тот же гендер, он все равно использует гендер для секса. Гендерная иерархия либо играется, либо разыгрывается» (MacKinnon, 2006: 273). Для феминисток, которые признают гендер как иерархию, игра с ним не может стать частью будущего, благоприятного для интересов женщин, потому что свобода женщин требует отмены гендера.

«Гендер» в теории трансгендеров

Самым опасным наследием квир-теории и политики для феминизма является то, как она проложила путь политике трансгендеризма, создав представление о том, что транспонирование гендера является в некотором роде революционным. Хотя квир-теория является социальным конструкционистом и утверждает, что трансгендеризм демонстрирует изменчивость пола, а не наоборот, она была использована для оправдания трансгендеризма, который является эссенциалистским и, по мнению многих его приверженцев, основанным на биологии. В академии, где квир-теория стала ортодоксальным способом понимания гендера в исследованиях

женщин, лесбиянок и геев, нет критики даже самых биологических версий трансгендеризма. Трансгендеризм смог использовать способ, которым квир-теория удалила «гендер» из своей основы в подчинении женщин и превратила его в аспект потребительства, в нечто, что можно принять, с чем можно играть и начертать на теле, что-то, что можно купить и оплатить с помощью гормонов и хирургического вмешательства.

Из квир-теории возникла новая дисциплина — исследования трансгендеров, которая занимает место, которое когда-то занимали исследования лесбиянок и геев или исследования женщин, и является новым сексуальным детищем в этом квартале. В исследованиях трансгендеров гендер выглядит совсем не игриво и на самом деле представляется обязательным, чем-то, что должно быть у каждого. Отказ от гендера по соображениям совести, то есть сознательное и политическое неприятие гендера, невозможен. Так, Рикки Уилчинс, представитель трансгендерной организации GenderPAC, со своей позиции человека, который стал трансгендером, утверждает, что, хотя у феминисток есть проблемы с принятием трансгендеризма как прогрессивного, они должны это делать, потому что им всем нужен «гендер», сейчас женское сообщество не совсем в ладах с сообществом драг-квинами и трансгендерами... Они еще не осознают, что у них всех есть общая заинтересованность в гендере» (Drescher, 2002: 72). Уилчинс полагает, что лесбиянки и геи должны поддерживать и инклюзивно относиться к трансгендерам, потому что «Гомосексуальные люди всегда интересовались гендером. Вот как твоя мать «просто знала», что кто-то гей» (Drescher, 2002: 73). Психотерапевт Дэвид Сейл, работающий с людьми, стремящимися к трансгендерности, утверждает, что лесбиянки и геи находятся «в одном континууме с трансгендерами... Мы все находимся в этом континууме, включая гетеросексуальных мужчин и женщин» (Seil, 2002: 33). Женщина ставшая трансгендерной Джеймисон Грин рассуждает аналогичным образом, утверждая, что невозможно подвергать сомнению необходимость гендера, поскольку он является

необходимой основой человеческого взаимодействия: «Каждый использует гендер для общения» (Green, 1999: 126). Очевидно, что в рамках такого понимания нет выхода из гендерной проблематики, а лесбиянки и геи, отказывающиеся от гендера по соображениям совести, рассматриваются как шарлатанки, неспособные осознать, каким образом они тоже неизбежно и фундаментально гендеризированы.

Гендерквир-культура заменяет лесбиянок

Квир-понимание «гендера» оказало глубокое влияние на лесбийские сообщества: молодые женщины в некоторых частях американской квир-культуры, которые когда-то считали себя одновременно лесбиянками и женщинами, теперь идентифицируют себя как «гендерквир». Именно в этой среде в последнее десятилетие возникла сильно развивающаяся тенденция лесбиянок к трансгендерности. Трансгендеризация лесбиянок не только разрушает сообщества, но и сами лесбиянки исчезают, поскольку они отвергают женственность, а это глубоко обедняет феминизм, поскольку политика лесбийских феминисток была центральной во второй волне феминизма (Faderman, 1997). Лесбиянки занимались разработкой теории и работы феминизма. Они сыграли важную роль в создании служб поддержки женщин, пострадавших от мужского насилия, таких как кризисные центры и приюты для изнасилованных, а также в создании основных учреждений, создающих женскую культуру, книжных магазинов, женских центров, прессы, музыкальных групп и театральных трупп. Они также обеспечили этическое ядро феминистской политики в отношении сексуальности и отношений (Card, 1991 ; Raymond, 1986). Лесбийская феминистская этика была основана на создании и практике сексуального равенства, избегающего эротизации различий во власти в форме ролевых игр «буч/фем» или садомазохизма. Лесбиянки-феминистки создали в США журнал под названием «Лесбийская этика» и написали книги по этике

(Hoagland, 1988). Лесбийское ядро феминизма второй волны создало культуру и пространство, в котором все женщины могли расслабиться, выработать стратегию и развить силу. Важно отметить, что ядром лесбийского феминизма был сепаратизм (Frye, 1983). Лесбиянки-феминистки предпочли жить отдельно от мужчин и общаться и развивать сообщество в пространствах, предназначенных только для женщин. Захват женского пространства квирами и трансгендерными политиками привел к эрозии чувства солидарности и общности, которое так важно для силы феминистского движения. Энтернизм мужчин, трансгендерных в женское пространство, помог расколоть лесбийские сообщества, искоренив среду, которая питала женское сопротивление и бунтарское мышление, а также их способность любить подруга подругу.

Результатом роста квир-политики в сочетании с упадком лесбийской феминистской политики стало развитие «гендерквирных» сообществ вместо лесбийских сообществ, в частности, в некоторых районах Соединенных Штатов. Чтобы лесбийский феминизм – или даже феминизм – существовал, необходимо, чтобы женщины могли думать о себе как о женщинах и лесбиянках. Но это очень тяжело для многих молодых лесбиянок в настоящее время, которые попадают в квир-сообщество, в котором ценность имеет только мужественность. У них может быть чрезвычайно фрагментированная идентичность, из-за чего они не могут принять себя как женщин и лесбиянок. Это ясно видно из исследования, в котором были опрошены молодые женщины, которые когда-то могли называть себя лесбиянками (Bauer, 2008). Молодые женщины занимаются садомазохизмом, или БДСМ (бондажом, дисциплиной и садомазохизмом), и могут «выбирать и согласовывать роли и идентичности для игры» (Bauer, 2008: 234). Они идентифицировали себя следующим образом: «белая бисексуальная фем», «белая пансексуальная гендерквир-фем», «белая квир трансгендерная каменная буч», «белая квир

гендерквир-фембой», «белая квир фем». Исследование объясняет понятие «гендерквир» следующим образом:

Хотя гендерквир не идентифицируют себя постоянно как мужчины и женщины, они также не считают себя представителями среднего спектра или андрогинами. Их гендер довольно изменчив и одновременно множествен, а это означает, что их положение внутри множества полов зависит от контекста. Например, человека может проявить феминную сторону во время встречи с буч и на следующий день выразить частичную идентичность геетранспарнем. (Bauer, 2008 : 238)

Авторка определяет себя как «белую немку, квир полиаморную, БДСМ-верхнюю и транс-гея с рабочим и активистским прошлым» (Bauer, 2008: 239). Термин «лесбиянка» не встречается в таких самоописаниях.

Действительно, некоторые ученые-лесбиянки утверждают, что «лесбиянки» в лесбийском сообществе могут перестать существовать как отдельная категория, поскольку «многие молодые люди начинают играть более изменчивую роль с точки зрения своей сексуальной ориентации и гендерной идентичности» (Weiss, 2007: 208). Их сексуальность описывается как «изменчивая», что означает, что «молодые женщины, идентифицирующие себя как киров, скорее всего, будут заниматься сексом с молодыми мужчинами, идентифицирующими себя как киров, и считают это киров-отношениями». Мужские ярлыки, такие как «мальчик» и «папочка», не считаются табу в женских сообществах (там же). Это стирание лесбийского существования, по словам Эдриен Рич (Rich, 1980), называется движением «от эссенциализма к универсализму», при котором «ученые этого нового поколения» могут не утруждать себя «четким разграничением области «лесбийских» исследований или каких-либо дисциплин, основанных на сексуальности» (Weiss, 2007 : 209).

Гендерквирская «изменчивость» может создать проблему для этих молодых женщин, поскольку они стремятся занять свое место в

мире и заботиться о своем здоровье. Исследование проблем, с которыми лесбиянки, и особенно трансгендеры, сталкиваются при доступе к медицинской помощи, показывает, что отсутствие у них надежной идентичности создает проблемы в этом отношении. Им трудно определить себя; «Молодежь, идентифицирующая себя как гендер-квир, так и как трансмужчин, часто борется за язык, чтобы описать свое собственное понимание себя или своих трансгендерных сверстников или партнеров» (Welle et al. 2006: 46). Исследование предполагает, что именно гендерные исследования и программы квир-исследований, проводимые этими гендерными и трансидентифицированными молодыми женщинами, привели к тому, что у них возникли такие фрагментированные и сложные представления о том, кем они являются, поскольку они «все участвовали в критических гендерных исследованиях и квир-исследованиях», изучают курсы и ссылаются на академический дискурс, чтобы определить ЛГБТ и квир-идентичности» (Welle et al., 2006: 48). Одна респондентка, Саманта, говорит, что «фиксированная идентичность ограничена и ограничительна» и что «пидорская культура или стиль» или, возможно, какая-то «лесбийская версия этого» представляет собой то, что она делает. Молодые люди, участвовавшие в исследовании, которые были вовлечены в садомазохистскую сексуальную практику, использовали язык «верхних» и «нижних» из мужской гей-культуры, чтобы описать то, что они делали в сексуальных ролевых играх. В статье делается вывод, что «более сложная система» может сопровождаться уникальными уязвимостями» (Welle et al., 2006: 66).

Такие исследования показывают, что четкая феминистская критика того, что сначала называлось половыми ролями или половыми стереотипами, а лишь позже стали называть «гендерными», была подорвана появлением квир-и постструктуралистских идей в 1990-х годах. Но они указывают и на исчезновение лесбиянок.

Академикесса лесбийская феминистка Бонни Циммерман выразила обеспокоенность по этому поводу, предположив, что лесбийский феминизм едва выживает как признанный способ быть лесбиянкой сегодня в Соединенных Штатах. Она предупреждает, что лесбиянки могут исчезнуть, потому что:

во многих местах и во многих отношениях дискуссии о лесбиянках – и в частности о лесбийском феминизме – были практически заглушены. Это приводит к присвоению нашей работы... к очернению наших ценностей и дальнейшего существования, а также к искажению фактов и антиисторическому построению последних тридцати лет. (Zimmerman, 2008 : 50)

Понимание себя как женщин и лесбиянок, которое сформировало прочную и необходимую основу для организации феминизма второй волны, рассеялось таким образом, что это создает трудности для новой волны активизма, но есть свидетельства онлайн-радикального феминизма, что новое поколение молодых лесбиянок разрабатывают свою собственную форму лесбийского феминизма для новых времен. Однако по мере развития трансгендерного активизма, в тот же период, когда феминизм подвергался нападкам со стороны квир-теорий и постмодернистских теорий, эти новые формы теории использовались для построения идеологии, лежащей в основе исследований трансгендеров, и позволяли атаковать разновидности феминизма, которые угрожают важность гендера как будто это грааль. Именно в этом контексте, когда само существование «женщин» и «лесбиянок» стало сомнительным, «трансгендерный феминизм» смог создать себе место.

Трансгендерный «феминизм»

Трансгендерный «феминизм» утверждает, что гендерные различия и женственность должны быть защищены от феминисток, которые стремятся их разрушить. Эти теоретики моделируют

«женственность», исходя из собственного взгляда мужчин, считающих себя трансгендерами, на то, что такое «женственность», то есть удовольствие от разыгрывания стереотипной женской половой роли. Феминистские теоретикессы второй волны считали крайне важным вырвать представление о том, что такое женщина, от патриархальных идеологий и институтов и воссоздать его таким образом, чтобы это подходило для освобождения женщин. В такой феминистской работе идеологи-мужчины обвинялись в присвоении и колонизации женского опыта и существования (Millett, 1972). Институты и идеологии, которые были определены как посредники в подчинении женщин, — это религия и церковь, психоанализ и медицина, так называемые науки социология и антропология, а также институты государства (de Beauvoir, 1973, впервые опубликовано в 1949 г; Wittig, 1992). Все университетские дисциплины, как указывает Моник Виттиг, можно рассматривать как составляющие «прямого ума», то есть идей, основанных на восприятии женщин как дополняющих мужчин в рамках гетеросексуальности (Wittig, 1992). Эти теоретики изучили, как была построена идея женщины, и отметили, что эта идея служит оправданию мужского доминирования. Важно отметить, что идея женщины основана на представлении о неизбежном — и существенном, обычно биологическом — различии между полами. Это «отличие» означало, что женщина должна была быть помощницей мужчине, доставлять ему удовольствие, жить под этим контролем, обеспечивать детей и дом и демонстрировать определенные качества, которые доставляли ему удовольствие: интерес к моде, демонстрация тела, почтительность, женственные жесты и манера поведения. В свете этого должно вызывать некоторую обеспокоенность то, что мужчины-трансгендеры вновь пользуются возможностью заявлять, кем являются женщины и какими они должны быть, формируют, что такое феминизм, и продвигать подобные стереотипы. И снова мужчины используют свою власть в определении того, кем являются женщины.

Результатом атмосферы принятия и даже приветствия трансгендеризма в квир и постмодернистской феминистской академии стал расцвет «трансгендерного феминизма», создателями и сторонниками которого являются в основном мужчины трансгендеры, полностью отвергающие форму феминизма, избегающую гендера и вместо этого они построили феминизм как движение за прославление гендерных стереотипов. Этот феминизм, созданный мужчинами, стал настолько заметным в феминистской академии, что, например, в 2011 году Университет Индианы провел конференцию под названием «Постпосттранссексуал: исследования трансгендеров и феминизм» (CSGS, 2011), а в 2012 году в Калифорнийском университете был создан «исследовательский кластер» под названием «Квир, феминистские и трансгендерные исследования» (исследовательский кластер DHI, Нью-Йорк), как будто эти направления мысли были совместимы. В 2013 году факультет женских и феминистских исследований Западного университета в Канаде предложит предмет под названием «Введение в трансгендерные исследования». Более того, мужчины трансгендеры все чаще приглашаются читать лекции женщинам о феминизме в качестве основных докладчиков на феминистских конференциях, примером может служить 22-я ежегодная конференция «Женщины и общество» в Покипси, штат Нью-Йорк, в 2013 году. На этом мероприятии с основным докладом выступил Кейт Борнштейн, чей взгляд на женщин и общество, как мужчины трансгендера, неизбежно будет сильно отличаться от взгляда женщин, то есть людей с женскими телами, которые не выбирали свой подчиненный статус, а были помещены в него при рождении (Culture Lab, 2013).

Одним из влиятельных сторонников «трансгендерного феминизма» является Джулия Серано, автор книги «Девушка для битвы: транссексуальная женщина о сексизме и козле отпущения женственности» (2007). У Серано классический профиль кросс-дрессера. Он объясняет, что не считал себя женщиной, пока ему не

исполнилось одиннадцать лет, и не хотел заниматься делами девочек в школе, хотя у него была сексуальная фантазийная жизнь, в которой он превращался в девочку: «У меня не было типичного транс-опыт постоянного ощущения, что я должен был родиться женщиной» (Serano, 2007: 78). Он осознал, что он женщина, когда в одиннадцать лет у него возникло желание надеть кружевную занавеску (опыт, который вряд ли разделили многие женщины): «Только в одиннадцать лет я сознательно осознал эти подсознательные чувства как побуждение или желание быть женщиной... Я обнаружил, что необъяснимо вынуждена снять с окна комплект белых кружевных занавесок и обернуть их вокруг своего тела, как платье» (Serano, 2007: 79). Эта важная сила в создании трансфеминизма решила, что его мозг каким-то образом был женщиной – «кажется, как будто на каком-то уровне мой мозг ожидает, что мое тело будет женским», когда он понял, что его сексуально возбуждает одежда, ассоциирующаяся с женщинами, и занавесками (Serano, 2007: 80).

Серано стремится заново изобрести «феминизм» в соответствии со своими эротическими интересами. Поскольку его возбуждают атрибуты женственности, он злится, что многие феминистки критикуют ее. Он утверждает, что феминистки неправильно понимают женственность: «Даже многие феминистки покупаются на традиционно сексистские представления о женственности: что она искусственна, надумана и легкомысленна; что это уловка, которая служит только цели привлечения и удовлетворения желаний людей». Неверно, говорит он, «что женственность подчинена мужественности» и что она не является «искусственным» или «перформансом»; на самом деле, «определенные аспекты женственности (как и мужественности) естественны и могут как предшествовать социализации, так и вытеснять биологический пол» (Serano, 2007 : 6). Задача феминизма, по мнению Серано, состоит в том, чтобы «расширить возможности» женственности, потому что «ни одна форма гендерного равенства не может быть по-настоящему достигнута,

пока мы сначала не поработаем над расширением прав и возможностей самой женственности» (там же). Он объясняет: «Я утверждаю, что феминистскому активизму и теории лучше всего послужит работа по расширению возможностей и принятию женственности, а не избегание или высмеивание ее, как это часто происходило в прошлом» (Serano, 2007 : 9). Он отчитывает феминисток за то, что они каким-то образом все поняли неправильно.

Трансгендерные активисты, такие как Серано, разработали новый словарь для продвижения своей политической программы. Одним из этих новых терминов является «цис», который они применяют ко всем тем, кто не недоволен своим «гендером». По сути, термин «цис» создает два типа женщин: женщины с женским телом, которых называют «цисгендерными», и женщины с мужским телом, которые являются «трансженщинами». Женщины, которые родились женщинами и выросли как женщины, таким образом, страдают от потери статуса, поскольку их относят к одному типу женщин, и их голосам придется конкурировать на равных с другой разновидностью – мужчинами трансгендерами. В этой идеологии у каждого есть пол, и те, у кого есть «гендер», соответствующий их «биологическому телу», имеют «циспривилегию», что дает им преимущество перед трансгендерами, которых не устраивает то, что Серано называет своим «прирожденным» гендером.

Трансгендеры, говорит он, подвергаются угнетению от цис-женщинами, которые не признают своих привилегий и не стремятся отработать свою вину, поддерживая требования и потребности угнетенных трансгендеров, которые угнетены больше, чем женщины. Цисперсоны, то есть женщины, часто виновны в «циссексизме», который представляет собой веру в то, что гендер, идентифицированный транссексуалами, ниже или менее аутентичен, чем у *циссексуалов* (т. е. физический пол как согласованный)» (Serano, 2007: 12) (выделено в оригинале).

Примеры циссексизма, очевидно, включают в себя «целенаправленное неправильное использование местоимений

или настаивание на том, чтобы трансгендер пользовался другим общественным туалетом». Концепция циссексизма используется трансгендерными активистами, чтобы заставить женщин замолчать или поддержать их дело, а добавление приставки имеет политические последствия, например, препятствуя феминистскому анализу положения женщин. Более того, трансгендерные активисты призывают женщин называть себя «цисгендерками» даже в разговорах между собой, в отсутствие мужчин, считающих себя трансгендерами. Трансгендерный блоггер T-girl, например, рассказывает женщинам в руководстве, как «цис-женщины» должны относиться к мужчинам трансгендерам, которые сохраняют свои пенисы и желают встречаться с ними: «Пожалуйста, примите этот язык, даже когда трансгендеров нет рядом» (Savannah, 2013). Статья опубликована на Autostraddle, веб-сайте лесбиянок для ЛГБТ-сообщества. Феминизм – это политическое движение, которое началось с гнева на мужчин, указывающих женщинам, кто они, когда и как им следует говорить. По этой причине такого рода совет от мужчины, обладающего «женской палкой» (так пенисы называют в трансгендерном сообществе), о том, что женщины должны контролировать свои разговоры и описывать себя только так, чтобы не оскорбить подобных мужчин, может выглядеть довольно старомодно в своей высокомерии и, возможно, его следует рассматривать как проявление мужской власти.

Трансгендерные активисты также переопределяют термин мизогиния, так что он означает пренебрежение женственностью, привлекательной для кросс-дрессеров, как комментирует Серано: «мизогиния будет использоваться для описания этой тенденции игнорировать и высмеивать отсутствие женственности и женственность» (Serano, 2007: 14). Согласно этой логике, феминистки в большинстве своем являются мизогинками, потому что они стремятся отменить женственность, поведение низшего класса и гендер в целом. Как объясняет Серано: «Когда трансчеловека высмеивают или отвергают», он становится

«жертвой особой формы дискриминации: *трансмизогинии*» (Serano 2007 : 15) (курсив в оригинале). Этот вид словесной ловкости является хорошим примером того, что радикально феминистская теоретикесса Мэри Дейли называет «патриархальным разворотом» (Daly, 1978: 79). Трансгендерная идеология полна таких переворотов, когда материальная реальность биологической и экзистенциальной женственности узурпируется мужчинами, фантазирующими о том, чтобы быть женщинами. Новый язык заставляет замолчать женщин и феминисток. Любые заявления или поведение, которые оскорбляют мужчин трансгендеров, такие как политическая критика или отсутствие энтузиазма со стороны лесбиянок в отношениях с мужчинами с «женскими палками», называются «трансфобией». Это слово обязано своим происхождением термину «гомофобия», который не является самым полезным из терминов, поскольку подразумевает, что ненависть к гомосексуалам является некоторой формой психологической проблемы, а не политики. Таким образом, обсуждение того, что делают или говорят трансгендерные активисты, можно назвать иррациональным, а также дискриминационным и ненавистным. Феминистская критика, конечно, далека от иррациональности и основана на десятилетиях теоретизирования и практики, но благодаря трансгендерной ловкости она может быть погребена под громкими улюлюканиями, шипением и обвинениями в трансфобии, прежде чем ее можно будет разумно услышать или принять во внимание.

Внедрение их особой версии политкорректного языка приводит к тому, что становится трудно упоминать процессы женского тела. Даже наблюдение о том, что менструация является функцией лиц женского пола, можно назвать трансфобией. В книге о менструации 2010 года этот научный факт объявлен неприемлемым, поскольку он нарушает чувства женщин трансгендерок, которым хочется думать, что они на самом деле не женщины:

радикальные активисты движения за менструацию изменили язык менструации, чтобы говорить о «менструаторах», а не о «женщинах, у которых менструация». Этот выбор языка не только отражает приверженность более инклюзивному (включая трансгендеров) движению, но также демонстрирует политическую важность гендерно-нейтральный язык и устранение узости и ограниченности гендерной бинарности (Worcester, 2013: 151).

В аналогичном совете в информационном бюллетене экологической группы «Земля прежде всего» женщинам предлагается не описывать свое тело и репродуктивные процессы как женские: «Я педагог по вопросам рождения, и благодаря большой практике я смог заменить циссексистские выражения более нейтральными терминами, такие как «рожающая персона», «родитель», «человека, кормящая грудью» и т. д. Изменение циссексистского языка может показаться сложной задачей, но для трансгендеров это имеет огромное значение. Просто сделай это!» (Hollis, 2013). Серано называет себя «бесплодной женщиной» и утверждает, что считает феминизм, ориентированный на контрацепцию, «отчуждающим» (Scum-o-rama, 2012). Вопросы, связанные с репродукцией, конечно, имеют большое значение для женщин, но могут быть скучными для мужчин, которые хотят, чтобы «феминизм» сосредоточился на их интересе подражать женщинам.

Полезным ресурсом, дающим представление о том, как женщины и мужчины учёные трансгендеры стремятся переконфигурировать феминизм в соответствии со своими интересами, является сборник «Трансфеминистские перспективы» (Enke (ed.), 2012). Его редактирует Энн Энке, самопровозглашенный «трансфеминистский учитель и активист», который «лично заинтересован в том, чтобы категории «женщина» и «транс* [sic] были широко открыты» (Enke, 2012a: 77). Энке говорит, что он «мочился стоя в детстве, который провел более двадцати лет в страхе, что кто-то обнаружит, что я

«на самом деле» мужчина, и который почти всегда выдает себя за женщину» (Enke, 2012a: 71).

Энке отрастил бороду в 2012 году и теперь носит ее с косой. У него есть привилегия пользоваться любым туалетом, который он хочет, без каких-либо вопросов, из-за его высокого статуса в университете, но он по-прежнему настолько зол на то, что не чувствует себя полностью желанным гостем в женском отделении, что:

Я иду туда, с косой и бородой, и в ярости обнаруживаю варианты... Я могу пройти через любую дверь, и на меня не нападут ни физически, ни словесно. Я вхожу в ту, где написано «женщины»... На выходе я пинаю дверь изо всех сил. (Enke, 2012a : 73)

Подобный акт агрессии вполне может подорвать миссию Энке по признанию как женщиной.

Энке утверждает, как это принято в трансгендерной версии феминизма, что и гендер, и пол социально сконструированы: «Гендер, а также пол, создаются посредством сложных социальных и технических манипуляций, которые натурализуют одних и унижают других» (там же). Все тела, утверждает Энке, «сотворены», и проблема многих феминисток в том, что они верят, что существует разница между мужскими телами и женскими телами и что эта разница биологического пола имеет значение. На самом деле, утверждает он, все тела «созданы, один тип тела не более или менее технологически создан, чем другой», и «феминистки, квиры, теоретикессы инвалидности и критической расы, транс-исследования» признают это. Однако некоторые феминистки «сохраняют пол как категорию» и предполагают, что «существует познаваемая разница между мужскими и женскими телами» (Enke, 2012b: 6). Довольно трудно понять, что здесь имеет в виду Энке, поскольку репродуктивные различия между мужским и женским телами, молочные железы, способные к лактации, матки и менструации, нехирургические влагалища, пенисы, яички - все это объективно «познаваемо», за исключением тех случаев,

когда кто-то пытается опровергнуть здравый смысл. Фактически, Энке указывает, что «подавляющее большинство транссексуалов и людей со значительной кросс-гендерной идентификацией не будут подвергаться генитальным операциям» (там же), поэтому различия будут совершенно ясны невооруженным глазом. Трансфеминизм, похоже, основан на довольно мистическом принципе, согласно которому биологии не существует. Энке пытается захватить землю для самого феминизма, утверждая, что это всего лишь разновидность трансгендерной практики: «Большинству феминисток следует рассматривать феминизм как трансгендерный феномен: некоторая версия гендерного самоопределения и сопротивления бинарным гендерным нормам и угнетению всегда была центральным местом в феминизме» (Enke, 2012b: 5).

Однако феминизм подвергается нападкам не только со стороны мужчин трансгендеров. Джин Бобби Ноубл, женщина ученая, ставшая трансгендеркой, демонстрирует значительную враждебность по отношению к феминизму из-за его внимания к женским телам (Noble, 2012). Ноубл обвиняет феминисток в «панике» по поводу гендера и говорит, что в доме феминизма «постоянно повторяется паника по поводу *трансгендеров*» (Noble, 2012: 59) (курсив в оригинале). Феминистки, похоже, скорее истеричны, чем имеют хорошо продуманные идеи о том, что женщины являются основой феминистского проекта. Ноубл добавляет еще один оскорбительный термин к критике феминизма, утверждая, что феминистки являются «фундаменталистками».

Разве гендерно-панический императив «помнить о женщинах» не является признаком однозначного гендерного фундаментализма, в котором сам такой фундаментализм – мало чем отличающийся от фундаментализма национализма, военного государства, сторонников превосходства белой расы или христианства, если назвать лишь некоторые из них – функция обоснования феминистского воображения и его методологии социальной,

моральной и биологической принудительной нормализации?
(Noble, 2012 : 50)

Нобл использует язык войны, чтобы описать кампанию, направленную на то, чтобы заставить феминисток склониться перед трансгендерными приоритетами: «Трансгендерным организациям» приходится «медленно прокладывать себе путь в институционализированные феминистские пространства» (Noble, 2012 : 57).

Еще одним важным представителем трансгендерного феминизма является весьма уважаемый австралийский профессор и теоретик гендера Роберт Коннелл, который стал трансгендером в позднем возрасте и теперь называет себя Рэвин Коннеллом. Коннелл пишет и читает лекции о трансгендеризме и феминизме (Connell, 2011, 2012). Он называет критику трансгендеризма со стороны Джеффрис и других феминисток «нападками». Коннелл заявляет, что кампания феминисток по отмене гендера неуместна, поскольку гендер необходимо сохранить:

Течение в столичном феминизме, стремящееся отменить гендер или разрушить гендерный порядок, пользовалось большой популярностью в последние два десятилетия. Но в долгосрочной перспективе транссексуальные женщины будут более востребованы в попытках создать справедливый гендерный порядок. (Connell, 2012: 873)

В «справедливых гендерных порядках» гендер сохранится, но неравенство между полами будет меньшим. Фактически, идея «справедливого гендерного порядка» — это оксюморон, поскольку гендер — это иерархия, и в отсутствие неравенства не существовало бы. Трудно понять, как неравенство можно представить «справедливым». Несмотря на свой статус и уважение, с которым был встречен его вклад в феминистскую теорию, он в конечном итоге идет по той же траектории, что и Джулия Серано, в направлении необходимой защиты женственности.

Замалчивание инакомыслия

Помимо прямой конфронтации, которую трансгендерные активисты устраивают с феминистской теорией, существует множество других способов, которыми их кампании наносят ущерб достижениям феминизма второй волны. Некоторые из них будут обсуждаться позже в этом томе, например, кампания по входу в места, предназначенные только для женщин, и услуги только для женщин, а также пропаганда трансгендерности детей. Здесь будут рассмотрены и другие прямые нападки на феминизм и феминисток, такие как очернение и попытки заставить замолчать работу феминистских активисток и теоретикесс. Для трансгендерных активистов важно, чтобы они были в состоянии заставить замолчать феминистскую, социологическую и научную критику их практики, потому что большая часть критики легко понятна и, вероятно, будет с готовностью воспринята критически настроенной общественностью, если она получит огласку. Основным методом, используемым для достижения такого замалчивания, состоит в кампаниях ненависти и очернения с целью разрушить репутацию критикесс и лишить их возможности высказываться или публиковать свои работы. Если известно, что человека когда-либо критиковала практику трансгендеризма, трансгендерные активисты стремятся запретить ей вообще говорить на любую тему или преследуют её в местах проведения мероприятий. Мне запретили выступать на конференции в Лондоне в июле 2012 года, которая должна была состояться в известном месте Конвей Холл, в результате кампании трансгендерных активистов (Джеффрис, 2012а). Операторы площадки сообщили организаторам, что мне не разрешат выступить после того, как активисты оказали давление и обвинили меня в разжигании ненависти. Меня отстранили на том основании, что я разжигала «ненависть» и была виновна в активной дискриминации. Когда Конвея Холла попросили предоставить

доказательства этого, он, похоже, сравнил меня с «Дэвидом Ирвингом, отрицателем Холокоста». Предложенные доказательства состояли из цитат из моей работы, в которых утверждалось, что трансгендерные операции следует рассматривать как нарушение прав человека, а не как свидетельство разжигания ненависти. Академикесса-феминистка Жермен Грир подверглась бомбардировке блестками в Новой Зеландии в 2012 году во время раздачи автографов трансгендерными активистами за критику этой практики в ее книге «Целая женщина» и в других замечаниях (Gray, 2012).

Влиятельные обозревательницы феминистки подвергаются такому же обращению. В январе 2013 года обозревательница Guardian Сюзанна Мор стала объектом серьезных и агрессивных издевательств со стороны трансгендерных активистов, поскольку она высказала мнение, что от женщин ожидают, то они должны внешне напоминать бразильских транссексуалов (Moore, 2013). Это привело к довольно жестокой кампании против нее в социальных сетях. Мор ответила с раздражением, и кампания была усилена с жестокими оскорблениями и угрозами, явно направленными против ее женской биологии. В твитах содержались высказывания о том, что Мор была «пиздой», «совершенно отвратительным мешком мусора», «сучьей пиздой», «экстраординарной засранкой-трансмизогинкой», «пятном мочи на штанах фашизма». Ей сказали, что ее нужно «войти» и «Угадай, кто тайно хочет трахнуть всех транс-цыпочек». Один из них прокомментировал: «Я отрежу тебе лицо и скормлю его волкам» (GenderTrender, 2013). В защиту Мор Джули Берчилль, еще одна известная и противоречивая обозревательница, написала в газете Observer статью с критикой трансгендеризма (Young, 2013). Кампания трансгендерных активистов против статьи о Берчилль привела к ее удалению с веб-сайта и принесению извинений активистам (Sweeney, 2013). В ответ многие мужские газеты и феминистские блоги решили опубликовать статью Берчилль и пожаловаться на необоснованность ее цензуры. Взгляды трансгендеров широко

представлены в газетах Guardian и Observer, причем ряд мужчин трансгендеров, таких как Джейн Фэй, Роз Кавени и Джульет Жак, ведут регулярные колонки, в которых они пропагандируют трансгендерную идеологию, критикуют феминизм и очень доходчиво описывают свои переходы в значительной детализации. Но эти либеральные газеты, стремящиеся к политкорректности, очень редко публикуют материалы, поднимающие какие-либо вопросы по поводу этой практики.

Это преследование настолько оскорбительно, включая обильные насмешки в стиле «Умри цис отродье» в адрес любых транскритичных феминисток («Они говорят, что такого никогда не бывает», 2012), что вызывает сильную ярость со стороны причастных к этому трансгендерных активистов. Признавая это, трансгендерный психотерапевт Энн Лоуренс дал объяснение (Lawrence, 2008). Лоуренс утверждает, что уровень гнева и жестокого обращения, включая угрозы крайнего насилия, включая смерть, можно объяснить «нарциссической яростью», то есть формой ярости, которую испытывают люди, страдающие от стыда и реагирующие крайними и агрессивными способами, когда им бросают вызов из-за того, что они в прошлом чувствовали себя неполноценными. Каким бы ни было объяснение, очень решительные и оскорбительные кампании против критикесс свидетельствуют о большой тревоге трансгендерных активистов по поводу возможности переосмысления их практики и того, что их интерпретации могут быть не единственными, которым следует разрешить публичное обнародование.

СТАНОВЛЕНИЕ ТРАНСГЕНДЕРОМ

Очень больно

Написано совместно с Лорен Готтшалк

В этой главе рассматриваются пагубные последствия практики трансгендеризма для здоровья и функционирования самих трансгендеров. Литература по трансгендерным исследованиям, как правило, носит праздничный характер и не охватывает вред здоровью отдельных трансгендеров от их медицинского лечения. Более того, он игнорирует все более распространенную проблему «трансгендерного сожаления», то есть чувства людей, переживших лечение, которые считают, что им поставили неправильный диагноз, и могут захотеть провести реконструктивную операцию, чтобы исправить хирургические повреждения. В то время как феминистские ученые исследовали вредное воздействие других областей гормональной терапии и косметической хирургии и создали сложную теоретическую критику медицинской индустрии, которая наносит этот вред женщинам (Haiken, 1997; Sullivan, Deborah A., 2001), такой критики нет, за исключением ранней пионерской работы Дженис Рэймонд о трансгендерном лечении (Raymond, 1979/1994). Это так, несмотря на тот факт, что многие операции и методы лечения такие же, как и те, которые оказывают вредное воздействие на женщин. Например, длительное гормональное лечение применяется к женщинам в виде противозачаточных таблеток и имплантатов, а к женщинам в постменопаузе — когда оно называется заместительной гормональной терапией (ЗГТ), точно такой же термин применяется к аналогичным лекарственным схемам, когда они используются для женщин и мужчин, которые стали трансгендерами. Хирургии, которые предлагают косметические

процедуры, позволяющие женщинам играть женскую роль, также предлагают косметические операции на груди и лице мужчинам, которые хотят играть аналогичную роль. Но феминистская критика косметической хирургии не распространяется на аналогичное лечение трансгендеров.

В этой главе мы наведем мосты между этими границами и подвергнем критике вред, наносимый телам жертв того, что Дженис Г. Рэймонд называет транссексуальной империей (1979/1994), которая состоит из тех частей медицинской профессии и тех фармацевтических компаний, которые полагаются на трансгендерных мужчин, женщин и детей для получения прибыли. В начале двадцать первого века хирургия по смене пола (SRS) распространена во всем мире от небольших городов в Соединенных Штатах до развивающихся стран. Это важная часть индустрии медицинского туризма в Таиланде и экономики небольшого города Тринидад в штате Колорадо, например (Bugar and Enke, 2011). Примером избегания таких тем является глава в сборнике *Transgender Feminist Perspectives* (Enke (ред.), 2012), якобы посвященная вписыванию практики трансгендеризма в теорию политической экономии и имеющая подзаголовок «Заметки о связи между критической политической экономией и транс-исследованиями» (Irving, 2012). Я была заинтригована и подумала, что некоторые из этих проблемных вопросов, наконец, могут быть рассмотрены. Но глава, как оказалось, касается того, кто может позволить себе лечение, и не содержит ничего о международной индустрии медицинского туризма, которая обслуживает тех, кто ищет хирургию, и ничего о том, кто получает прибыль, фармацевтические компании, больницы и хирурги, психиатры и терапевты. Такие соображения не являются частью трансгендерных исследований, хотя они являются важной частью феминистских исследований. В этой главе описываются варианты лечения как для трансгендеров с мужским, так и для трансгендерок с женским телом, а также подробно описываются последствия и побочные эффекты. В исследовании используется информация с

веб-сайтов организаций поддержки трансгендеров, медицинская литература и интервью с одним мужчиной и одной женщиной, сожалеющими о смене пола, чтобы получить представление о том, как это влияет на психическое и физическое здоровье трансгендеров.

Эффективность смены пола – разногласия врачей

Исторически сложилось так, что далеко не все согласны с эффективностью лечения для лиц, идентифицированных как транссексуалы/трансгендеры. Термин «эффективность» широко используется в медицинской литературе по этой практике, но не имеет четкого определения. В этой главе я понимаю «эффективность» лечения как отношение к степени улучшения психического здоровья без ущерба для физического здоровья. С 1950-х и 1960-х годов, когда некоторые эндокринологини, такие как Гарри Бенджамин, пытались узаконить лечение изменения тела для транссексуалов, были врачини и психиатрки, которые не соглашались с тем, что проблемы разума следует лечить с помощью физиотерапии. Еще в 1970-х годах доктор Джон Мейер провел оценку успешности лечения в Клинике гендерной идентичности Джонса Хопкинса, что привело его к выводу, что физиотерапия неэффективна (Meyer and Reter, 1979). Он не рассматривает трансгендерность как врожденное состояние, которое должно быть подтверждено хирургическим путем, но считает запрос на смену пола по сути «проблемным» и хочет «отойти от «нормализации» процедур по смене пола, чтобы объективно взглянуть на долгосрочные последствия хирургического вмешательства» (Meyer and Reter, 1979: 1010). Мейер и Ретер документируют результаты небольшого количества предыдущих оценок эффективности лечения, ни одна из которых не поддерживает подавляюще позитивное сообщение, которое исходит от трансгендерных активистов сегодня. Вывод Мейера после его оценки пятидесяти человек, включая сравнение между

теми, кто просили об операции и получили ее, и теми, кому было отказано, состоял в том, что «операция по смене пола не дает объективных преимуществ с точки зрения социальной реабилитации, хотя она остается субъективно удовлетворительной» (Meyer and Reter, 1979: 1015). Критика Мейером трансгендерного лечения не содержит следов феминистской точки зрения. Как и другие психиатры его эпохи, он был склонен обвинять женщин, обычно матерей, в психологических проблемах своих пациенток. Он приписывает проблемы гендерной идентичности у женщин и девочек матерям, которые имеют «значительную патологию характера», обладают «завистью к пенису» и «чувством несправедливости женской «участи» (пенетрация, менструация, беременность)» (Meyer, 1982: 410).

Пол Макхью, который стал главой психиатрии в Университете Джонса Хопкинса в 1970-х годах, увидев отсутствие доказательств эффективности хирургии, заявил: «Хопкинс по сути сотрудничал с психическим заболеванием. Я думал, что нам, психиатрам, лучше сосредоточиться на попытках исправить их разум, а не их гениталии» (McHugh, 2004). Макхью прекратил практику SRS в Университете Джонса Хопкинса в 1979 году, и другие университетские клиники последовали его примеру. Эта критика продолжается и в настоящее время, но стала гораздо более приглушенной в результате нормализации практики и расцвета «транссексуальной империи». Тем не менее, одна сильная современная критика исходит от психиатра Аза Хакима, который работает в клинике Портмана в Лондоне, специализируясь на терапии для тех, кто стремится стать трансгендером, и тех, кто был трансгендером, но продолжает страдать от дистресса. В главе книги, метко озаглавленной «Транссексуальность: случай «Нового платья короля»», он называет представление людей, стремящихся стать трансгендерами, о том, что они на самом деле другого пола или пола, «подавляющим ложным убеждением» и «бредовым расстройством» (Hakeem, 2007: 184). Он критикует практику

лечения трансгендеризма как биологического состояния, которое находится в теле и может быть вылечено с помощью гормонов и хирургии, комментируя, что «кажется странным, что как психиатрики мы пытаемся решить внутренний психологический конфликт с помощью внешнего хирургического решения» (Накеем, 2007: 183). Он указывает, что психиатрики, которые «психоаналитически информированы», скорее всего, будут критиковать эту практику. Одним из таких критиков является французская феминистская психоаналитица Колетт Чиланд (Chiland, 2004).

По-прежнему наблюдается примечательное отсутствие недавних исследований, которые бы отслеживали тех, кто перенесли SRS, чтобы выяснить, является ли это лечение эффективным, несмотря на значительное расширение индустрии трансгендерности. Долгосрочное последующее исследование 2011 года из Швеции показало, что смена пола неэффективна, поскольку после смены пола трансгендеры имели более высокий риск психиатрической заболеваемости, суицидального поведения и смертности в целом, чем население в целом, при использовании контрольных лиц того же пола при рождении. Исследование пришло к выводу, что «смена пола» может облегчить «гендерную дисфорию», но «может быть недостаточно для лечения транссексуализма и должно вдохновлять на улучшение психиатрической и соматической помощи после смены пола» (Dhejne et al., 2011). Голоса критически настроенных медицинских работников и проблемы, выявленные несколькими долгосрочными оценками, не смогли ослабить энтузиазм медицинской профессии и фармацевтических компаний в отношении этого модного и прибыльного «расстройства». Действительно, государственная служба здравоохранения Великобритании, Национальная служба здравоохранения, одобрила эту практику не только для взрослых, но и для детей (Департамент здравоохранения, 2008).

Выявление «настоящих» трансгендеров

Медицинские специалисты стремятся выявить тех, у кого есть «истинное» расстройство гендерной идентичности, или гендерная дисфория, как оно переименовано в Диагностическом и статистическом руководстве 2013 года, и утверждают его сущностную природу как оправдание для его лечения. И это несмотря на тот факт, что трансгендеризм становится все более скользкой концепцией. И идея о том, что это расстройство любого рода, оспаривается самими трансгендерными активистами, некоторые из которых утверждают, что гормоны и хирургия должны быть факультативными и представлять собой способы контурирования тела, к которым каждая должна иметь право доступа через государственную казну. Более того, многие трансгендеры в настоящее время не прилагают никаких усилий, чтобы поддержать идею о том, что они по сути являются представителями противоположного пола. Например, в исследовании Кристен Шилт трансгендерок с женским телом она обнаружила, что некоторые из ее опрошенных не считали себя мужчинами или мужчинами (Schilt, 2006). Они были просто женщинами, которые воспользовались «верхней» хирургией или, возможно, принимали гормоны по своему усмотрению. Трансгендерка с женским телом Джин Бобби Нобл говорит, что границы между бучами и трансгендерками размыты, и описывает себя, женщину, которая была лесбиянкой и феминисткой много лет, прежде чем она решила стать трансгендеркой, как «парня, который наполовину лесбиянка» (Noble, 2012: 29). Она говорит, что «больше не находит своего дома в слове «лесбиянка» (хотя это часто мой круг знакомств)» (Noble, 2012: 21). Известный американский трансгендерный активист с мужским телом Рикки Уилчинс теперь описывает себя как «транссексуала из мужчины в женщину и обратно в мужчину» и отказался от любых попыток выглядеть «женственным», хотя он все еще пользуется женскими туалетами (Wilchins, 2013). Уилчинс является основателем группы трансгендерных активистов Transsexual Menace; группы активистов

GenderPAC, которая продвигает право на «гендер»; и лагеря, который осаждают музыкальный фестиваль женщин в Мичигане Camp Trans. Понимание того, кто на самом деле является трансгендером, становится все более и более смутным и несущественным, в то же самое время, когда все больше раскрывается вредных последствий этой практики. Идею о том, что существует такая сущность, как «настоящий» транссексуал, становится все труднее поддерживать.

Задача идентификации еще больше запутывается кампанией части движения за права трансгендеров, направленной на то, чтобы опровергнуть идею о том, что желание сменить пол является «психическим расстройством». Напротив, активисты утверждают, что трансгендеризм является обычным проявлением человеческого состояния и должен быть доступен так же, как и другие формы косметической хирургии, с помощью которых люди стремятся выразить желаемую внешность. Рики Уилчинс является влиятельным представителем этой точки зрения и утверждает, что трансгендеризм не следует рассматривать как психическое расстройство и что SRS похож на различные косметические операции, к которым прибегают некоторые женщины. Он жалуется, что в то время как его мать «может пойти в больницу завтра и сделать себе имплантаты в икры и подбородок, подтянуть веки, ягодицы и живот, ввести коллаген в губы и удалить коллаген из бедер», если он «попадет в ту же больницу на «пластику паха», его посчитают страдающим психическим расстройством (Drescher, 2002: 79). Несмотря на решимость некоторых трансгендерных активистов опровергнуть идею о том, что трансгендерность является признаком плохого психического здоровья, существуют весомые доказательства того, что трансгендерные люди действительно страдают от ряда серьезных проблем с психическим здоровьем до и часто после перехода.

Психологический вред

Главный аргумент, выдвигаемый в пользу эффективности лечения трансгендерности, заключается в том, что оно улучшает психическое здоровье, но есть много доказательств того, что это не обязательно так. Серьезность проблем с психическим здоровьем у людей, стремящихся к трансгендерности, ясна в клинической литературе, поскольку у пациенток, обращающихся в гендерные клиники, «уровень тревожности и депрессивных расстройств намного выше, чем у населения в целом» (Nuttbrock et al., 2010: 13). Однако в результате произошедшей нормализации трансгендерности медицинские специалисты, которые лечат трансгендеров, неохотно рассматривают желание трансгендерности как симптом этого психического расстройства. Вместо этого, чтобы соответствовать транс-идеологии, согласно которой желание трансгендерности является совершенно разумным и обоснованным стремлением, которое не должно контролироваться медицинскими привратниками, для объяснения психологического расстройства, которое испытывают трансгендеры, использовалась концепция «стресса меньшинства». «Стресс меньшинства» — это концепция, разработанная в отношении геев, означающая психологический стресс, который они испытывают в результате своего статуса меньшинства (Meyer, 1995). Форма этого подхода, адаптированная к трансгендеризму, повсеместно встречается в обширной клинической литературе. Например, если трансгендеры были несчастными детьми, то предполагается, что это было потому, что они были «действительно» трансгендерами даже в то время. Специалистам по психическому здоровью рекомендуется отказаться от опасений и принимать любые заявления своих пациенток о том, что они трансгендеры, и избегать любой ценой любых негативных реакций или попыток удержать их от начала их поисков. Предположение о том, что проблемы с психическим здоровьем, которые испытывают

трансгендеры, могут быть причиной трансгендеризма, было бы, согласно этой литературе, весьма предосудительно.

Похожий подход, «модель инвалидности», сейчас продвигается как лучшая практика для работы с трансгендерными пациентками в руководстве для больниц Великобритании, выпущенном Королевской бесплатной больницей в Хэмпстеде: «Понимая большие трудности в жизни трансгендерных людей, полезно принять широко принятую модель инвалидности — что именно барьеры и препятствия, существующие в обществе, вызывают проблемы, а не трансгендерность сама по себе» (Thom and Weeks, 2010). Согласно этой модели, как и в модели «стресса меньшинства», дистресс, который испытывают трансгендеры, является результатом дискриминации и предубеждений по отношению к ним. Подходу «стресса меньшинства» и «модели инвалидности» предстоит проделать большую работу, чтобы объяснить, почему тяжелый дистресс трансгендерных людей так долго длится, как до, так и после перехода. В одном исследовании, в котором использовался этот подход, согласно которому стресс трансгендеров вызван насилием, связанным с их гендерной идентичностью и называемым «гендерно-обусловленным» насилием, было обнаружено, что пожизненная тяжелая депрессия у исследованных трансгендеров с мужским телом, составившая 54,3%, была почти в три раза выше, чем оценка для общей популяции (Nuttbrock et al., 2010: 21). Пожизненные суицидальные мысли, составившие 53,5%, были более чем в три раза выше, чем для общей популяции.

Использование таких концепций, как «гендерное» насилие, «стресс меньшинства» и модель инвалидности, создает контекст, в котором нельзя задавать важные вопросы. Это исключает возможность того, что насилие, половое и физическое насилие могут быть причинами желания «перейти». В литературе есть некоторые подтверждения, хотя исследования обычно не задаются этим вопросом, связи между опытом полового насилия и

решимостью стать трансгендером. Исследование Холли Девор женщин, которые стали трансгендерками, обнаружило сильную связь в информации, добровольно предоставленной респондентами, но не задававшими вопросов о насилии (Devor, 1994). Одно исследование попыток самоубийства среди трансгендерок, которое показало, что 60 процентов участниц были в депрессии, также показало, что 59 процентов были принуждены к сексу или изнасилованы, что, по мнению авторов, является одним из факторов, связанных с высоким уровнем попыток самоубийства — 32 процента в выборке (Clements-Nolle and Marx, 2006). Сожалеющий, у которого брали интервью для этой книги, Уолт Хейер, чей веб-сайт и публикации привели к его общению с большим количеством выживших, считает, что половое насилие является недооцененным фактором, способствующим желанию трансгендера. Он утверждает, что оно сыграло свою роль в его случае, поскольку он «подвергся половому насилию со стороны моего дяди до того, как мне исполнилось 10 лет в течение 2–3 лет». Насилие произошло после того, как дядя обнаружил, что бабушка надевает на мальчика женскую одежду. В частности, в отношении трансгендерок с женским телом он говорит: «В каждом случае, когда я имел личное отношение к семье или родителям, ребенка подвергалась насилию, каждая из них!» Но признание этой связи подорвало бы общепринятое мнение в медицинской профессии о том, что страдания тех, кто трансгендер, вызваны только «стрессом меньшинства», и поэтому это не является предметом исследования.

Предположение, лежащее в основе гормонального и хирургического лечения, заключается в том, что эти проблемы с психическим здоровьем будут облегчены, но есть много доказательств, касающихся, например, суицидальности и депрессии, что это не обязательно так. Одной из причин этого может быть то, что социальная деятельность ухудшается, а не улучшается практикой, поскольку трансгендерам может быть трудно строить отношения, и они могут отдалить свои семьи.

Немецкое последующее исследование через пять лет показало, что от 30 до 40 процентов пациенток, которые были очень тщательно отобраны для операции по смене пола, «похоже, не получили полной пользы от SRS» в таких областях, как социальное, психологическое и психиатрическое функционирование (Bodlund and Kullgren, 1996: 311). Помимо того, что лечение гормонами и хирургией не обеспечивает исправления психологических недугов, испытываемых трансгендерами, оно, вероятно, создаст новые и серьезные проблемы для здоровья и функционирования.

Побочные эффекты гормональной терапии

Хотя некоторые начинающие трансгендеры покупают гормоны на черном рынке, большинство найдут врача, готовых их прописать. Все больше трансгендеров не делают операции на своих гениталиях, хотя они могут делать мастэктомию или вставлять грудные имплантаты. Однако большинство принимают гормоны, и лечение называется «гормонозаместительная терапия» или ЗГТ. ЗГТ была рекомендована женщинам как способ облегчить страдания, которые они испытывали, когда их отведенная половая роль — выглядеть желанной для мужчин — была подорвана процессом старения, и ее рекламировали как способ предотвращения симптомов менопаузы. Она была серьезно дискредитирована в начале 2000-х годов (Writing Group for the Women's Health Initiative Investigators, 2002). Но с ростом использования ЗГТ трансгендерами фармацевтические компании нашли новую прибыльную форму психологического стресса для эксплуатации. Использование гормонов должно быть пожизненным для тех, кто хочет поддерживать внешний вид противоположного пола или кому нужно избежать преждевременной менопаузы и проблем со здоровьем костей, связанных с отсутствием гормонов. Прибыль будет увеличиваться за счет увеличения числа диагнозов, особенно если они будут

поставлены в молодом возрасте и заставят детей принимать гормоны в течение семидесяти или восьмидесяти лет.

В результате примечательного отсутствия долгосрочных исследований с последующим наблюдением имеется мало информации о влиянии гормональной терапии на транссексуалов (Schlatterer et al., 1998). Однако одно краткосрочное исследование с последующим наблюдением предупреждает, что «гормональная терапия между полами может иметь существенные побочные эффекты» (Futterweit, 1998: 209). Было обнаружено, что основными побочными эффектами андрогенной терапии у трансгендерок с женским телом были: задержка воды и натрия и случайные «цереброваскулярные катастрофы»; повышенный эритропоэз, то есть чрезмерное развитие эритроцитов, что может потребовать кровопускания; снижение толерантности к углеводам; снижение уровня холестерина липопротеинов высокой плотности в сыворотке, что является показателем больных артерий; отклонения в ферментах печени, которые могут указывать на риск рака; ожирение; эмоциональные или психиатрические проблемы, включая «очень частую раннюю повышенную агрессивность, неустойчивое настроение»; гиперсексуальность; «аффективные и/или психотические симптомы»; и депрессия (Futterweit, 1998: 215). Исследование предостерегает от длительного гормонального лечения перед операцией из-за риска рака эндометрия. Исследование двух случаев длительного воздействия андрогенов, приведшего к раку эпителия яичников, приводит к выводу, что использование андрогенов является фактором риска для этой формы рака, и рекомендует удаление яичников у трансгендерок женского пола (Hage, 2000).

Оценка 1980-х годов, проведенная группой из голландской трансгендерной индустрии, дала очень тревожные результаты (Asscheman et al., 1989). Они изучили 425 «транссексуальных» пациенток на предмет «побочных эффектов лечения половыми стероидами» (Asscheman et al., 1989: 867). Они обнаружили, как и

другие исследования, серьезный уровень суицидальности, причем число смертей среди мужчин, которые стали трансгендерами, в пять раз превышало ожидаемое число по сравнению с мужчинами, которые не стали трансгендерами. Но исследование также обнаружило значительные неблагоприятные последствия для здоровья от гормонального лечения. Было отмечено увеличение тромбоэмболических событий (в 45 раз); гиперпролактинемии, то есть чрезмерной выработки гормона, отвечающего за секрецию молока в женской груди (в 400 раз); депрессивных изменений настроения (в 15 раз); и временное повышение уровня печеночных ферментов. Проблемы были разными и не такими смертельными для женщин, которые стали трансгендерами, в основном это было увеличение веса и угри, но обе группы имели постоянные отклонения от уровня печеночных ферментов. Исследование пришло к выводу, что «возникновение серьезных побочных эффектов» было «не редким».

Исследование того, как проводилось гормональное лечение, выявило значительную непоследовательность в дозировке: «Типичные транссексуальные эстрогены были в два-три раза выше рекомендуемых доз для заместительной гормональной терапии (ЗГТ) у женщин в постменопаузе» (Moore et al., 2003: 3468). Авторки отмечают, что это вызывает серьезную озабоченность, учитывая результаты исследования Инициативы по охране здоровья женщин, в котором было обнаружено, что значительно более низкие уровни использования гормонов наносят вред. Исследование Инициативы по охране здоровья женщин 2002 года показало, что комбинированный эстроген и прогестин повышают риск ишемической болезни сердца, инсультов, тромбоэмболии легочной артерии и инвазивного рака молочной железы у женщин в постменопаузе, принимающих ЗГТ (Писательская группа исследователей Инициативы по охране здоровья женщин, 2002). По этой причине предостерегают от постоянного использования прогестина, хотя некоторые врачичи все еще используют его для таких целей, как усиление роста груди (Moore et al., 2003: 3469).

Исследование форм гормонального лечения пришло к выводу, что «неблагоприятные эффекты терапии половыми стероидами реальны и очевидны», и в нем говорится, что «смена пола... не должна считаться излечением» (там же). Было обнаружено, что некоторые пациентки, которые получали гормоны из разных источников, находились на режимах приема гормонов, которые были в двадцать один или даже тридцать раз больше, чем у женщин в постменопаузе. Исследование показало, что было мало исследований о влиянии на женщин трансгендерок, поскольку цифры обычно были слишком малы, но авторки посчитали, что риски для этой группы могут быть «недооценены», поскольку «тревожное сочетание повышенного веса, сниженной чувствительности к инсулину, плохого липидного профиля и повышения гематокрита (процента эритроцитов) вызвало беспокойство по поводу сердечных и тромбоэмболических событий» (Moore et al., 2003: 3470). Другим серьезным эффектом для трансгендеров с мужским телом, по-видимому, является возможность рака молочной железы, при этом одно исследование отметило повышенный риск рака молочной железы, тромбоза глубоких вен и остеопороза, особенно для трансгендеров с мужским телом старшего возраста (Persson, 2009).

Национальная служба здравоохранения (NHS) Великобритании признает, что было проведено мало исследований долгосрочного использования гормонов у трансгендерных людей, фактически признавая, что это лечение является экспериментальным. Они пишут: «Гормональное лечение трансгендерных людей в разумных дозировках является исключительно безопасным» (NHS, 2007: 11), но затем перечисляют потенциальные побочные эффекты. Они указывают, что прием эстрогена связан с тромбозом, инсультом, тромбоэмболией легочной артерии и изменением функции печени, а прием тестостерона связан с полицитемией (избыточной выработкой эритроцитов) (NHS, 2007; Persson, 2009). Избыточная выработка эритроцитов приводит к тому, что кровь становится гуще нормы и может вызвать одышку и флебит

(воспаление вен), тем самым увеличивая риск сердечных заболеваний и сердечного приступа. Для практики, которая является «исключительно безопасной», это удивительно обширный список серьезных побочных эффектов. Все эти проблемы со здоровьем связаны с практикой, которую, как мы видели, некоторые авторки определили как «ятрогенную», то есть вызванную ошибочным диагнозом, который возник в самой медицинской профессии (Bullough, 2006). Хотя когда-то то, что называлось «транссексуализмом», понималось как требующее хирургической операции по смене пола, а также приема гормонов, это не относится к трансгендеризму. Кандидатки, вероятно, будут принимать гормоны, но не смогут приступить к операции, и, действительно, законодательство о признании пола 2004 года в Великобритании не требует ни гормонов, ни хирургического вмешательства от тех, кто получает сертификаты, подтверждающие, что они изменили свой пол (Jeffreys, 2008). Для тех, кто все же приступает к операции, вероятно, возникнут другие серьезные проблемы.

Хирургия и селф-харм

Для тех трансгендеров, которые стремятся изменить свое тело, существует ряд средств, не требующих доступа к традиционной медицинской системе. Некоторые трансгендеры могут не иметь ресурсов, чтобы обратиться к врачам, или могут вести неорганизованную жизнь, в которой немедицинские практики более знакомы и доступны. Они часто наносят себе вред до перехода, используя такие практики, как использование уличных гормонов, инъекции силикона в грудную ткань и перевязывание груди, практики, которые находятся вне медицинского надзора. Они могут заниматься порезами и пирсингом, как и другие молодые люди, вовлеченные в модификацию тела (Jeffreys, 2000; 2008). Модификаторы тела имеют высокую склонность к суициду и демонстрируют такие же проблемы с психическим

здоровьем, как и те, кто меняет пол (Jeffreys, 2008). Как только модификаторы тела начинают заниматься медицинской профессией, их самоповреждение становится официальным и направляется врачами, имеющими лицензию от государства. Врачи вряд ли признают законность желания мужчины быть *pullo* (то есть практикой модификации тела, когда все внешние половые органы ампутированы), и ему, скорее всего, придется найти профессионального пирсера и резчика, чтобы сделать эту работу. Однако они признают трансгендерность и назначают пациенткам гормональные режимы, которые изменяют их тела, в некотором роде навсегда, и направляют их на операцию по удалению половых признаков. Все эти практики наносят вред телу, включая образование рубцов, потерю чувствительности, стерилизацию, набор веса, угри, инфекцию, некроз тканей и многие другие проблемы, наряду с рисками, связанными с прохождением анестезии.

Не всегда легко отличить медицинские практики от тех, которые члены семьи применяют к себе в частном порядке или привлекают других к практике. Может существовать связь между самоповреждением в частном порядке, например, тем, что молодые женщины, в частности, склонны применять у себя дома, и «самоповреждение по доверенности», то есть практиками, в которых женщины и мужчины ищут других, чтобы нанести опасный физический вред своему телу (Джеффрис, 2000). Доверенными лицами могут быть профессионалки в индустрии резки и пирсинга, которые клеймят и вырезают узоры из плоти и получают за это деньги, или они могут быть топами в садомазохизме, в котором резка, клеймение и пирсинг являются обычными практиками. Это также могут быть врачи, которые узаконивают самоповреждение, предоставляя свои услуги за плату, например, пластические хирурги, которые делают грудные имплантаты и подтяжки лица женщинам, и те, кто проводит трансгендерные операции.

Первая вредная практика, которую начинающая трансгендерка с женским телом, вероятно, примет без медицинского надзора, — это бинтование груди. Бинтование груди — не новая практика, но было принято лесбиянками бучами в 1950-х годах в Соединенных Штатах и Великобритании как способ сделать себя более мужественными или облегчить дисфорию любви к женщинам с явно женскими телами, в эпоху, когда это было социально запрещено (Джеффрис, 1989). В то время как появление лесбийского феминизма в 1970-х годах позволило лесбиянкам гордиться любовью к женщинам, не подражая мужчинам или не отрицая женские характеристики, возрождение ролевых игр буч и фем, а теперь и трансгендеризма, означало, что за последние два десятилетия бинтование груди вернулось в лесбийское сообщество с удвоенной силой. Интересно, что бинтование груди — это практика, которая была аналогом бинтования ног в Китае до 1920-х годов (Chin, 2012). Эта практика была навязана женщинам, чтобы скрыть свои половые характеристики и соответствовать требованиям скромности. Грудь считалась слишком сексуально откровенной и возбуждающей для мужчин. В настоящее время именно китайский культурный контекст, Тайвань, является важным источником связующих для начинающих трансгендерок с женским телом, которые стремятся скрыть свои женские половые характеристики (см., например, T-Kingdom, доступ 20 февраля 2013 г.).

Среди трансгендерок с женским телом сильно желание избавиться от груди, и они, вероятно, используют перевязывание груди как способ скрыть грудь перед ее хирургическим удалением. Перевязывание груди приводит к ряду серьезных проблем со здоровьем. Сайт Transguys предлагает советы о том, что он называет «перевязыванием груди», что, возможно, является более привлекательным термином для женщин, которые отрицают, что у них есть женские части тела (Transguys, 2010). Они предостерегают от перевязывания способами, которые ограничивают дыхание и создают недостаток кислорода, и предупреждают, что

перевязывание неудобно и горячо, вызывает пот и раздражение кожи и язвы, которые напоминают открытые раны. Несмотря на вред, Transguys объясняют, что «перевязывание груди» может быть «очень освобождающим для трансгендерных мужчин», поскольку оно может «обуздать дисфорию». Веб-сайт о здоровье студентов Стэнфордского университета предлагает полезные советы относительно связывания «грудной клетки», объясняя, что использование «бинтов Асе, сарановой пленки или клейкой ленты» может привести к отслоению кожи и необратимому повреждению ребер (Стэнфордский университет, дата не указана). Смещение ребер в результате этой практики, которое может привести к необратимому физическому вреду, является распространенным источником беспокойства на веб-сайтах о «здоровье» трансгендерок (Ira, 2010).

Хирургия для трансгендерок с женским телом

Хирургини стали активными участницами современной эпидемии самоповреждения. Они выступают в качестве доверенных лиц в нынешней общепринятой и прибыльной практике косметической хирургии, в основном на женщинах (Sullivan, Deborah, 2001), и теперь для некоторых из этих же хирургинь стало обычным выполнять операции по смене пола, так что те, кто обрезает женщинам половые губы, чтобы сделать их более социально приемлемыми, и сужает их вагины для удовольствия их мужей, также создают половые губы и влагалища для мужчин, которые переходят, чтобы стать «женщинами» (Jeffreys, 2005). Хирургия для трансгендерок с женским телом, которая может включать мастэктомию, гистерэктомию и фаллопластику, создает ряд проблем со здоровьем. Мастэктомия может привести к серьезным рубцам, и, как объясняет Холли Девор, этот тип ампутиационной операции может привести к серьезным потерям, таким как постоянная потеря чувствительности сосков (Devor, 1999: 480). Большинство трансгендерок с женским телом в исследовании

Девора решили не прибегать к фаллопластике, хотя такое решение может привести к тому, что они будут чувствовать себя неполноценными в своей половой жизни. Однако они могут выбрать различные «модификации тела», которые рекламируются на веб-сайтах трансгендеров, чтобы увеличить размер клитора и сделать его более заметным (Tenpenney and Cascio, 2002). Эти модификации могут включать «накачку» клитора и использование пирсинга, чтобы заставить его выпирать. Пирсинг и металлические кольца могут быть вставлены, чтобы закрыть вагину и дать понять потенциальным партнерам, что эта женская область тела находится вне границ (там же).

Для тех, кто хочет получить более близкий симулякр к пенису, есть два метода, с помощью которых это можно сделать: метоидиопластика и фаллопластика. Метоидиопластика может быть выполнена хирургиями или, в сообществе по модификации тела, непрофессионалками. Когда ее выполняют хирурги, это происходит следующим образом: «увеличенный клитор, который является эффектом заместительной гормональной терапии тестостероном (ЗГТ), перемещается вверх, чтобы создать чувствительный и функционирующий микропенис» (Female to Male, б/д). Это достигается путем «освобождения» поддерживающей связки и создания небольшой имитации пениса, которая не позволяет мочиться стоя. Фаллопластика создает фаллос с помощью лоскута плоти, взятого, как правило, с предплечья, и является длительной, многоэтапной процедурой, связанной с более серьезными рисками. Ни одна из процедур не создает фаллос, который был бы функционален так, как мог бы быть пенис, и могут быть очень серьезные побочные эффекты, включая отсутствие половых ощущений. Французское исследование показало, что сорок шесть пациенток, или 83 процента, имели некоторую чувствительность в сконструированном фаллосе, но «только пять (9 процентов) имели очевидную эрогенную чувствительность при прикосновении к своей фаллопластике» (Leriche et al., 2008). Другие операции, такие как гистерэктомия,

могут вызвать позднее сожаление, поскольку они приводят к стерилизации и потере способности к материнству. Серьезные хирургические процедуры, такие как те, которые связаны с переназначением, требующим ампутации здоровых частей тела, влекут за собой риски, которые относятся к анестезии и проблемам заживления после сложной операции.

Хирургия для трансгендеров с мужским телом

Трансгендеры с мужским телом, которые идут дальше потребления гормонов, ищут другую палитру операций, которая может включать грудные имплантаты, ампутацию пениса и яичек, создание проникаемого отверстия, операции на лице, операции по «контурированию» тела или бритью кадыка и множество других возможностей. Потенциальный диапазон операций велик, и решительный претендент может продолжать в течение многих лет, чтобы предпринимать больше и более разнообразных форм. В некоторых случаях эти операции также имеют аналоги в немедицинской области модификации тела. Описание и иллюстрации хирургических операций на трансгендерах с мужским телом, представленные в выпуске *International Journal of Transgenderism*, журнала общества психиатров и хирургинь, специализирующихся на этом состоянии, созданного сексологом Гарри Бенджамином, предполагают сходство с тем, как процедуры модификации тела, включая кастрацию, демонстрируются в Интернете для полового удовлетворения приверженцев (Perovic et al., 2005). Например, веб-сайт *Body Modification Ezine* содержит кровавые и наглядные фотографии жестоких практик порезов, таких как подвешивание, которые поклонники могут скачать за определенную плату, как и любую другую порнографию в Интернете (Jeffreys, 2008). Статья в журнале включает семь страниц нарисованных от руки изображений, иллюстрирующих, как определенная группа хирургинь разрезает пенис, а затем одиннадцать страниц полноцветных фотографий «разобранного

пениса», которые чрезвычайно отвратительны с окровавленными кусками и частями пениса, удерживаемыми медицинскими инструментами для оценки. Авторки объясняют, что они выворачивают кожу пениса, чтобы сформировать вагину, и вставляют его в «заранее подготовленную полость». Затем они формируют половые губы из «оставшейся кожи пениса и мошонки» (Perovic et al., 2005: 43). Эта публичная презентация увечья пениса, очевидно, не сильно отличается от форм разборки пениса, используемых мужчинами модификаторами тела — в частности, нулями и трансгендерами — на веб-сайте Body Modification Ezine и может предложить аналогичное удовлетворение тем, кто в этом участвует. Но это представлено под прикрытием науки, что обеспечивает большую респектабельность.

Эта калечащая практика была настолько нормализована как «терапия» для проблемы психологического стресса по поводу «гендера», что связанный с этим физический вред редко упоминается. Но проблемы, как объясняется в статье в журнале «Журнал трансгендеризма», могут возникнуть. Они включают в себя неудовлетворительный уровень влажности, «ректовагинальный свищ из-за интраоперационной травмы прямой кишки», «сокращение вагины у двух пациентов», «стеноз входа в вагину», «поздний стеноз отверстия уретры у одного пациента из-за травмы во время полового акта», «выпадение уретры» и «разрыв задней стенки вагины во время полового акта» (Perovic et al., 2005: 57). Пациентам, у которых новые отверстия были сформированы из достаточного количества кожи полового члена, необходимо помещать предметы, называемые «стентами», в хирургически сконструированную вагину на ночь, чтобы держать его открытым «до тех пор, пока половой акт не будет практиковаться регулярно» (Perovic et al., 2005: 64). Тем, у кого «недостаточно кожи полового члена», рекомендуется применять стенты «непрерывно днем и ночью в течение одного года, чтобы предотвратить контрактуры после вторичной эпителизации свободных трансплантатов кожи полового члена» (там же).

Пациентам рекомендуется использовать свои сконструированные вагины для полового акта как можно скорее, «даже если может возникнуть кровотечение». Боль не упоминается, и проблемы, возникающие при повторной сборке в случае тех, кто передумал, не рассматриваются. Электролиз для удаления лобковых волос необходим, если для выстилания сконструированной вагины используется кожа мошонки. В одном случае, обсуждаемом в статье в Guardian (Бэтти, 2004), в случае Клаудии, кожа мошонки, которая использовалась в сконструированной вагине, не была подвергнута электролизу для удаления лобковых волос, и волосы выросли внутри вагины: «Однажды я занимался любовью, и что-то не так. В вагине был этот маленький комочек волос, похожий на прокладку Brillo». Хирург вырвал ему волосы, но предупредил, что они будут постоянно расти снова (там же).

Новое отверстие не является вагиной в биологическом смысле. Вагины связаны с репродуктивной системой женского тела, а не являются просто внешней полостью, и они являются самоочищающимися механизмами. Недавно вырезанные отверстия у трансгендеров с мужским телом не похожи на вагины; скорее, они создают новые микробные среды обитания, в которых развиваются инфекции и вызывают серьезные проблемы с запахом у их владельцев. Проблема неприятного запаха является часто встречающейся темой для обсуждения на веб-сайтах с советами для трансгендеров. Медицинские доказательства свидетельствуют о том, что неприятный запах существует и связан с фекальными бактериями, общими для трансгендеров с мужским телом, которые занимаются «гетеросексуальным» половым актом: «Частые эпизоды зловонных выделений были зарегистрированы у одного из четырех мужчин, а неприятный запах еще чаще наблюдался при гинекологическом осмотре, что, в свою очередь, может быть связано с наличием фекальной бактериальной вагинозоподобной микрофлоры» (Weyers, et al., 2009). В неовагинах отсутствуют лактобактерии, связанные со здоровьем вагины у женщин.

Операция по феминизации лица

Операции для трансгендеров с мужским телом не обязательно ограничиваются ампутацией гениталий, хирургически созданными искусственными вагинами и грудными имплантатами. За последнее десятилетие индустрия трансгендерной хирургии значительно диверсифицировалась и теперь предлагает широкий спектр операций по феминизации лица (FFS). Эта операция предположительно решает проблему наличия мужских черт у взрослых мужчин трансгендеров. Некоторые из «самых популярных» операций на лице, согласно отраслевому сайту facialfeminizationsurgery.info, включают: подтяжку бровей; височную подтяжку; выдвижение вперед кожи головы; остеотомию уменьшения лобных бугров; редукционную остеотомию надглазничных краев; уточнение кончика носа; остеотомию костной пирамиды; латеральное бритье нижней челюсти; бритье угла нижней челюсти; подчелюстную липосакцию; подтяжку шеи; подтяжку лица и многое другое (Facialfeminizationsurgery.info, б/д). Веб-сайт отрасли описывает FFS как «очень инвазивную» операцию и предоставляет краткий список предупреждений и возможных вредных последствий от серьезных рисков, которые включают: потерю крови; образование тромбов; инфекцию; пневмонию; некроз — отмирание ткани; и паралич, вплоть до менее серьезных рисков, таких как образование рубцов (Facialfeminization.info, б/д). Существуют также, по-видимому, психологические риски, включая депрессию, и веб-сайт предупреждает, что «почти каждый пациент может страдать от некоторой степени послеоперационной депрессии», а также от беспокойства и сожаления. Ссылка на поиск лицевого хирурга ведет прямо на веб-сайт известного американского пластического хирурга, доктора Джеффри Шпигеля, который добавил FFS к своему обычному набору лицевых косметических операций, предназначенных для женщин (drspiegel, б/д). Шпигель определяет хирургию по феминизации лица как

«процедуры, которые предоставляют пациентам лицо, с которым они должны были родиться», и цель состоит в том, чтобы «предоставить вам все основные и тонкие черты, которые поддерживают ваш истинный гендер». Более дешевый доступ к FFS предлагается в Таиланде, где процветающая индустрия медицинского туризма предлагает все формы хирургии, связанной с трансгендерностью (ThaiMed, б/д). Спектр операций, которые могут сделать трансгендеры с мужским телом, очень широк и предоставляет возможность тем, кто пристрастился к операциям и их последствиям, заниматься этими опасными и инвазивными процедурами в течение многих лет, обеспечивая большую прибыль для отрасли. Вред, связанный с хирургией, усугубляется для тех, кто меняет свое мнение и не может восстановить свое здоровье и физические функции.

Сожаления трансгендеров

Неудобный факт, что люди, которые принимали гормоны или перенесли операцию по смене пола, и даже получили новый правовой статус как представители противоположного пола, могут изменить свое мнение и испытать сожаление, яростно отрицается трансгендерными активистами и игнорируется медицинскими специалистами, занимающимися трансгендеризацией, потому что это подрывает доверие к этой практике. Его также избегают законодательницы, которые предпочитают выдумку о том, что никто из тех, кто получает сертификаты о признании пола в Великобритании, например, не изменит своего мнения (Jeffreys, 2008). Противники законодательства 2004 года, которое позволило трансгендерам в Великобритании официально менять свой пол, пытались добиться поправок, которые позволили бы лицам, изменившим свое мнение, вернуться к комиссии и пройти повторную сертификацию. Они также спрашивали, что будет с лицами, которые изменили свое мнение более одного раза, и сможет ли законодательство их удовлетворить. Правительство

отвергло эти аргументы как несерьёзные, но на самом деле сожаление является очень вредным последствием лечения трансгендерности. Людини, которые сожалеют, если они потратили годы на гормоны или дошли до хирургического лечения, испытали некоторые необратимые физические повреждения, такие как стерилизация. Они также, вероятно, испытали социальные повреждения, такие как изоляция от семьи и отношений, факторы, которые обычно приводятся в качестве причин для желания де-транзита (возвращения к жизни в изначальном поле). Феномен сожаления подрывает идею о том, что существует особый тип людей, которые являются подлинно и по сути трансгендерными и могут быть точно идентифицированы психиатрами. Это радикально дестабилизирует трансгендерный проект.

Движение переживших операции

Тем не менее, в последнее десятилетие, по мере увеличения количества трансгендерных операций, наблюдалось сопутствующее увеличение случаев сожаления, в которых люди, совершившие переход, утверждали, что им поставили неправильный диагноз, и некоторые пытались сделать операцию, чтобы обратить вспять смену пола. Тех, кто сожалеет о своем переходе, можно также назвать «пережившими» пагубные практики, направленные на них медицинской профессией, и эти термины будут здесь использоваться взаимозаменяемо. Феномен трансгендерных сожалений был признан в некоторых частях терапевтического сообщества. Аз Хаким руководит терапевтической группой в лондонской клинике Портмана, в которую входят как мужчины, стремящиеся к переходу, так и те, кто сожалеет о переходе, категории лиц, которых ранее держали отдельно, но которым есть что сказать подруга подруге:

Предоперационная группа характеризовалась надеждой и оптимизмом, порой доходившими до гендерной эйфории, тогда

как послеоперационная группа характеризовалась отчаянием, безнадежностью и сожалением, в основном потому, что члены группы были людьми, которые жалели, что им сделали операцию (Hakeem, 2012: 20).

В настоящее время имеются некоторые свидетельства того, что движение выживших находится в процессе развития и разрабатывает политическую критику этой практики. Оно предлагает поддержку тем, кто рассматривает возможность перехода, но не уверены, и тем, кто сомневается в своем выборе. До последних нескольких лет существовало только два веб-сайта, посвященных выжившим. Один из них — сайт Уолта Хейера, трансгендера с мужским телом после операции в Соединенных Штатах, который сделал обратный переход и теперь считает, что его операция и все SRS были ошибкой (Heyer, n.d.). Недовольные трансгендеры с мужским телом после SRS рассказали свои истории на веб-сайте, и один из них утверждает, что он понял, что «ему нужна была простая психотерапия, а не операция по смене пола». Другой — веб-сайт Gendermenders, созданный в Мельбурне, Австралия, который критикует идею трансгендеризма и все формы лечения (Gender Menders, n.d.). Однако совсем недавно создание ресурсов для сожалеющих ускорилось. Atlas Strawberries был создан в 2012 году. Его основатели, две человека, которые говорят, что они «совершили обратный переход», объясняют, что это «место, где обратные переходы могут анонимно делиться повседневными разочарованиями и моментами одиночества и горя». Они создали сайт, чтобы оказать «солидарность» тем, кто стремится к обратному переходу, поскольку они «знают, насколько это может быть эмоционально, физически и психологически разрушительно» (Atlas Strawberries, 2012). В 2013 году был открыт новый онлайн-ресурс для сожалеющих под названием NoGoingBack, который описывает себя как «группу для людей, которые потратили время на медицинский, социальный и/или физический переход в другой пол... А затем решили прекратить переход и/или прекратить идентифицировать себя как

трансгендера/транссексуала» (NoGoingBack, 2013).

Распространение этих ресурсов указывает на водораздел в развитии феномена трансгендеризма. Больше невозможно с большой долей уверенности утверждать, что физические методы лечения являются «лечением», и эта практика сталкивается со значительным вызовом своей обоснованности со стороны зарождающегося движения выживших.

Двое из участниц онлайн-движения сожалеющих/выживших были опрошены для этой книги, женщина и мужчина. Их выбрали, потому что они не просто считают, что им поставили неправильный диагноз, но и разработали особую, критическую политику, которая бросает вызов практике трансгендеризма в целом. Они обе активно присутствуют в сети, где они высказывают свою критику и высказываются с надеждой, что это поможет другим избежать вреда, связанного с переходом. Их можно рассматривать как символ нового сознания и новой политики, которые могут стать зародышем движения сопротивления выживших. Они также очень храбры, потому что ответная реакция на них со стороны трансгендерных активистов может быть крайне оскорбительной. Уолт Хейер является представителем старшего поколения трансгендеров с мужским телом и имел довольно классический профиль гетеросексуального мужчины кроссдрессера до того, как он перешел на гормоны и смену пола. На него повлияла шумиха вокруг дела Кристины Йоргенсен в 1950-х годах, и он решился на такой шаг, но отказался от перехода и теперь выступает против практики SRS. Хейер говорит, что в его случае не соблюдались стандарты ухода Гарри Бенджамина, хотя его лечил один из врачей, которые их разработали. Этот врач одобрил его на операцию после сорокапятиминутной консультации, и в настоящее время в Соединенных Штатах, говорит он, люди, желающие стать трансгендерами, могут просто зайти «в кабинет какого-нибудь врача и сказать ему: «Знаете, я хочу гормоны, и вы платите ему деньги, и этот парень дает вам гормоны, вам не нужно проходить консультацию». По его мнению, все дело в деньгах; «вопрос,

который они задают, заключается в том, есть ли у вас деньги? Это ваше консультирование, есть ли у вас деньги?» Он объясняет, что годы спустя он консультировался с несколькими психиатрами, которые все сказали ему, что у него, на самом деле, диссоциативное расстройство. Хейер отказался от перехода, потому что сожалел не столько об операции, сколько о ее последствиях, включая отчуждение своих детей, потерю работы, бездомность. Теперь он считает, что «невозможно изменить пол человека... можно сделать вид, что произошло изменение, но на самом деле нет способа изменить пол человека». Он говорит, что ему «нравилось быть женщиной» в основном из-за удовольствия от шопинга и ношения одежды, ассоциирующейся с женщинами, но он знал, что он «не женщина».

Хейер, как и все те, кто публично сожалеет о своем переходе, оказывается объектом значительных оскорблений и преследований со стороны трансгендерных активистов. Он критикует движение трансгендерных активистов за то, как они контролируют других трансгендеров, которые делают обратный переход и не осмеливаются выходить на публику из-за страха репрессий: «Я ненавижу тот факт, что они обрели столько власти». Он говорит, что надеется, что «кто-то наконец вбьет гвоздь в этот большой воздушный шар и взорвет его», но в настоящее время слишком мало людей готовы противостоять издевательствам, которые влечет за собой критика, и он «вероятно, один из немногих, у кого есть веб-сайт, и они постоянно присылают мне гадости». Идеи Хейера подробно изложены в его книгах *Paper Genders* (2011) и *Sex Change – It's Suicide* (2013).

Другая интервьюируемая — Хит Рассел, молодая американская лесбиянка, которая в подростковом возрасте увлеклась идеей перехода в результате значительной рекламы в СМИ и широкой общественной пропаганды женского трансгендеризма в последние годы. Хит разработала идею перехода в результате издевательств за то, что она не вписывалась в гендерные стереотипы в детстве, и

впитывания идеи о том, что можно изменить пол из телевизионных ток-шоу. В шестнадцать лет она «совершила каминг-аут» о своем влечении к женщинам и получила очень негативную реакцию, в частности, от своей матери. Как и Хейер, она описывает небрежность в процессе консультации с психиатркой, которая привела к тому, что ей прописали гормоны. Ее предположение о том, что она трансгендерка, было «просто принято», а тот факт, что она лесбиянка, не считался существенным. Члены трансгендерного сообщества посоветовали ей держаться подальше от любых терапевток, которые подвергали сомнению ее переход, на том основании, что они были «трансфобными». Полное принятие идеи трансгендерности среди медицинских работников означало, что у нее не было возможности для амбивалентности по поводу решения. Она говорит, что у нее были сомнения относительно того, была ли она действительно «мужчиной» в течение двух лет, пока она принимала гормоны.

Она считает, что отсутствие «лесбийских ролевых моделей» и «культуры гордой женщины» сделали ее восприимчивой к идее, что она должна стать трансгендеркой. Только когда она наткнулась на интернет-ресурсы, созданные гордыми лесбиянками, которые стремились остановить движение молодых лесбиянок к трансгендеризму, она постепенно начала менять свое мнение о шагах, которые она предпринимала. Она обрела уверенность в том, что является лесбиянкой, которая избегает женственности, вместо того, чтобы думать, что она действительно должна быть мужчиной. Еще одной причиной обратного перехода было то, что гормоны вызывали хаос в естественных системах ее организма. Она начала испытывать учащенное сердцебиение, которого никогда раньше не испытывала, и учащенный пульс. Она стала больше интересоваться информацией о вредных эффектах, которые могут иметь гормоны, таких как повышенный риск рака и синдром поликистозных яичников, и решила сделать обратный переход, отказавшись от гормонов «резко», что не является рекомендуемым курсом. Некоторые эффекты гормонов обратились, а некоторые остались. У

нее по-прежнему растут волосы на лице, что создает ей проблемы на публике, а в ее водительских правах по-прежнему указано, что она мужчина, что может вызвать у нее проблемы, если ее, как она говорит, поймут в женской раздевалке.

Рассел разработала то, что она описывает как радикальный лесбийский феминистский анализ трансгендеризма, который помог ей понять свой собственный опыт и продолжить оспаривать практику в своем онлайн-активизме. Ее позиция заключается в том, что «не существует такого понятия, как неправильное тело», и она считает, что квир-теория запутала умы многих молодых лесбиянок, сделав их восприимчивыми к этой ошибочной идее. Теперь она соглашается с социальными конструктивистскими взглядами на гомосексуальность и гендерные роли, которые утверждают, что люди не рождаются гомосексуальными, а, скорее, могут выбирать быть таковыми, и считает, что гендерное несоответствие, регулярно встречающееся среди гомосексуалок, сконструировано из их мятежных импульсов.

Как и Уолт Хейер, Рассел подвергалась нападкам из-за того, что публично заявила о себе как о человеке, совершившей обратный переход. Ее «каминг-аут», как она это называет, включал в себя телевизионное интервью, в котором она красноречиво выступала против практики трансгендеризма, приводя примеры из собственного опыта (Russell, 2013). Самые худшие оскорбления исходили от трансгендеров с мужским телом, ее называли «неудавшимся мужчиной», «осел» и «мудаком», ей угрожали смертью и изнасилованием. Трансгендерки с женским телом, с другой стороны, просто говорили ей, что она должна нести ответственность за свои решения и что она подрывает медицинское понимание трансгендеризма. Ее мать и отец испытывают трудности с изменением использования местоимений еще раз, а ее мать с трудом принимает тот факт, что ее дочь на самом деле не мужчина, а лесбиянка.

В ответ на этот вызов легитимности практики некоторые трансгендерные активисты и комментаторы проявили значительную злость и враждебность по отношению к тем, кто публично выразили свое сожаление. Язвительность была довольно жесткой и может заставить тех трансгендеров, которые сожалеют, бояться открыто говорить об этом. В трансгендерном сообществе ведется своего рода полицейский надзор в попытке укрепить дырявую структуру практики. Одним из австралийских сожалеющих, который стал объектом этого надзора, является Алан Финч. Он сомневался в своей идентичности в подростковом возрасте, задаваясь вопросом, был ли он гомосексуалом или родился в неправильном теле, и в свои двадцать лет прошел полное лечение по смене пола, включая хирургическое вмешательство. К 2004 году Финч решил, что он мужчина, живущий без пениса, и что он не будет пытаться делать дальнейшую операцию на половых органах, хотя в то время он подумывал удалить сконструированную вагину, поскольку кожа стала «потертой и коркой». Финч пришел к выводу: «Я больше не вижу смысла в том, чтобы калечить свое тело» (Бэтти, 2004). Финч вел кампанию против того, что он называет «индустрией смены пола», и считает, что все виды лечения должны быть прекращены. Он утверждает, что

Транссексуализм был изобретен психиатрами... Их язык иллюзорен. Вы принципиально не можете изменить пол... операция не изменяет вас генетически. Это калечащая операция на половых органах. Моя «вагина» была просто сумкой моей мошонки. Это как сумка, как у кенгуру. Страшно то, что вы все еще чувствуете, что у вас есть пенис, когда вы сексуально возбуждены. Это как синдром фантомной конечности. Все это было ужасным злоключением. Я никогда не была женщиной, просто Аланом... Аналогия, которую я использую, когда говорю о том, чтобы сделать операцию кому-то, кто отчаянно хочет сменить пол, это немного похоже на предложение липосакции анорексик (Batty, 2004).

Финч подал в суд на единственную австралийскую клинику гендерной идентичности в Медицинском центре Монаша в Мельбурне за неправильный диагноз. Комментаторы из трансгендерного сообщества оскорбляли Финча за его предательство на форуме Susan's.org, где «Деннис» комментирует судебный иск Финча против клиники Монаша: «Это шутка! Такие люди, как (он), не должны иметь права ни на что», «Надеюсь, он проиграет» и называет его «медийной шлюхой» (Susan's.org, Деннис, 2007). Другой комментатор, «Мелисса», говорит: «Меня тошнит от таких людей... Извините, люди, которые сожалеют о переходе, нужно расстрелять. Они пустая трата кислорода», а «Хелен В.» говорит, что Финча следует «высмеять из зала суда», и называет его «архиманипулятором» (там же). Они отвергают идею о том, что сожалеющие действительно существуют, и говорят, что не знают ни одного.

Учитывая огромные страдания и социальные и личные неудобства, которые испытывают сожалеющие/пережившие, их интернет-клеветники могут показаться на удивление жестокими. Случай семидесятипятилетнего Гэри Нортон из Великобритании иллюстрирует это. Двадцать три года назад он перенес операцию по смене пола, чувствовал себя неуверенно даже на операционном столе и теперь живет как мужчина (Strange, 2012). Он хочет сделать восстановительную операцию в Национальной службе здравоохранения, но ему сказали, что нет финансирования на восстановление. Нортон поняла, что смена пола была ошибкой, «когда ей надоело делать прически и макияж, и ее продолжали привлекать гетеросексуальные женщины». Он был особенно расстроен тем, что его дети не хотели с ним общаться после операции по смене пола, и он одинок, потому что женщины не хотят отношений с ним. Он рассказывает, что обратился к своей врачине по поводу депрессии после увольнения, и, когда он сказал, что он кроссдрессор, ему посоветовали начать принимать гормоны. После операции по смене пола он обнаружил, что быть женщиной слишком «суетливо и отнимает много времени»; он понял, что «не

хотел быть женщиной — мне просто нравилось время от времени переодеваться в женщину ради острых ощущений, и это не должно было заходить дальше. Это было разрушительно. Я был мужчиной, запертым в женском теле, и я застрял с ним» (там же). История Нортон, как и история Алана Финча, не вызвала сочувствия в трансгендерном интернет-сообществе. «Саманта Кул Бинс» в обсуждении его дела на сайте Angels: support the TG Community прокомментировала: «На каждого такого типа людей/историй тысячи из нас выглядят сумасшедшими психами!» (Angelsforum, 2012). Среди множества критических постов Шантель в обсуждении на Susan's.org прокомментировала: «Какой безвкусный идиот!» (Susan's.org, 2012).

Жалобы сожалеющих побудили к расследованиям клиник и медицинского персонала, вовлеченных в трансгендерную индустрию в Великобритании, а также в Австралии. В Великобритании они сосредоточились на самом известном психиатре в трансгендерной индустрии Великобритании, докторе Расселе Риде, и трансгендерке с женским телом, которая заняла частную гендерную клинику Рида, докторе Ричарде Кертисе. Рид стал объектом расследования Генерального медицинского совета (GMC) после жалоб четырех врачей в государственной клинике гендерной идентичности Чаринг-Кросс от имени пациенток, которые заявили, что их поспешно отправили на гормональное и хирургическое лечение вопреки рекомендациям передовой практики, Стандартам медицинской помощи Гарри Бенджамина (Batty, 2007a). Стандарты рекомендуют, чтобы пациенты не принимали гормоны в течение трех месяцев после посещения клиники, и что их не следует оперировать, если они не прошли «тест реальной жизни», прожив как женщины в течение двенадцати месяцев. Предыдущая известность Рида проистекала из его участия в исследовании Horizon 2000 года феномена расстройства идентичности ампутантов, которое теперь чаще называют расстройством целостности идентичности тела (BIID) (Horizon, 2000). Выяснилось, что Рид был причастен к направлению

двух мужчин к хирургу Роберту Смиту в шотландской больнице для ампутации нежелательных здоровых ног. Рид объяснил, что, по его мнению, BILD и расстройство гендерной идентичности похожи, и что оба можно успешно лечить хирургическим путем, удаляя проблемные части тела.

В деле 2007 года GMC признал Рейда виновным в серьезном профессиональном проступке (Batty, 2007b). Двое пациенток, которые давали показания перед комиссией, посчитали, что им поставили неправильный диагноз. Одна из них, женщина, которая думала, что она транссексуалка, потому что страдала маниакальной депрессией, едва избежала мастэктомии. Она показала, что во время своей болезни она верила, что она Иисус и что смена пола поможет ей стать им (Batty, 2007b). После лечения маниакальной депрессии у нее не было желания менять пол. Другой, осужденный педофил, сменил пол, но хотел сделать операцию, чтобы вернуться к жизни как мужчина. Остальные три пациентки остались в своем измененном поле, но посчитали, что они не получили достаточного уровня ухода от Рейда.

Клиника по гендерным вопросам Рассела Рида была захвачена трансгендеркой с женским телом, докторкой Ричардом Кертисом, которая, как и Рид, находилась под следствием за неправомерное поведение в 2013 году. В новостях 2005 года сообщалось, что Кертис была первой трансгендеркой, ставшая врачинею общей практики в Великобритании (Day, 2005). Кертис решила во взрослом возрасте, что она на самом деле гей, после нескольких отношений с мужчинами, будучи женщиной. Ее понимание гендера было очень ограничивающим и традиционным: «Я никогда не хотела детишь, или белой свадьбы, о которой мечтает большинство женщин, или мужчины, которые бы обо мне заботились. Вместо этого вы, скорее всего, найдете меня за установкой кухни или укладкой плитки в ванной» (там же). Кертис была расследована в 2013 году после трех жалоб пациенток (Batty, 2013). Обвинения похожи на те, что были в деле Рида, например,

начало гормональной терапии без направления пациенток на второе мнение и до того, как они прошли консультирование, назначение гормональной терапии на первых приемах и направление на операцию до того, как был завершен реальный жизненный тест за двенадцать месяцев. Одна женщина жалуется, что ей неправильно прописали гормоны, меняющие пол, и она перенесла двойную мастэктомию, прежде чем передумала. Кертис также обвиняется в назначении гормонов шестнадцатилетним пациенткам без адекватной оценки.

Заключение

Все больше доказательств того, что лечение, направленное на физическое изменение тел женщин и мужчин, стремящихся к трансгендерности, неэффективно для улучшения физического и психического здоровья и социального функционирования. Тем не менее, большие группы медицинских работников, включая многих психиатров и психотерапевтов, а также эндокринологинь и хирургинь, вступают в сговор с проблемами психического здоровья тех, кто приходит к ним, пытаясь изменить свой пол, и причиняют им вред. И это несмотря на то, что диагностика «реального» трансгендера становится все более и более сложной, и сама идея диагностики оспаривается некоторыми трансгендерными активистами на том основании, что гормоны и хирургия должны рассматриваться как вопрос выбора и косметического изменения.

Неспособность многих, если не большинства, представительниц медицинской профессии принять тот факт, что физическое лечение трансгендерности следует считать профессиональным проступком, вероятно, отражает несколько реалий. Одна из них — это количество денег, которые можно заработать, особенно фармацевтической промышленностью, которой нужна замена неудавшейся амбиции по назначению большинства пожилых женщин на ЗГТ. Другая — это устаревшая вера этой самой

патриархальной из профессий в то, что существенный гендер существует и что когда мужчина говорит, что он женщина, это следует немедленно уважать. Если гендер существует, то он может, как они полагают, загадочным образом оказаться неуместным. Другая, вероятно, — это страх быть обвиненной в трансфобии и обнаружить, что их репутация в клочьях, поскольку трансгендерные активисты преследуют любую, кто критикует эту практику в интернете. Но критические голоса, похоже, растут в числе и, вероятно, в конце концов достигнут критической массы, необходимой для того, чтобы бросить вызов этой пагубной практике. Поскольку все больше людей, ставших трансгендерами, обращаются за помощью в обратном переходе, а некоторые из них находят в себе смелость высказаться, шарлатанство этой практики должно стать более очевидным для тех, кто занимается их лечением.

ПЯТНО ОТ ПОДЛИВКИ НА СТОЛЕ. Женщины в жизни мужчин трансгендеров

Написано совместно с Лорен Готтшалк

О феномене трансгендеризма обычно пишут так, как будто те, кто совершает переход, совершают индивидуальный героический подвиг, а окружающие их люди — партнерки, жены, подруги, матери, дети, коллеги по работе — упоминаются только для того, чтобы подчеркнуть важность их безоговорочной поддержки. На самом деле трансгендеризм наносит серьезный вред членам семей трансгендеров. Хотя трансгендеризмом занимаются и женщины, и мужчины, членами семьи, которые страдают больше всего, в обоих случаях, скорее всего, будут женщины: жены, партнерки и матери. В литературе нет упоминаний о партнерах мужчинах, что говорит о том, что они очень редки. Существует очень мало исследовательской литературы по этому аспекту феномена трансгендерности, и отчеты, написанные женами, а также интервью с партнеркой мужчины, который совершил переход, будут использованы для выяснения того, как это влияет на жизнь этих женщин. Жены мужчин трансгендеров, партнерки лесбиянок трансгендеров и матери в обоих случаях описывают схожий опыт. К ним относятся психологический стресс, горе и утрата, социальная изоляция, унижение и финансовые проблемы. В этой главе мы сосредоточимся на женах, партнерках и матерях мужчин, которые решили сменить пол.

Кроссдрессинг и трансгендеризм

Мужья, которые принимают решение сменить пол, вероятно, имеют историю кроссдрессинга. Все чаще, в результате большей видимости возможностей трансгендеризма в интернете и в средствах массовой информации в целом, мужчины с партнерками женщинами, которые когда-то были просто случайными кроссдрессерами, совершают переход (Lawrence, 2007). В результате больше нет четкого различия между двумя практиками кроссдрессинга и транссексуализмом, и теперь оба они обычно объединяются под одним и тем же термином — трансгендеризм. Как комментирует Вирджиния Эрхардт во введении к своей коллекции рассказов жен «кроссдрессеров и транссексуалов», эти практики, которые нельзя четко разграничить, «дилеммы гендерной идентичности, а не формирование отдельных категорий, попадают в континуум» (Erhardt, 2007: 13). Коллекция Эрхардт начинается с историй жен, чьи мужья не пошли дальше случайного переодевания, и заканчивается историями жен мужчин, которые перешли к трансгендерности. Явное сходство между вредом, причиненным женам и партнеркам во всех случаях, подтверждает идею о том, что описывается схожее явление. Жестокая проблема для жен кроссдрессеров заключается в том, что им приходится жить со знанием того, что в какой-то момент их партнеры могут начать жить как те, кого они воображают «женщинами» на постоянной основе, и это может привести их в состояние гиперосознанности и стресса (Erhardt, 2007).

Кроссдрессеры, которые подвергаются трансгендерному активизму через онлайн-трансгендерное сообщество, вероятно, разовьют желание пойти дальше, чем это было бы раньше. Хелен Бойд, которая написала две книги о кроссдрессинге и выступает на лекциях со своим мужем Бетти, объясняет, как это может произойти. Она говорит, что после публикации ее книги «Мой муж Бетти» пара сразу же была подхвачена трансгендерным движением, и Бетти начал двигаться к возможности перехода: «С

тех пор мы поняли, что даже ее исследование своей женской стороны было немного похоже на ящик Пандоры, который, однажды открыв, уже не закрыть» (Boyd, 2007: 9). Бойд описывает свою ситуацию следующим образом: «жить с человеком, который выглядит так, будто он совершает переход, и, кажется, хочет его совершить, но не совершает, немного похоже на жизнь с посттравматическим стрессовым расстройством, когда чувствуешь, что каждая частичка тебя на взводе, ждешь объявления, ждешь кризиса» (Boyd, 2007: 251). Брак, который «каждый день ставит вопрос «бей или беги»», говорит она, не способствует долгосрочному счастью.

Герои своей собственной жизни

Большая часть литературы о трансгендеризме представляет процесс перехода как эпическое приключение, в котором люди стремятся найти себя (Lev, 2004). К сожалению, близкие люди, партнерки, жены и матери трансгендеров страдают от негативного воздействия этих приключений. Трансгендеры могут быть героями своей жизни, но женщины, которых они оставляют позади, могут не чувствовать себя такими позитивными. Кристина Бенвенуто характеризует поведение своего мужа как нечто похожее на героический квест: «он видит свою жизнь как эпическую историю освобождения, похожую на историю Песаха» (Benvenuto, 2012a: 22). Ее мемуары о жизни с мужем трансгендером, «Изменения пола», были встречены кампанией, которую возглавил ее бывший муж, чтобы оклеветать и заставить ее замолчать в 2012 году. Своим «восхищенным поклонникам» она говорит, что он «мученик, святой покровитель, Богоматерь гендерного разнообразия. В Долине Политически корректных он ожидал одобрения — и он его получил» (Benvenuto, 2012a: 237). Когда он выступал с речью в ее синагоге, он «рассказал историю героя» (Benvenuto, 2012a: 259). Роль жены по отношению к герою — быть служанкой, а не критикессой или препятствием.

Однако появилась новая клиническая литература, в которой признается крайне пагубное влияние мужского поведения на их партнерок. До недавнего времени литература о трансгендеризме исключала опыт партнерок; она была «центричной на ТИ», где ТИ означает трансгендерную идентификацию, по словам семейных и трансгендерных терапевтов Донны Чепмен и Бенджамина Колдуэлла (Chapman and Caldwell, 2012: 37). Но партнерки и члены семей трансгендеров не могут избежать воздействия, поскольку «людини ТИ не просто раскрываются перед собой. Они не могут оставаться скрытыми, если хотят актуализировать свое гендерное чувство себя (Chapman and Caldwell, 2012: 39). У семей «нет выбора», кроме как «справляться с этим, нравится им это или нет, и их считали чуждыми процессу оценки и лечения партнера ТИ. Их потребности были маргинализированы» (там же). Фактически, смысл каминг-аута в качестве трансгендера для мужчины кроссдрессера, был бы полностью утерян, если бы не было аудитории, и члены семьи, скорее всего, должны были бы сформировать первую аудиторию, как бы они этого ни хотели. Большинство терапевток, работающих с трансгендерами, некоторые из которых создали нишевые практики из такого лечения, принимают точку зрения своих трансгендерных клиентов, что они герои, игнорируя вред, причиненный партнеркам, который может подорвать сценарий. Как говорит Лиза Чейз, врачини и страховые компании любят думать, что переход является лечебным для трансгендеров, и «идея о том, что партнерки высказываются, признавая потребность в поддержке, была слишком рискованной и могла поставить под угрозу способность трансгендеров к переходу», возможно, подорвав их права на медицинское страхование (Chase, 2011: 430).

Арлин Лев — терапевтка, которая придерживается точки зрения «героического поиска» и мало сочувствует женам и партнеркам, которые могут страдать. Ее книга «Появление трансгендеров» (2004) претендует на то, чтобы предоставить шаблон для предоставления терапии трансгендерам и их семьям. Лев

неустанно позитивно относится к тому, как партнерки могут выиграть, поддерживая трансгендеров. Она объясняет, что традиционно терапевты ожидали, что мужчина оставит свою жену, «никогда не глядя на ситуацию с другой стороны и не спрашивая, способна ли супруга вырасти и измениться достаточно, чтобы поддержать кросс-гендерные «потребности» своего мужа» «Потребности» партнерок здесь не признаются. Она призывает тех, кто лечит партнеров, увидеть, что «иметь партнера трансгендера может быть увлекательным, захватывающим или желанным» (Lev, 2004: 17). Однако жены и партнерки, которые пишут о своем опыте, совершенно не поддерживают эту позитивную точку зрения (Benvenuto, 2012a; Erhardt, 2007), а изо всех сил пытаются пережить стресс и крушение всего, что им дорого.

Вирджиния Эрхардт, еще одна терапевтка, специализирующийся на терапии трансгендеров, вряд ли более сочувственно относится к женам, чем Лев. Эрхардт создала свой сборник историй жен, осознав, что жены нуждаются в поддержке: «рожденные женщинами партнерки настолько подготовлены к тому, чтобы обращать внимание на нужды своих мужей в этой ситуации... что они часто теряют собственный голос» (Erhardt, 2007: 2). Но она твердо придерживается трансгендерной идеологии, что мужья просто не могут помочь себе, и учит, что мужская практика кроссдрессинга не имеет ничего общего с выбором или образом жизни: «Чрезвычайно важно для женщины помнить, что быть человеком с трансгендерным опытом непроизвольно. Я слышал, как женщины, которые уходят, настаивают на том, что их партнер легкомысленно выбирает «трансгендерный образ жизни» (Erhardt, 2007: 6). Жены в сборнике — это те, кто поддерживает и остается со своими мужьями, но их истории являются полезным исходным материалом для этой главы, поскольку они подробно описывают очень серьезные стрессы, которые они испытывают.

Небольшое меньшинство терапевток, которые начинают признавать вред, причиняемый женам, с другой стороны, считают

его очень серьезным. Чепмен и Колдуэлл называют этот вред «травмой привязанности», что является особым типом события, которое включает «нарушение доверия или предательство в сочетании с недоступностью партнера» (Chapman and Caldwell, 2012: 44). Они объясняют, что партнер трансгендера переживает изменение роли и идентичности, которое является «незапланированным и неконтролируемым» (Chapman and Caldwell, 2012: 37), в то время как его партнерка отправляется на давно запланированный и ожидаемый поиск. В ответ на переход оставшиеся партнерки могут страдать способами, которые «соответствуют определениям травмы» (Chapman and Caldwell, 2012: 43). По их словам, травмы привязанности «ведут себя во многом как травмы, вызванные ПТСР, в том смысле, что они проявляются в форме травматических воспоминаний, избегания, чрезмерной бдительности и оцепенения и являются подавляющими» (Chapman and Caldwell, 2012: 45).

Эгоцентризм трансгендеров

Одним из существенных источников вреда для жен является эгоцентризм трансгендеров. Жены и партнерки страдают, потому что трансгендеры ведут себя так, как будто только их поиски имеют значение, и не воспринимают всерьез страдания, которые они причиняют, или озадачены ими. Чепмен и Колдуэлл говорят, что трансгендерам трудно слышать о травмах, нанесенных партнерам, потому что «обработке ТИ присуща глубокая эгоцентричность» (Chapman and Caldwell, 2012: 47). Хелен Бойд говорит, что подруга называет такое поведение «мужским аутизмом» (Boyd, 2007: 255). Жена в коллекции Эрхардта высказывает схожее мнение об эгоцентричности трансгендерных мужей: «С самого начала перехода все было связано с мечтами, желаниями и потребностями Бобби» (Erhardt, 2007: 120). Трансгендерность мужчин — это мужская прерогатива, и ее не следует обременять посторонними заботами. Литература о мужчинах, совершающих

насилие над партнерками в других ситуациях, предполагает, что они демонстрируют схожее отсутствие эмпатии (Harne, 2011).

Эгоцентризм трансгендеров с мужским телом и отсутствие у них эмпатии отражаются в том, как они решают «признаться» своим женам. Большинство женщин, опрошенных Эрхардт (2007), не знали о кроссдрессинге своих партнеров, когда выходили замуж. Они узнавали об этом после свадьбы и, нередко, через двадцать или более лет брака. В некоторых случаях, например, в случае Кристины Бенвенуто, муж мог упоминать о кроссдрессинге в начале брака несколько раз, но жена вряд ли воспринимала это всерьез (Benvenuto, 2012a). Как объясняет Бенвенуто, она не могла знать, что это может относиться к деятельности, которая будет обостряться и может привести к трансгендеризму, а не быть случайным хобби. Трансгендерные мужья не обязательно учитывали чувства своих жен, когда решали раскрыть свою склонность.

Тактика появления «одетого» перед ничего не подозревающей и сильно потрясенной партнеркой, судя по многочисленным рассказам жен, является обычной. Это был опыт основательницы веб-сайта, созданного специально для поддержки женщин, которые «боролись» с мужьями кроссдрессерами и она остро выражает горе, которое она чувствовала (Crossdresserswives.com, n.d.a). У нее был предположительно романтический новогодний ужин, когда ее муж сказал, что ему есть что ей сказать, но ему нужно сначала подняться наверх, потому что это легче показать, чем рассказать. Через десять минут он появился «одетым».

Наконец, он спустился по экстравагантной, широкой лестнице, одетый в свой длинный, красный, шелковый, в остальном скромный халат. Он сел рядом со мной и молча распахнул халат. Я тут же перестала дышать — кислород не поступал и не выходил. Я была парализована. Что-то в его глазах заставило меня понять, что это не шутка. Он был чертовски серьезен. Надев то, что должно было быть моими черными шелковыми чулками и

соответствующим черным кружевным поясом для чулок, вещами, которые, как он настоятельно настаивал, мне нужны, я изо всех сил старалась сострадательно понять, как мужчина, которого я любила, раскрыл свое давнее желание примерить нижнее белье. Затем он захотел заняться любовью (Crossdresserswives.com, n.d.a).

Она позволила тому, что она назвала «сексуальной игрой», иметь место, потому что она «любила его достаточно, чтобы помочь ему прожить этот странный фетиш», но нашла этот опыт «шокирующим, тревожным, острым, безрадостным и унылым». В то время как он сказал, что это был «лучший секс, который у него когда-либо был», для нее это был «безусловно худший, обостренный, пугающий половой опыт для меня» и напомнил ей об изнасиловании на свидании в возрасте восемнадцати лет, «единственном другом случае, когда я чувствовала себя такой бессильной». В обоих случаях эти «нежелательные половые акты» «травмировали» ее, потому что это были «акты омерзения, предательства, которые заставили меня постоянно (хотя и молча) чувствовать себя в ужасе, изнасилованной и опозоренной» (Crossdresserswives.com, n.d.a).

Жены трансгендеров обычно переживают целый спектр эмоций, когда узнают о переодевании своих мужей. Первоначальные реакции варьируются от недоумения и недоверия до шока и затем смущения при мысли о том, что об этом узнают другие (Erhardt, 2007). В коллекции Эрхардт женщины испытывали чувство насилия и отвращения (там же). Одна жена была возмущена тем фактом, что ее муж сбрил волосы на теле, и она не могла понять его безволосость, а другая сказала, что чувствовала себя физически больной. Другие реакции включали глубокое чувство одиночества и чувство того, что она недостаточно хороша, бессонницу и частые слезы, а также чувство полового отвержения, которое привело к чувству половой неадекватности (Buxton, 2006). Одна женщина в исследовании Эрхардт после бессонной ночи решила, что покончит с собой, но в итоге не сделала этого. Подавляющей и всеобщей реакцией женщин, которые на момент замужества не знали, что их

муж был кроссдрессером, было предательство из-за обмана и потери доверия (там же). Партнерка трансгендера, которая дала интервью для этой главы, рассказала, насколько пренебрежительно ее муж относился к той боли, которую он ей причинял:

Это было так, как будто я провалилась в кроличью нору. Он отмахнулся от моих вопросов словами: «Эй, остынь. Ты всегда так много всего раздуваешь — никто не может предсказать будущее». Я чувствовала, что мой страх и страдания преуменьшаются и игнорируются. Я чувствовала себя совершенно одинокой.

Проблема доверия

Некоторые отчеты предполагают, что интенсивность дистресса, испытываемого женами и партнерками, усугубляется временем раскрытия. Женщины, которые знали о кроссдрессинге своих мужей до того, как вступить с ними в брак или в самом начале брака, могли быть более терпимыми к такому поведению, но были шокированы, когда оно достигало стадии, когда мужчины начинали сомневаться в своем биологическом поле и идентифицировать себя как трансгендеров, а не как кроссдрессеров (Erhardt, 2007).

Другие исследования, однако, показывают, что не имело значения, на каком этапе мужа раскрыли свой кроссдрессинг; партнерки все равно чувствовали себя обманутыми, неспособными доверять и неспособными поверить в слово своего партнера или в свое собственное суждение (Buxton, 2006). Жены, которым не сказали об этом до брака, отказались принять объяснение своих мужей, что они не раскрывают свой «секрет» из-за страха быть отвергнутыми. Они считали, что брак был «шуткой, основанной на нечестности» (Erhardt, 2007: 34). Одна женщина настаивала на том, что она имеет право решать, хочет ли она выйти замуж за кроссдрессера или нет, и «это решение не должно было быть принято за меня» (Erhardt, 2007: 51). Кристина Бенвенуто описывает глубокое чувство утраты,

которое она испытала. Десятилетия, которые она провела с мужем, внезапно показались ей ложью, и она потеряла общие воспоминания:

Вы теряете партнера и доступ к его воспоминаниям... Он говорит вам, что на протяжении ваших отношений выдавал себя за вашего партнера, вымышленного персонажа, созданного им самим и, возможно, вами. Говорит вам, что все ваши воспоминания необходимо переписать (Benvenuto, 2012a: 84).

По ее словам, Трейси фактически сказал ей, что «последние двадцать с лишним лет моей жизни на самом деле не произошли» (Benvenuto, 2012a: 88).

Предательство доверия может распространяться на поведение мужа по отношению к своим детям. Бенвенуто объясняет, что ее муж использовал ее маленьких детей в качестве персонажей в своем представлении и стремился скрыть это от нее: «Опыт моих детей в отношении трансформации Трейси и распада нашего брака, несомненно, является самым уродливым и болезненным аспектом этой истории» (Benvenuto, 2012a: 119). Он «одевался» перед своей маленькой ребенком, и когда она рассказала об этом своей матери, он сказал, что не думал, что она способна говорить об этом (Benvenuto, 2012a: 80). Когда его восьмилетняя дочь пошла навестить отца, он записал ее в свою практику, как она объяснила своей матери: «Когда я иду к папе, он дает мне примерить свою обувь и украшения. Я делаю ему прическу. Иногда мы наносим макияж» (Benvenuto, 2012a: 142). В конце концов она отказалась навещать его, отказалась оставаться с ним наедине и сказала, что боится его. Он впадал в ярость, сказала она, если она отказывалась играть в переодевания: «Он сказал мне, что я должна показать ему, как быть девочкой!.. Он сказал, что он никогда не был девочкой, поэтому он хотел испытать, каково это, через меня!» (Benvenuto, 2012a: 150). По ее словам, муж Бенвенуто ставил интересы своих детей на второе место после собственных удовольствий.

Психологическое насилие

Поведение мужей-трансгендеров может выходить за рамки отсутствия сочувствия к страданиям своих партнерок и становиться более жестоким. В случае Кристины Бенвенуто одной из форм насилия было обвинение в ее психической нестабильности: ««Ты больна», — сказал мне Трейси, когда я протестовала против любого аспекта его поведения. «Ты психически больна. Никто в мире не думает так, как ты. Все остальные думают, что то, что я делаю, здорово» (Benvenuto, 2012a: 85). Он также занимался другими формами издевательств и угроз, и появилась новая «Трейси», говорит она, та, которая «запугивала и угрожала, которая устанавливала законы и ожидала, что я буду их соблюдать. Если Трейси становился женщиной, он никогда не казался таким мужественным — тираническим хулиганом он никогда не был в нашем браке» (Benvenuto, 2012a: 70). Угрозы, высказанные с целью добиться ее согласия, включали заявление о том, что он заберет у нее троих детей, если она его бросит. Одна жена из коллекции Эрхардт забрала мужа обратно к себе после того, как у него случился эмоциональный срыв и он дважды был госпитализирован. Затем он (называемый «она» в этом отчете) приступил к психологическому насилию по отношению к ней посредством личных оскорблений: «В мае она начала рассказывать мне обо всем, что я делаю, чтобы причинить ей боль. Она также сказала, что я плохо пахну, даже сразу после ванны, и что мне неприятно, когда я к ней прикасаюсь» (Erhardt, 2007: 120).

В некоторых случаях мужья могут не намереваться причинить боль, но их поведение тем не менее вызывает серьезные страдания. Одна из проблем, с которой сталкиваются жены кроссдрессеров, например, заключается в том, что когда их мужья выходят на улицу как «женщины», они должны уйти в шкаф. В сборнике Эрхардт несколько жен используют именно эту метафору, и одна жена говорит о себе и своей дочери: «Больше всего я возмущена тем, что он засунул нас в шкаф» (Erhardt, 2007: 126). Они не могут получить

поддержку, потому что от них ожидают, что они будут выходить со своим мужем «en femme», например, хотя им не разрешается рассказывать о том, что происходит, своим подругам и семье. Другая проблема, которая тревожит жен, — это ощущение, что их мужья хотят быть ими паразитическим образом, перенять их персону. Как говорит одна жена: «Иногда кажется, что Джейн хочет слиться со мной, и я чувствую себя поглощенной» (Erhardt, 2007: 165). Бенвенуто объяснил эту проблему похожим образом: «он не хотел быть со мной, он хотел быть мной» (Benvenuto, 2012a: 43). Другая жена объяснила: Есть проблемы «территории»: делиться не только моей одеждой и «моей» кухней, но даже моим именем и полом. Мне потребовался год, чтобы оценить, какой милый жест был, что Диана увидела во мне свою модель женщины и даже включила мое имя в свое: член + Энн + Диана (Erhardt, 2007: 197).

Такой паразитизм может причинить большие страдания.

Партнерка, с которой мы взяли интервью для этой главы, называет «газлайтингом» то, как трансгендеры могут обвинять своих жен в безумии, когда они замечают проблемное поведение и возражают против него. Она говорит: «Я думаю, что постоянные онлайн-проделки, ложь, секреты и газлайтинг («ты сошла с ума», «ты выдумываешь всякое», «это у тебя проблема») — это форма психологического насилия». Она говорит, что после «четвертого или пятого цикла лжи, разоблачения, еще больше лжи, еще больше газлайтинга и еще больше лжи я сорвалась» и начала находить его «физически и эмоционально отталкивающим», и мне пришлось «выстроить вокруг себя раковину, чтобы выжить». Она говорит, что «во многом» идентифицирует себя с «женщинами, находящимися в «обычных» абьюзивных отношениях» и считает, что у нее посттравматическое стрессовое расстройство: «Большую часть времени социальные ситуации кажутся мне мучительными. Теперь у меня очень мало подруг». После перенесенной крайней социальной изоляции и тревожности именно феминизм дал ей инструменты, чтобы вновь обрести свою силу:

Я заново открыла для себя феминизм через радикально-феминистские блоги и книги, которые мне посоветовали прочитать женщины, с которыми я познакомилась в сети, а теперь (в некоторых случаях) и в «реальной жизни». Какое облегчение знать, что я не «сумасшедшая».

Она рада, что теперь есть слова для того, что она переживает, «психологическое насилие», и что эта форма «угнетения» получила название. Таким простым способом феминистское понимание может утешить и поддержать женщин, которые испытали такое насилие. Те феминистки, которые публично поддерживают практику трансгендеризма, могут быть признаны виновными в том, что бросили жен, которые остались ни с чем. Феминистский проект должен быть направлен на поддержку женщин, подвергающихся насилию со стороны мужчин, а не мужчин, которые несут ответственность за насилие, в противном случае трансгендерное поведение мужчин может отдалить женщин и феминисток подруга от подруги.

Разрушение женских жизней

Когда мужчины выступают в роли трансвеститов или трансгендеров, жизнь их жен, скорее всего, будет разрушена. Как бы они ни думали, что проведут свою жизнь, они, если попытаются остаться с этими мужчинами, обнаружат, что приоритеты, созданные особым половым интересом мужчин, отнимут у них время, энергию и финансовые ресурсы. Жены мужчин кроссдрессеров, а также те, кто переходит к трансгендерности на более постоянной основе, становятся очень привязанными к практике своих мужей. Одна жена кроссдрессера комментирует: «Я действительно не хочу, чтобы этот CDing (кроссдрессор) разрушил мою жизнь, и похоже, что так и есть – он стал гораздо более важным, чем я хочу» (Erhardt, 2007: 55). Другая жена говорит, что ей часто просто не хочется играть в игры с переодеваниями, а

наоборот, она чувствует себя под давлением: «Даже сегодня, когда я устала, голодна или просто эмоционально истощена, а Люси хочет появиться, моя реакция — «нет»» (Erhardt, 2007: 59).

Мужья часто берут своих жен в качестве моделей, а жены приобретают новую форму домашней работы, чтобы облегчить «женственность» своих мужей. Это одежда их жен, которую мужчины часто носят, и они требуют, чтобы их жены превратили их в женщин. Как объясняет одна жена,

Я пыталась научить Томми делать себе макияж, но это было безнадежно. Он всегда слишком темнел глаза, поэтому выглядел как француз. Я решила, что буду делать весь макияж сама. Я также пыталась научить Томми ходить более женственно, но это не сработало; он все равно ходил как парень (Erhardt, 2007: 74).

Такая работа особенно важна, если муж способен убедить жену выйти с ним на публику, потому что это более унижительно, если его имитация женщины особенно плачевна. Покупки — еще одна рутина: «Мы ходим по магазинам вместе. Я помогла ему с макияжем. Он одевается в моем присутствии. Я принимаю, поддерживаю и даже поощряю» (Erhardt, 2007: 90).

Если жены вовлекаются в деятельность организаций поддержки трансгендеров, в которые вступают их мужья, то у них появляется целый ряд новых обязанностей и работы. Одна жена объясняет, что они с мужем «стали очень вовлечены в деятельность групп поддержки. Диана впоследствии стал основателем группы поддержки в нашем районе, а я стала активисткой для значимых других» (Erhardt, 2007: 66). Она также говорит: «Иногда мне кажется, что это слишком сильно влияет на нашу жизнь; но Диана, будучи тактичным, немного отступает, когда я упоминаю об этом» (Erhardt, 2007: 67).

Ожидается, что жены разделяют увлечение своих мужей этой практикой. Одна жена рассказывает о том, как ее жизнь стала сосредоточена на интересе ее мужа к переодеванию: «У нас

появился интернет, и наша жизнь вращалась вокруг переодевания. Мы проводили часы в чатах и переходили с сайта на сайт в поисках информации» (Erhardt, 2007: 123). Другая жена прокомментировала: «Самым большим стрессором в наших отношениях является количество времени и энергии, которое гендерная дисфория и процесс перехода отнимают у наших отношений. У меня часто заканчивается терпение» (Erhardt, 2007: 144). Она говорит, что часто чувствует, что ее «единственная роль в этих отношениях — быть поддержкой для «большого решения»» (там же). Феминистские исследования неоплачиваемой работы жен показывают, что поддержка мужских хобби и досуга, например, стирка футбольной формы, является недооцененным аспектом домашней работы (Delphy and Leonard, 1992). В случае трансгендерности требуемая работа гораздо более обширна. Жены могут обнаружить, что вместо того, чтобы брать на себя более равную долю домашней работы в своей новой женской персоне, их мужья могут проявлять форму выученной беспомощности, которая, по их мнению, подходит женственности, и возлагать на своих жен еще больше бремени. Наша собеседница объясняет, что от нее требовалось «всегда помнить, что он «женщина», и обращаться с ним «как с женщиной»», что «даже доходило до отказа нести тяжелые сумки, когда они ходили по магазинам, хотя он на фут выше меня и у него была гораздо более сильная верхняя часть тела». Она объясняет, что ее муж «отказался делать некоторые вещи, опасаясь, что сломает ноготь — я не шучу. Он буквально это сказал». Хелен Бойд сообщает о похожем поведении и говорит, что жены кроссдрессеров находят возмутительным то, что их мужья становятся беспомощными, когда они начинают подражать их представлению о том, что такое женщина, таким образом, что это оскорбительно для женщин и создает для них дополнительную работу. Это может включать в себя «когда ваш бывший муж говорит вам, что она не может устанавливать книжные полки, потому что она может сломать ноготь, в то время как негласное

предположение заключается в том, что женщина, воспитанная как женщина, может их устанавливать» (Boyd, 2007: 255).

Финансовая эксплуатация

Жены обычно жалуются на влияние практики своих мужей на семейный бюджет. Семейные деньги используются для покупки одежды и макияжа, оплаты кроссдрессинга по выходным, гормонов, а в случае тех, кто пойдет дальше, ряда операций: от ампутации гениталий и создания искусственной вагины до голосового аппарата и операций по феминизации лица. Одна жена в коллекции Эрхардт едко замечает о финансовом бремени стремления ее мужа: «Гвен чувствует себя вынужденным посвящать большую часть своего времени карьере активиста, которая не оплачивает счета» (Erhardt, 2007: 176). Другая женщина говорит: «Мы потратили или сэкономили невероятную сумму денег на новый гардероб Терезы, уход за волосами, электроэпиляцию и гормоны, не говоря уже о хирургической операции по смене пола, а также, возможно, о пересадке волос. Это большое финансовое бремя» (Erhardt, 2007: 132). Жены «Стефани», «Триш» и «Мэнди» жалуются на трудности с поиском денег на электроэпиляцию, одежду и аксессуары, гормоны и хирургию (Erhardt, 2007: 139; 146). Жена «Триши» красноречиво замечает, что «я никогда не тратила на себя столько денег» (Erhardt, 2007: 152). Но у мужей было мужское чувство собственного достоинства, которое перевешивало финансовые заботы их жен и заботу мужей о ресурсах.

Потеря сообщества и поддержки

Горе жен может усугубляться тем фактом, что поведение их мужей может отделить их от сети поддержки. Члены их сообществ могут держаться за мужа трансгендера, а не за брошенную жену. Как выражается Кристина Бенвенуто, «коэффициент политической

корректности означал, что многое из того, что я считала своим сообществом, досталось Трейси» (Benvenuto, 2012a: 81). Она считает, что это связано с тем, что поддержка мужчины-трансгендера гораздо более политически актуальна, чем сохранение верности своей жене. Бенвенуто живет в студенческом районе, полном людей, которые любят считать себя политически прогрессивными: «В Долине политкорректности легко поддержать трансгендерного друга или знакомого. Даже легче, чем просто. Это придает человеку своего рода щегольство, а некоторым людям — своего рода дрожь» (Benvenuto, 2012a: 170). Такие люди считали «невозможным... выразить даже элементарную человеческую симпатию ко мне или моим детям», и их желание быть политически корректными означало, что они должны были «полностью поддерживать его гендерный проект» (там же). Женщины, которые поддерживали ее мужа, зашли так далеко, что сказали ей, «что моя женская роль заключалась в том, чтобы поддержать гендерное изменение моего мужчины и привлечь моих детей к участию в проекте». Моя ответственность была перед Трейси. Ответственность Трейси была перед Трейси» (Benvenuto, 2012a: 62).

Бенвенуто обнаружила, когда опубликовала свои мемуары, что отсутствие поддержки общества сменилось реальными преследованиями. В отличие от других рассказов жен, которые поддерживают наклонности своих мужей, несмотря на то, что сетуют на недостатки, которые они испытывают (Rudd, 1999; Boyd, 2004, 2007), мемуары Бенвенуто — это крик ярости, который с большой ясностью раскрывает катастрофическое воздействие на нее и ее детей. Возможно, из-за этого она испытала значительную негативную реакцию за свою безрассудность в написании этого. Ее бывший муж, Джой Ладин, ученый, привлек друзей и членов трансгендерного сообщества для проведения кампании против произведений Бенвенуто. В ноябре 2012 года сторонники Ладин появились на книжном чтении Бенвенуто, чтобы выразить свои

возражения против книги, и их поведение было настолько проблематичным, что пришлось вызвать полицию (Pfarrer, 2012).

Бенвенуто также столкнулась с негативной реакцией на статью, которую она разместила в еврейской интернет-газете о том, каково это — жить в том же маленьком городке, что и твой бывший муж трансгендер (Benvenuto, 2012b). Она описывает такие подробности, как посещение врачичи по поводу одной из ее детини от бывшего, во время которого их рассматривали как лесбийскую пару, а ребенка — как потомка донора спермы. Статья больше не доступна в Интернете, поскольку ее бывший муж пожаловался, что она использовала в его адрес мужские местоимения. Журнал Kveller привел следующую причину своей цензуры:

Когда речь идет о проблемах, которые влияют на исторически (и в настоящее время) преследуемое сообщество, наша обязанность как редакторов быть особенно внимательными к точному языку, который используется. Kveller и его головная организация... стремятся уважать идентичность и жизненный опыт всех людей, включая трансгендерных людей (Kveller, 2012).

Интересно, что именно мужья трансгендеры рассматриваются здесь как преследуемые и нуждающиеся в чести и защите, а не жены, которые пострадали от психологического насилия со стороны своих мужей. Бенвенуто не принимает, что ее бывший муж является женщиной, на том основании, что у нее были длительные половые отношения с ним и она родила троих детей от его семени. Но ее точка зрения не уважается. Это может означать, что такое поведение мужчин является выражением мужской привилегии, которая вызывает одобрение патриархальных сообществ и организаций и обвинение женщин.

Наша собеседница обратилась в онлайн-группу для трансгендеров и партнерок, когда остро нуждалась в поддержке, и обнаружила, что там мало что можно найти. Она должна была быть для «трансгендеров» и «значимых других», но в ней было мало активных женщин участниц. Постоянными посетителями были, по

ее словам, «привилегированные, белые, поздние переходники», многие из которых были просто кроссдрессерами, которые хотели «попасть под большой зонтик и воспользоваться правовой защитой. Они любят «гендерную идентичность». Она посещала некоторые общественные мероприятия для «транс», которые были противоположностью поддержки партнерок, а социальные мероприятия служили местами, где мужчины «могли появиться и «одеться» в помещении. Это казалось очень сексуально заряженным. Там были мужчины-«охотники за транс», которые были, пожалуй, самыми жуткими мужчинами, с которыми я когда-либо сталкивалась. Они пилились и глазели из углов. Тьфу». Эти переживания усугубили ее страдания: «Телевизоры там, казалось, не очень интересовались мной — они хотели поговорить с моим партнером, и особенно подозрительный, хищный из них продолжал его лапать. Я могла бы с таким же успехом быть подливкой на столе».

Непринятие смены пола

Жены и партнерки трансгендеров вряд ли признают, что смена пола действительно произошла. Кристин Бенвенуто, например, сказала, что не могла использовать мужские местоимения, как требовал ее муж: «Местоимения, конечно, стали проблематичными вокруг человека, пересекающего гендерные границы. Я все еще использую мужское слово, чтобы обратиться к Трейси, потому что даже сейчас я не могу думать, говорить или писать об этом человеке по-другому» (Benvenuto, 2012a: 92). Она совершенно уверена, что Трейси не стал женщиной: «Он также не был, и для меня никогда не будет, женщиной» (Benvenuto, 2012a: 126). Возможно, неудивительно, что такой уровень уверенности должен быть распространен среди жен и партнерок. В конце концов, их привлекали их мужья как мужчины, они жили и имели с ними половые отношения в течение десятилетий как мужчины, имели от них детей как мужчины, и идея, что они могут стать

женщинами, не имела никакой силы. Местоимения также являются проблемой для жен кроссдрессеров, как объяснила одна жена: «Я все еще не могу часто называть своего мужа «она»» (Erhardt, 2007: 76). Другая жена кроссдрессера сказала: «Одна из моих любимых неприятностей — это кроссдрессеры, которые настаивают на том, чтобы женщины в их жизни называли их «она», «девочки» или «леди» из уважения или для того, чтобы не задеть их чувства» (Erhardt, 2007: 90). Она объясняет, что «родилась женщиной» и заслуживает «звания «она» и не должна его делить... Я не хочу, чтобы от меня ожидали, что кроссдрессеры будут «настоящими женщинами»» (там же). Мужья могут пытаться навязать своим женам местоимения по своему выбору с помощью эмоционального шантажа. Наша собеседница объясняет, как это может работать: «Он был настолько гиперчувствителен к любым мужским местоимениям, что мне приходилось контролировать свою речь до крайности, чтобы он не разрыдался и не драматически не сбежал, оставив меня одну в каком-нибудь баре где-нибудь на другом конце города».

Жены часто испытывают глубокий дискомфорт от представлений своих мужей о «женственности», которые иногда резко контрастируют с их собственными. Рассказ Хелен Бойд о жизни с ее мужем трансгендером Бетти является наиболее поучительным в отношении глубокого недоверия, которое могут испытывать партнерки к крайним и фантастическим версиям «женственности», которые мужчины принимают и ожидают принять как составляющие сущность женственности (Boyd, 2007). Бойд объясняет, что в юности она была «пацанкой», никогда точно не знала, что должно означать чувство себя женщиной, и отвергала женственность как социально сконструированную и ограничивающую. Поэтому она была удивлена, когда ее муж сказал ей, что он действительно знает, что значит чувствовать себя женщиной, и это определенно не то, что она когда-либо чувствовала. Она объясняет,

Чем больше я поощрял его найти идентичность, которая была бы для него комфортной и естественной, тем более неестественным он мне казался. Его манеры изменились, как и то, как он использовал свои руки. Он взъерошил волосы и начал использовать новый голос (Boyd, 2007: 78).

Она надеялась, что его поведение было просто «фазой», потому что «я чувствовала, будто живу с Бритни Спирс. Это было похоже на сон с врагом» (там же). Бойд очень возражала против того, чтобы кроссдрессеры читали ей лекции о том, что она неправильно относится к женственности, «не живет той славой, которая присуща женственности» (Boyd, 2007: 79). Ей особенно не нравилась критика ее практичной обуви со стороны кроссдрессеров: «Когда мужчины в босоножках 12-го размера высмеивают мои «библиотекарские туфли», это, вероятно, худший опыт, который я пережила в сообществе MTF» (там же). Наша собеседница также обнаружила, что ее мужу трудно справляться с «пародией» женского поведения посредством откидывания волос:

Я могу сказать, когда он думает о том, чтобы стать женщиной, или фантазирует об этом... потому что его голос становится немного выше, и он делает это вялое движение запястьем, положив другую руку на талию, и он часто откидывает волосы.

Ее муж не интересовался одеждой жены, потому что она не подпитывала его фантазию: «Он не носит мою одежду — она недостаточно «женственная». Ему нравится носить короткие юбки, топы с глубоким вырезом, высокие сапоги. Он называет это образом «рок-цыпочки».

Несколько жен в коллекции Эрхардт выражают схожее разочарование по поводу создания их мужьями женственности, с которой они не могут себя соотнести, поскольку сами никогда не интересовались подобными безделушками. Как выразилась одна из них, «я, которая никогда не заботилась об одежде и возмущалась образом женщины «куклы Барби», имела мужа, который, казалось, был одержим одеждой и был беспомощен,

пока сох лак для ногтей», и напоминал «подростковое прихорашивание, которое я никогда не хотела делать» (Erhardt, 2007: 193). Многие женщины принимали трансгендерность своего мужа или партнера на поверхности, но мало кто полностью принимал идею женщины в теле мужчины. Дополнительная трудность для жен, если бы они признали, что их мужья действительно сменили пол, заключалась в том, что тогда им пришлось бы считать себя «лесбиянками», и многие посчитали это невыполнимым требованием (Buxton, 2006).

Наша собеседница объясняет, что она была «благодетельной либералкой», которая просто принимала то, что люди говорили о себе, не «изучая политический или культурный контекст их утверждений», но теперь так не думает. Тем не менее, как она говорит, она никогда «не увлекалась «ухаживаниями» или магическими духами или эссенциями», а теперь поняла, что «многое из того, что печатается о «женщине в мужском теле», не имеет научного или рационального смысла» и «полностью лишено какой-либо достоверной физиологической или неврологической основы». Интересно, что она говорит, что «была свидетельницей» того, как трансгендеры с мужским телом «развивали и оттачивали свои истории», когда они менялись от просто кроссдрессеров, которые открыто говорили о своем «сексуальном фетише», до тех, кто считал себя трансгендером и говорил: «О, боже, мне нужно принимать гормоны, иначе я убью себя — я ЖЕНЩИНА!» Они добиваются респектабельности, идентифицируя себя как трансгендеров, а не просто как кроссдрессеров: «Большинство мужчин стыдятся своего фетиша. Называть это «трансгендером» и разрабатывать сложные теории об этом — это способ сделать это «респектабельным» и получить сочувствие от сторонников «родиться таким». Истории жен могут быть более проницательными относительно мотивов этого разнообразия мужского поведения, чем клиническая и популярная литература, которая имеет тенденцию принимать трансгендерную идеологию как истину.

Роль жен в феминизации

Неоплачиваемый труд, который вынуждены выполнять жены и партнерки, чтобы поддержать представление своих мужей о женственности, часто имеет половой компонент, который может включать в себя роль доминатрисы в половых сценариях, в которых они должны «феминизировать» своих мужей. Существует весьма значительная индустрия в интернете по обслуживанию трансгендеров с мужским телом, поставляющая оборудование, которое включает не только одежду, формы груди и бедер, мягкие брюки, корсеты, парики, макияж и высокие каблуки, но также курсы обучения голосу и осанке, а также порнографию. Основной темой как учебных материалов, так и трансгендерной порнографии является «феминизация», то есть эротическое унижение, и в этих ритуалах жены играют главную роль. В порнографии мужчины вынуждены принимать одежду и поведение, которые они ассоциируют с подчиненной половой кастой, а сайт «Amber Goth's Forced Feminization» демонстрирует вербовку жен и родственниц. Гот объясняет содержание порнографии «принудительной феминизации» следующим образом:

В некоторых наших историях повествуется о матерях, тетях, бабушках, женах и так далее, которые феминизируют мальчиков или молодых мужчин и превращают их в девочек. Это распространенная тема в трансгендерной литературе, и она касается исполнения желаний со стороны трансгендерных людей, которые действительно хотят, чтобы это произошло с ними (Goth, 2012).

Другим примером является книга Синделя Сабанте «Мой муж, мои трусики», в которой половая фантазия включает жену, и это может помочь объяснить, почему трансгендеры с мужским телом любят удивлять своих жен, будучи «одетыми», ожидая восторженной реакции, в которой жена превращается в доминатрикс, как здесь:

Ожидая худшего, Энни вместо этого находит Марка в неловком положении на полу спальни. Марк потерял сознание в ее одежде! Увидев возможность немного повеселиться, Энни решает превратить Марка в свою маленькую подругу и проверяет пределы того, как далеко готов зайти Марк (Sabante, 2013).

Активная роль, ожидаемая от жен, указывается в том факте, что их называют «тренерками» на сайтах, посвященных тому аспекту трансгендерности, который касается женского нижнего белья. Поиск по запросу «Мой муж, мои трусики» выдает 6 010 000 результатов и показывает популярность этой темы среди кроссдрессеров (например, «Трусики моего мужа», 2005). Обсуждения на сайтах включают мужчин, которые говорят, что они впервые надели нижнее белье своих матерей в возрасте двенадцати лет или воровали нижнее белье у девочки по соседству. Мужчины также говорят о том, что специально покупали нижнее белье для своих жен, чтобы носить его самим. Многие из этих тем всплывают в рассказах жен, представленных ранее в этой главе. Вероятно, для мужей, обученных сексуально реагировать на такие фантазии посредством потребления порнографии, будет весьма разочаровывающим обнаружить, что их жены не хотят выступать в роли «тренерок», испытывают стресс и отвергают предлагаемые им возможности полового обслуживания.

Наиболее откровенно сексуальная версия феминизации — это «сиссификация», которая явно является формой мазохистского удовлетворения для приверженцев мужчин. Мужчин «сиссифицируют» или унижают, заставляя их носить одежду, которую они ассоциируют с женщинами, а затем шлепая или подвергая садомазохистским сценариям со стороны доминатрикс, школьных учительниц и других женских авторитетных фигур (sissification, n.d.a). Эта практика настолько завораживает мужчин, что поиск по этому слову выдает 744 000 результатов.

Использование термина «сисси» является показательным, поскольку это явно оскорбительный термин, основанный на

подчиненном статусе женщин. Это указывает на то, что нет никаких положительных ассоциаций с женщинами, связанных с этой практикой, только унижительная и оскорбительная. Веб-сайт под названием Sissy School предлагает «Королевство сиссификации. И он очень розовый, очень вычурный и очень девчачий». Он предлагает материал о «сисси-секс по телефону, сисси-доминировании, обучении сисси-рогоносцев или обучении сисси-горничных» (Sissy School, б/д). Большая часть материала, однако, представлена в форме видеопорнографии, которая не была рассмотрена в исследовании для этой книги (Sissification, б/д).

Советы и визуальные материалы о «секретах женского языка тела» являются полезными указаниями на трансгендерную точку зрения на то, из чего состоит «сущностная» женственность. Полный «набор для феминизации» включает в себя видео, интервью с экспертами, «специальные отчеты», «шпаргалки», «рабочий лист», «руководство по ресурсам», «программу гипноза» и советы по походке, макияжу, одежде, волосам и феминизации голоса. Однако идея «женской сущности» несколько подрывается такой индустрией, поскольку то, что «естественно» и биологически обусловлено, не может требовать столь подробных инструкций. Программа гипноза научит мужчину быть женщиной «внутри» всего за пятнадцать минут: «Все, что вам нужно сделать, это сесть, расслабиться и позволить своему разуму увести вас в женское путешествие. Со временем вы обнаружите, что без усилий думаете, чувствуете и действуете как настоящая женщина!» (Sorella, n.d.).

Трансгендеры и кроссдрессеры, которые получают половое возбуждение от подчинения женщин, могут быть достаточно осведомлены о том, как работает такое подчинение, как ясно из следующей цитаты из совета мужчинам о «женской позе». Инструкция называется «Открытая против закрытой» и объясняет, что женщины «занимают меньше места, чем мужчины. Это может показаться очевидным, но я поражен тем, как много девушек забывают держать ноги вместе и локти внутри. (Генетические

девушки тоже!)» (Sorella, n.d.). Мужчины получают свое удовлетворение от размышлений и разыгрывания именно тех ограничений движений, которые были мучимы и в которые были пойманы те, кто родились и выросли как женщины, всю жизнь обучаясь подчинению, и они очень хорошо понимают, что они делают: «Открытые положения тела связаны с демонстрацией власти. Помимо того, что вы выглядите более пассивными и женственными, закрытое положение тела заставляет вас казаться физически меньше» (Sorella, n.d.). В этом примере реальность подчинения женщин становится игрушкой для полового возбуждения мужчин. Хотя многие жены могут не знать об империи трансгендерной порнографии, которая лежит в основе практики их мужей, они, вероятно, найдут ожидаемую от них роль зрителя, помощницы и доминатрикс неприятной, и некоторые отвечают ей тем же.

Движение сопротивления жен

Жены все чаще высказываются, и зачатки движения сопротивления тому, чему они подвергаются, становятся заметными. Это движение не приближается по размеру и влиянию к движению трансгендерных активистов, через которое их мужья могут получить поддержку, средства правовой защиты и ресурсы. Онлайн-сайты, которые являются ответвлениями этого движения, претендуют на то, чтобы обеспечивать жен, но не обязательно делают это. Бенвенуто обратилась за поддержкой на онлайн-доску объявлений для транссексуалов и членок их семей, но обнаружила, что сообщение было направлено на оказание безоговорочной поддержки их партнеркам по переходу: «Да, они могли быть эмоционально агрессивными. Но разве их мужьям не приходилось намного хуже? Разве работа жены не заключается в том, чтобы поддерживать — несмотря ни на что?» (Benvenuto, 2012a; 128). Однако один сайт онлайн-поддержки для жен, crossdresserswives.com, придерживается совершенно иной точки

зрения (Crossdresserswives.com, n.d.a). Он специально предназначен для жен, которым очень трудно выживать из-за поведения своих мужей, и не допускает «управление» со стороны мужей. Сайт предоставляет Билль о правах, который иллюстрирует аспекты практики мужского переодевания, которые жены считают наиболее проблематичными. Хотя он, по-видимому, применяется к женам кроссдрессеров, а не к мужчинам, которые стремятся жить как женщины на постоянной основе, все «права» касаются именно тех аспектов поведения их мужей, которые жены более преданных персонаторов находят огорчающими (Benvenuto, 2012a). Он начинается с права «знать до брака/сожительства – не быть обманутой у алтаря» и продолжается, охватывая право рассказывать другим людям о проблеме, испытывать негативные чувства по этому поводу, право отвергать практику «включая половые действия», право «отказываться от участия или подвергаться практике переодевания», право разорвать отношения, право «настаивать на терапии» и право защищать детей от «психологической травмы» (Crossdresserswives.com, б/д). Материалы на сайте анонимны, что защищает авторов от наказания, которое получила Бенвенуто.

Большинство рассказов жен открыто говорят о том, что кроссдрессинг их мужей является половой практикой, которую от жен теперь ожидают терпеть или в которой они должны участвовать, на том основании, что это некое биологическое состояние, которое мужчины не могут контролировать. Сексологи и сексопатологи традиционно ожидали, что женщины будут терпеть выражение мужьями своих мужских половых прерогатив (Jeffreys, 1990; Tyler, 2011). Женщины были вовлечены в чувство вины такими писателями, пишущими о сексе, как Алекс Комфорт, автор книги «Радость секса» (Comfort, 1972; Jeffreys, 1990), заставляя их принимать садомазохистские практики, которые их беспокоили, например, и заниматься такими делами, как глотание спермы, хотя они находили это отвратительным, и многими другими практиками, направленными на удовлетворение

мужчин за счет их собственных. Проблема по-прежнему заключается в том, что по мере изменения половых интересов мужчин — часто через потребление порнографии и других элементов секс-индустрии — требования к женам возрастают. Анальный секс теперь широко востребован партнерами мужчинами до такой степени, что сексологи изобрели новую сексуальную проблему «анодиспареуния», чтобы объяснить нежелание и боль женщин и оправдать создание терапий, которые позволят женщинам преодолеть это (Stulhofer and Ajdukovic, 2011). В случае трансгендерности женщинам может быть еще сложнее возражать, поскольку эта практика представляется неизбежной и неконтролируемой.

Матери трансгендеров

У всех трансгендеров были матери, и матери страдают от многих аналогичных травм, которые испытывают жены и партнерки, но эта группа вообще не изучалась. Есть одна книга, в которой описан их опыт, под названием «Переходы сердца» (Pepper (ed.), 2012). Она состоит из историй матерей, включая тех, кто идентифицировал своих маленьких детей как трансгендеров, и тех, чьи взрослые сыновья совершили переход в среднем возрасте. Истории представлены без анализа, матери не критикуют трансгендеризм как практику и всецело поддерживают своих детей, но ясно выражены необычайные стрессы, которые они испытывают. Книга сентиментально взывает к материнской любви, поскольку матери, которые признают, что их дети являются трансгендерами, и поддерживают лекарства и операции для них, представлены как особенно любящие.

Матери, которые определили своих детей в раннем возрасте как трансгендеров — в одном случае даже в возрасте одного года — сделали это из-за их предпочтений в отношении определенных игрушек или одежды. Их критерии напрямую отражают те, которые

составляют определение расстройства гендерной идентичности в детстве, и отражают традиционные половые стереотипы, которые феминистки давно критикуют. Матери, которые участвуют в навязывании таких жестких ролей своим маленьким детям, возможно, не должны считаться полностью безупречными в трансгендеризации детей, поскольку они играют активную роль. С другой стороны, некоторые из детей сами уже пенсионеры и совершили каминг-аут перед своими матерями как трансгендеры в преклонном возрасте. Матери обычно выражают горе из-за потери маленькой девочки или мальчика, которых они родили. Они выражают траур и говорят о бесконечном плаче, пытаясь смириться со своим горем. Редактор Рэйчел Пеппер так описывает дилемму матерей: «Поскольку дети совершают переход, то же самое должны делать и их семьи» (Pepper, 2012: xviii). Матери страдали от тяжелого психологического расстройства, как описала одна из них: «Я была в смятении и эмоциональном напряжении... Чувства замешательства, неуверенности, страха и грусти» (Pepper (ред.), 2012: 84). Они испытывают сильное чувство утраты из-за трансгендерности своих детей. Они любили их как представительниц биологического пола, в котором они родились, и чувствовали, что потеряли любимых людей, когда совершили переход.

Одна женщина описывает свое горе, наблюдая, как ее взрослый сын проходит через крайнюю дисфорию тела, когда он отправляется на множество операций, чтобы переделать свое тело по образу своей фантазии: «Еще одна операция для моего ребенка... Моя трансгендерная дочь говорит, что она все еще не в порядке, все еще не выглядит на сто процентов как женщина. Она прошла через операцию по смене пола, косметическое бритье линии подбородка и носа и две пересадки волос. Теперь она говорит, что кости ее бровей и линия роста волос не в порядке» (Pepper, 2012: 119). Описывая своего сына, она говорит, что он «все еще бесконечно смотрит в зеркало, все еще видит то, чего не видит никто другой, и я скорблю по ней». Наблюдение за этим

членовредительством вызвало у нее сильные страдания. Поскольку Национальная служба здравоохранения Великобритании оплатит только операцию по смене пола, а не все дополнительные услуги, мать забеспокоилась о финансовых затратах для семьи ее сына: «не будут ли это просто еще 5000 фунтов стерлингов выброшены на ветер?» (Pepper (ред.), 2012: 118).

Матери также страдают от эгоцентризма, который могут проявлять мужчины, которые меняют пол. Эта же мать описывает тревожные изменения в личности, которые произошли с ее сыном, когда он совершил переход:

В этот момент она все еще действовала как мужчина. Она была так полна ненависти и гнева по отношению к женщинам. Я задавался вопросом, была ли это ревность... она стала удивительно плоской личностью. Нам трудно принять это очевидное отсутствие эмоций. Она очень умна, но одержимость собой, паранойя и избегание общества, которые, похоже, сопутствуют ее состоянию, взяли свое. Мы все надеемся, что теперь она наконец-то двинется дальше по жизни (Pepper, 2012: 120).

Среди «всех», кто пострадала столь неблагоприятно, были его мать, жена и маленькие детини.

Некоторые матери имеют несчастье пройти через многократный опыт потери членок своей семьи из-за трансгендерности. В одном случае женщина потеряла обеих своих дочерей-близняшек, которые совершили каминг-аут как лесбиянки в старшей школе, но затем перешли на переход (Pepper (ред.), 2012: 125). В другом случае мать потеряла и мужа, и дочь из-за трансгендерности. Мать объясняет, что муж был кроссдрессером, который начал переход и повлиял на девочку, чтобы она последовала его примеру: «Мой муж хотел, чтобы наша двенадцатилетняя дочь Хизер прошла с ним переходный период, включая операцию» (Pepper (ed.), 2012: 155). Хизер сменила имя в шестнадцать лет, а в восемнадцать перенесла гистерэктомию. Когда родительницы позволяют своим детиням совершить переход, они несут значительные финансовые затраты.

Блокаторы полового созревания для детей обходятся в 4500–15 000 долларов США в год, а терапия добавляет еще одну стоимость (Perper (ред.), 2012: 125). В то время как некоторые матери явно являются жертвами практики трансгендеризма, в некоторых случаях можно увидеть, что они вступают в сговор с патриархальными половыми стереотипами и могут даже приносить своих детей в жертву на алтарь «гендера». Необходимо исследование родительниц, которые активно стремятся трансгендерить своих детей.

Заключение

Пришло время переосмыслить страдания, которые мужчины трансгендеры причиняют своим женам. Возможно, это следует понимать как недооцененную форму психологического насилия по отношению к женщинам, ситуацию, в которой женщинам нужны серьезные структуры поддержки, которые считаются уместными, когда они становятся жертвами других форм издевательств со стороны партнеров мужчин. Понимание вреда, который трансгендеры с мужским телом наносят своим женам, должно заставить всех феминисток, женщин, обеспокоенных благополучием своих сестер, серьезно задуматься об этике безусловного принятия идентичностей и местоимений мужчин, чьи жены страдают. Феминистки, которые принимают мужчину как «она», когда его жена, дети, мать не могут, и чувствуют себя оскорбленными требованием, чтобы они это делали, отказываются от все большей части женского рода и исключают их из сообщества женщин, которые заслуживают уважения, в пользу поддержки мужчин в осуществлении их прерогатив.

Мужья совершают переход в результате своей мужской прерогативы, которая особенно сильна в вопросах, касающихся их полового удовлетворения. Но жены больше не так покорны и скромны, как в ранние дни трансгендеризма. Некоторые из них

становятся очень злыми, и появляются зачатки коллективной организации. Голоса жен должны быть услышаны, потому что они способны прорваться сквозь либеральную фантазию о сущностном трансгендеризме. Жены говорят, что их мужья не являются и не могут быть женщинами. Для них не имеет смысла, что мужчин, чье семя было необходимо для создания их детей, и чьи «женские» стремления напоминают кукол Барби, следует называть «она» и оказывать им социальное поощрение. К сожалению, голоса женщин не имеют силы в патриархальных обществах, где голоса отцов в лице сексологов, психиатров и эндокринологов воспринимаются всерьез, в то время как жизненный опыт женщин презирается.

5. ЖЕНЩИНЫ ТРАНСГЕНДЕРКИ: ПРОТИВОЯДИЕ ОТ ФЕМИНИЗМА?

Написано совместно с Лорен Готшалк

Трансгендерность женщин и мужчин необходимо рассматривать отдельно, поскольку это совершенно разные явления. Однако в литературе они обычно встречаются вместе, как если бы они были двумя сторонами одной практики. Основное различие связано с тем, что «гендер» — это политическая категория, обозначающая кастовый статус. Поэтому представители высшей касты, мужчины, якобы теряют статус, когда становятся трансгендерами, но для трансвеститов именно это может быть причиной для этого, поскольку они могут получить мазохистское удовлетворение. Однако следует признать, что, как мы видели в предыдущей главе, мужчины трансгендеры не отказываются от всех своих мужских привилегий, а переносят их с собой в различные социальные контексты и по-прежнему способны обладать властью над женщинами. Членки низшей касты, женщины, переживают совершенно иной опыт, когда становятся трансгендерками. Тем самым они повышают свой статус, и в обществе, в котором ненависть и унижение женщин оказывают очень пагубное воздействие на самоощущение женщин, а также угнетающе влияют на их пожизненные заработки, это может стать мощной мотивацией для стремления достичь превосходящей половой касты. Трансгендерность женщин является противоядием от феминизма, поскольку это способ, с помощью которого отдельные женщины могут повысить свой статус, присоединившись к касте мужчин. Напротив, феминизм стремится разрушить мужское превосходство, чтобы повысить статус всех женщин, и этой задаче никоим образом не способствует социальная мобильность к

мужскому статусу крошечного меньшинства женщин. Мужчины трансгендеры находят существование женщин, совершивших переход, полезным, поскольку в отсутствие какого-либо признания различий можно увидеть, что они подтверждают подлинность своей собственной практики.

Филлис Фрай, например, американский судья и один из создателей Международного билля о гендерных правах 1995 года, особо отмечает, насколько полезным было существование таких женщин:

По моему опыту, ничто не разрушает стереотипы о трансгендерах лучше, чем когда человека неожиданно встречает долгосрочную ФТМ (женщину совершившую переход в мужчину). ФТМ полностью стирают стереотип о трансгендере. ФТМ также обеспечивают прочную связь с феминистским движением. Поскольку многие из них имеют опыт работы в политике по защите прав лесбиянок и женщин, они могут принести с собой обучение, понимание и политические связи. (Frye, 2000: 141)

Сходство состоит в том, что идея трансгендеризма в обоих случаях является конструкцией медицинской профессии, в том, что обе практики опираются на вредные гендерные стереотипы и укрепляют их, а также в том, что они наносят серьезный вред здоровью и человеческому функционированию. Однако в других отношениях различия значительны. Начнем с того, что в этой практике доминируют мужчины. Исторически существовал значительный разрыв в цифрах, который до сих пор отражается на тех, кто сегодня получает справки на разрешения смены пола в Великобритании: трое из каждых четырех трансгендеров являются мужчинами (Министерство юстиции, 2012). Есть различия в сексуальной ориентации. Большинство мужчин трансгендеров гетеросексуальны и в то время состояли в отношениях с женщинами, и лишь меньшинство составляют мужчины, имеющие отношения с мужчинами (Lawrence, 2004). Их привлекают женщины до перехода и продолжают привлекать женщины после перехода, и в этот момент они, скорее всего, идентифицируют себя

как лесбиянки. Что касается женщин трансгендерок, подавляющее большинство имеют сексуальные отношения с женщинами и большинство идентифицируют себя как лесбиянки и были постоянными членками лесбийского сообщества до того, как они совершили переход (Devor, 1999). Они подвергаются лесбофобии переходом и после события в большинстве случаев считают себя состоящими в гетеросексуальных отношениях.

Совершенно разные контексты, в которых мужчины и женщины трансгендерны, представляют собой еще одно очень существенное различие между этими практиками. Гетеросексуальное большинство трансгендеров с мужским телом не имеет мужской культуры женственности, посредством которой можно было бы понять себя. С другой стороны, подавляющее большинство женщин трансгендерок живут в лесбийской культуре, в которой мужественность ценится, и многие из них переняли аспекты стереотипной мужественности в своей внешности задолго до того, как решили совершить переход. В лесбийской культуре практика ролевых игр «буч/фем», в которой партнерки в отношениях принимают стереотипные роли, обеспечивающие основу гетеросексуальности, была распространена в некоторых слоях общества до появления второй волны феминизма в 1960-х годах и пережила второе рождение с 1980-х годов (Jeffreys, 1989). Феномен женского трансгендеризма берет свое начало именно в ролевой игре мужественности и повышении значимости мужественности (Jeffreys, 2003). Эта очень значительная разница между стремящимися мужчинами и женщинами влияет, например, на степень поддержки, которую они получают. Партнерки женщин трансгендерок могут рассматривать переход как просто продолжение той мужественности, которую они уже приняли как часть ролевой практики. Лесбийские сообщества, в которых женщины трансгендерки выступают в роли «мужчин», могут найти это неудивительным, поскольку ранее они воспринимали крайние формы мужского поведения как обычную часть лесбиянства. С трансгендерами мужского пола ситуация иная. Хотя они,

возможно, какое-то время получали удовлетворение от мысли о себе как о «женственных», у них обычно есть партнерки и сообщества, для которых идея женственности у мужчин является незнакомой и неприятной концепцией.

Еще одним необычным отличием, как ясно показывает сексологическая литература, является тот факт, что трансгендерное поведение со стороны женщин не является формой сексуального фетишизма, как это обычно бывает у мужчин (Bailey and Triea, 2007). Хотя половой фетишизм – в форме возбуждения от ношения одежды, стереотипно ассоциирующейся с женщинами, или поиска «женских» частей тела – все чаще рассматривается как объяснение трансгендеризма в мужском теле, он не дает объяснения разнообразию женского тела. Трансгендерки не имеют истории переодевания в мужские трусы для сексуального возбуждения, и необходимо найти другую форму объяснения.

Однако нет литературы, в которой пытались бы объяснить трансгендеризм со стороны женщин. Литература либо воспринимает трансгендеризм как нечто само собой разумеющееся, как будто это естественное явление, либо носит праздничный характер. Критическое исследование, направленное на поиск объяснений, вероятно, будет рассматриваться как враждебное и «трансфобное», поскольку оно подрывает идеологию, которая представляет трансгендеризм как неизбежный и существенный. Но если это явление не рассматривать как произведение природы, которое за последние три десятилетия проявляется с поразительной частотой, то необходимо задаться вопросом, почему оно происходит. Понимание женского трансгендеризма с феминистской точки зрения дает ряд форм объяснения, все из которых связаны с действием мужского доминирования (Thompson, 2001).

Одна из форм объяснения, которую следует здесь рассмотреть, состоит в том, что трансгендеризм привлекателен, потому что социальная ненависть и подчиненное положение женщин и

лесбиянок, а также повышение ценности мужчин являются силами, которые делают более привлекательным для некоторых женщин избежать низведения до подчиненной женственности и поиска преимущества, которые принесет принятие мужественности. Нет никаких сомнений в том, что мужчины в западных обществах получают значительные преимущества от своего статуса в сексуальной касте. Они являются экономическими и отражаются в гораздо более высоких заработках в течение жизни; физическое, с точки зрения безопасности от мужского сексуального насилия и нежелательной беременности; и психологический, с точки зрения самоуважения и благополучия. Эти преимущества были названы социологом мужчиной трансгендером Рэвином Коннеллом «патриархальным дивидендом», который представляет собой «преимущество, которое мужчины получают в целом от всеобщего подчинения женщин» (Connell, 2005: 79). Другая форма объяснения состоит в том, что женский трансгендеризм возникает как продолжение ролевой игры в лесбийских сообществах. «Гендер» представляет собой систему сортировки мужского доминирования и представляет собой иерархию, в которой мужчины имеют власть над женщинами. Его повсеместность и важность затрудняют выход за рамки гендера, и традиционно в лесбийских сообществах «гендер» воспроизводился, поскольку лесбиянки стремились понять себя в рамках норм своего общества.

Ролевые игры «буч/фем» и трансгендеризм со стороны женщин

Ролевые игры «буч/фем» были обычным явлением в некоторых лесбийских сообществах до 1970-х годов. Ему бросил вызов лесбийский феминизм, который стремился создать равные отношения между женщинами, свободные от ограничений, налагаемых патриархальной гетеросексуальностью, которая представляла эротизм как нечто, что можно вообразить только

между людьми, играющими мужские/женские роли. В 1990-е годы лесбийские ролевые игры были реабилитированы и создали основу для трансгендерности лесбиянок. Некоторые лесбиянки возмущались феминистским вызовом ролевых игр, поскольку считали, что их сексуальность связана с ролями буч/фем и что это эротизированное неравенство действительно является воплощением сущностного лесбиянства. Подобную реакцию описывает Арлин Лев, лесбиянка-психотерапевтка, работающая с теми, кто считает себя трансгендерками, и написавшая книгу «Трансгендерный гобелен» (2004). Ее точка зрения важна, потому что ее книга сделала ее влиятельной в исследованиях трансгендерок. В журнале лесбийских исследований она объясняет свое отчаяние, когда пришла на лесбийское мероприятие в конце 1980-х годов и обнаружила, что все лесбиянки, которые были там и прекрасно проводили время, по своей внешности не имели гендерной принадлежности. Она обнаружила, что ни один из них не вызывает у нее сексуального влечения:

Я оглядела комнату андрогинных лесбиянок – милых женщин, смеющихся и веселящихся, комфортных в своем теле и празднике сексуальности, который может принести танец со своим собственным – и с внезапностью удара током я поняла, что здесь нет ни одной женщины в комнате, с которой я могла бы встречаться. Мое сообщество, дом в моем сердце, оставило меня сексуально холодной и отчужденной. (Lev, 2008: 134)

Они не представляли собой ролевую игру в разнице сил, поэтому они просто не были для нее привлекательными.

Феминизм произвел драматические изменения в поведении лесбиянок в 1970-х годах (Дженнингс, 2006). В своем увлекательном рассказе об истории культового лондонского лесбийского клуба Gateways с 1940-х по 1980-е годы «От шкафа до экрана» Джилл Гардинер использует материалы своих интервью, чтобы описать, как феминизм повлиял на клиентуру клуба (Gardiner, 2003). До 1970-х годов лесбиянки, посещавшие клуб,

скорее всего, участвовали в ролевых играх и даже называли себя мужскими именами, как описывает писательница Мэри Даффи в своем романе «Микрокосм» (Duffy, 1966). Вспоминая то время, лесбиянки объясняют, что не было возможности идентифицировать себя как буч или фем, а лесбиянок, которых невозможно было идентифицировать, высмеивали (Jennings, 2006 : 218).

Историкесса Ребекка Дженнингс объясняет, что в этикете ролевых игр «строгие кодексы поведения структурируют, кто с кем может танцевать» и «устанавливают границы, определяя, кто кому сексуально доступна». Это соответствовало правилам гетеросексуальности, «организационной функции, аналогичной той, которую обеспечивают представления о гендере в основном обществе» (Jennings, 2006 : 220, 221). Влияние феминизма, объясняет Дженнингс, сделало ненужным принятие «крайностей мужественности и женственности, которые были центральными в одежде буч/фем», поскольку лесбиянки могли «носить брюки и... следовать своим личным предпочтениям в одежде» без вопросов. Кроме того, феминизм заставил многих чувствовать себя «некомфортно при мысли о том, чтобы спросить разрешения у буч на танец с фем, и отказалась подчиняться принятым условностям» (Jennings, 2006 : 223). Лесбиянки, принявшие феминизм, отказались от ролевых игр и смогли с энтузиазмом вступать в сексуальные отношения, не прибегая к атрибутам гендерного различия власти. Но некоторым, например Лев, это явно показалось трудным.

Согласно антифеминистскому повествованию о трансполитике и сексуальном либертарианском/квир-лесбиянстве, именно лесбийский феминизм угнетал бучей и фем и вытеснял их из лесбийского сообщества, а возрождение практики ролевых игр с 1980-х годов рассматривается как возвращение к репрессиям. Арлин Лев пишет: «Рост лесбофеминистской политики в 1970-е годы фактически загнал в подполье идентичности, сообщества и самовыражение буч-женщины, замалчивая и, следовательно,

исторически искажая дискуссии о гендерном самовыражении в лесбийских отношениях» (Lev, 2008). Большая ошибка лесбиянок-феминисток, по ее словам, заключалась в том, что «гендерное выражение само по себе стало рассматриваться как инструмент патриархата» (Lev, 2008: 131). Она права в том, что «гендерные» роли понимаются в феминистской теории не как безобидные инструменты сексуального возбуждения и моды, а как стратификационная система мужского доминирования. Они показывают, кто на высоте, а кто внизу, и соответствующим образом регулируют поведение. В трансгендерном мифотворчестве именно лесбиянки-феминистки должны нести некоторую ответственность за создание трансгендеризма от ФТМ посредством процесса изгнания. Бутчи, не сумев найти достойного места в лесбийском сообществе, были вынуждены заняться трансгендеризмом.

Фактически, хотя она представляет ролевую игру просто как естественную форму лесбийского взаимодействия, Лев ясно дает понять, что она действительно понимает ролевую игру как представление традиционных ролей патриархальной гетеросексуальности. Она объясняет:

идентичностями. Бутчи, отнесенные к женщинам, воспринимают свою сексуальность как опосредованную через мужественность. Фем, восстанавливая презируемую обществом женственность, транслировали свою сексуальность – специфичную для лесбиянок сексуальность – пропагандируя свое влечение к мужеподобным женщинам (Lev, 2008: 133).

Самая большая проблема, на которую женщины часто жалуются, заключается в том, что для них это не работает, поскольку их лесбиянство невидимо. Как в мужском мире, так и в лесбийских сообществах их не могут признать лесбиянками и считают их гетеросексуальными (Jeffreys, 1989). Они страдают от маргинализации и исключения, которые обычно являются уделом женщин в гетеропатриархальном обществе, которое ценит

мужественность. Точно так же, как мы увидим в этой главе, партнерки лесбиянок трансгендерок могут обнаружить, что они не играют никакой роли в лесбийском сообществе и не признаются лесбиянками, в то время как их партнерки трансгендерки являются лесбиянками. Лев объясняет, что роль лесбиянок фем обязана поддерживать бучей, поскольку «танец буч/фем» прославляет «мужественность лесбиянок бучей, и в этом акте они частично избавляются от развоплощения, которое может испытывать буч» (Lev, 2008: 136). Женщинам необходимо поддерживать мужественность своих возлюбленных, и эта роль также характерна для динамики отношений, в которых одна из партнерок является трансгендеркой. Бучей изображают как настоящих лесбиянок, тех, кто несет на себе пращи и стрелы антилесбиянства и заслуживает признания за свое политическое сопротивление. Аналогом этого являются проблемы не-трансгендерных партнеров женщин трансгендерок, которые должны прилагать усилия для создания иллюзии мужественности своей транс-партнерки, вплоть до того, что притворяться, что у нее не было «девичества» и она всегда была каким-то образом мужчиной. Партнерам приходится вступать в совместное безумие, чтобы поддерживать ненадежную и в конечном счете неправдоподобную идею о том, что одна из партнерок изменила свой пол.

В рамках лесбийских ролевых игр пары буч/фем, как объясняет Лев, очень точно воссоздают гетеропатриархальные роли и, «согласно появляющимся сообщениям», они «разыгрывают семейные роли сексуализированным и эротическим образом... то есть роли мамочки, папочки, сына и дочери» разыгрываются – сексуально и романтически – в интимных повествованиях пары» (Lev, 2008 : 138). Фем, говорит она, действуют точно так же, как традиционные жены мужского доминирования, создавая безопасные дома для своих бучей и семей, «Я хотела бы предположить, что одним из самых подрывных деяний, совершаемых фем, является создание безопасного убежища для своих семей в зачастую враждебном окружении путем создания

домов и ведения домашнего хозяйства» (там же). Фем, как выясняется, выполняют «женскую домашнюю работу – приготовление пищи, уборку, штопку и целование «должниц» – работу, которая, как я подозреваю, возникла и выполнялась руками фем в отношениях буч/фем в основном оставалась незамеченной или считалась неуместной или аполитичной» (Lev, 2008: 139). Как отмечают экономистки-феминистки, работа по дому по-прежнему рассматривается как «женская работа», и от нее освобождаются те, кто демонстрирует мужественность (Jeffreys, 2012; Waring, 1989). То, что Лев пытается романтизировать, является фундаментальным для женского неравенства.

Именно эта нормализация ролевых игр «буч/женщина» создала основу для развития практики женского трансгендеризма в 1990-х годах. Лесбиянки, пережившие переход, такие как Чаз Боно, часто заранее считали себя буч-лесбиянками (Boно, 2011). Вопрос о том, идут ли лесбиянки трансгендерки немного дальше, чем те, кто остается бучами, и избегают возможности перехода, широко обсуждается в лесбийском сообществе. Действительно, для обсуждения этого вопроса была разработана фраза «пограничные войны», означающая границу между мужественностью и трансгендеризмом (Halberstam and Hale, 1998). Некоторые писательницы-лесбиянки утверждают, что разницы практически нет, в то время как другие пытались установить, что существует значительная разница, причем не только в степени принятой мужественности, но и в сути практики, а это означает, что лесбиянки трансгендерки на самом деле являются трансгендерными «мужчинами», тогда как бучи остаются женщинами, как бы они себя ни вели. Ролевые игры «буч/фем» воссоздают роли гетеропатриархата, в то время как трансгендеризм идет дальше, пытаясь переделать их тела. Бучи часто гордятся своим лесбиянством, но те, кто делают в переход, искореняют свое лесбиянство и с помощью гормонов и хирургии занимаются медицинским созданием гетеросексуальности. Это архетипически гетеронормативная практика. Трансгендерность

лесбиянок можно охарактеризовать как еще один пример того, как медицина пытается исправить лесбиянок, поскольку большинство женщин трансгендерок впоследствии связываются с женщинами, создавая гетеросексуальную пару (Jeffreys, 2003). Это можно понимать как нарушение прав человека, всего лишь еще один способ, с помощью которого презируемый в обществе статус «лесбиянки» может быть искоренен при попустительстве медицинской профессии и государства. В большинстве штатов лесбиянкам разрешается вступать в брак подруг с подругой или пользоваться другими правами только в том случае, если они признаны «мужчинами» (McConville and Mills, 2003).

Вредное воздействие женского трансгендеризма на лесбиянок и феминизм

В лесбийских сообществах, где доминирует квир-политика, все большее число женщин переходят к подобию мужественности (Bauer, 2008; Weiss, 2007). Вредное воздействие трансгендерности на организм женщин, переживших транс период, рассматривается в другой части этого тома. В этой главе рассматривается вредное воздействие на лесбийское сообщество, лесбийские отношения и феминизм. Во время волны трансгендерности мужчин, начавшейся в последние десятилетия двадцатого века, лесбиянки не спешили присоединяться к ней. Эта практика была неизвестна в лесбийском сообществе 1970-х годов и оставалась очень редкой вплоть до 1990-х годов. Это явление не фигурирует в важных сборниках лесбийских эссе 1970-х годов, таких как «Наше право на любовь» (Vida (ed.), 1978), или даже в отредактированном сборнике Джулии Пенелопы «Лесбийская культура» 1993 года. Последний включал статью о бучах и фем в 1950-е годы от Джоан Нестле, но ничего о трансгендеризме.

Одним из очевидных последствий трансгендерности лесбиянок является то, что она в буквальном смысле стирает их лесбиянство,

изменяя их тела и внешний вид настолько, что они больше не похожи на женщин или лесбиянок, хотя обычно они ищут отношений с женщинами и лесбиянками и остаются в лесбийских сообществах.

Историкиессы и комментаторки лесбиянки показали, что история лесбиянства представляет собой историю преследований и исключений из публичных источников (Klaich, 1974).

Трансгендеризм вписывается в эту мрачную историю, вновь сделав лесбиянок невидимыми. Для многих из тех, кто когда-то были лесбиянками, трансгендеризм стал новым модным стилем. Все городские группы и службы, которые когда-то были созданы лесбиянками и феминистками в 1970-х годах для поддержки лесбийских сообществ, теперь воспроизведены для лесбиянок ставших трансгендерками. Существуют социальные группы, политические группы, группы финансового планирования (для оплаты операций), списки транс-дружественных мест, списки потенциальных транс-соседей по комнате (Хадсон, без даты).

Однако есть одно существенное отличие; существование групп партнерок лесбиянок трансгендерок. До появления явления трансгендеризма обе партнерки в отношениях были лесбиянками и могли посещать все одни и те же группы, и ни одна из них не нуждалась в специальных услугах. Женский трансгендеризм отгораживает партнерок этих женщин от лесбийских сообществ, которые формировали и поддерживали их жизнь, потому что теперь они считаются по-настоящему гетеросексуальными. Исчезновение лесбиянок оказывает негативное влияние и на феминизм, поскольку лесбиянки были основательницами очень многих важных учреждений для женщин, приютов и кризисных центров для изнасилованных, издательств, книжных магазинов, театральных групп и музыкальных коллективов. Лесбиянки феминистки второй волны феминизма работали с огромной энергией на благо всех женщин, включая других лесбиянок. Поскольку гордость за то, что они женщины и лесбиянки, была

основой лесбийского феминизма и, следовательно, имела решающее значение для феминистского движения, исчезновение лесбиянок наносит серьезный ущерб этой политике.

В настоящее время трансгендеризм в женского тела развился как практика до такой степени, что его широко оправдывают, описывают и прославляют даже в феминистской академии. В последние несколько лет появились специальные выпуски о трансгендерности в Ежеквартальном журнале женских исследований (том 36, 3 и 4, 2008 г.), а также о трансгендеризме и интерсексуальности в Журнале лесбийских исследований (том 10, 1 и 2, 2006 г.). В журнальных статьях практически нет критических комментариев по поводу трансгендеризма. Такой уровень охвата свидетельствует о расцвете этой практики. В 2013 году высшая организация по женским исследованиям в США, Национальная ассоциация женских исследований (NWSA), создала «группу по интересам» по «феминистской мужественности» (NWSA, 2013). Если раньше те, кто занимается женскими исследованиями, как и другие феминистки, рассматривали мужественность как проблему, которую феминизму необходимо разрушить, то теперь ее превозносят как выбор образа жизни, который соответствует, если не является образцовым, академическому феминизму. Это хороший показатель того, насколько некоторые направления академического феминизма отошли от феминистского активизма и феминистского движения и стали в лучшем случае неактуальными, а в худшем — токсичными для возможности освобождения женщин.

Физический вред, который женщины испытывают от гормонов и хирургических операций, значителен и подробно описан в предыдущей главе, но подобная практика также наносит множественный вред женским и лесбийским сообществам. Партнерки лесбиянок, переживших переход, страдают от горя, потерь и страданий, которые аналогичны страданиям партнерок трансгендеров мужского пола, но есть некоторые существенные

различия, которые являются результатом того факта, что переход происходит в лесбийских парах и принимает форму подражания мужественности, которая представляет собой поведение представителей высшей половой касты мужчин.

Доступ к патриархальным дивидендам

Женщины трансгендеры имеют доступ к патриархальным дивидендам, привилегиям и преимуществам, которые принадлежат мужчинам в системах мужского доминирования. В частности, для лесбиянок это может быть привлекательным вариантом, поскольку, будучи «бучами», они страдают от антилесбийской дискриминации и притеснений, которые можно смягчить, если их преследователи посчитают, что они на самом деле «мужчины». Одним из важных и очень существенных аспектов патриархальных дивидендов является экономическим. Экономический дивиденд ясно проявляется, например, в очень большой разнице между средними суммами денег, которые женщины и мужчины будут зарабатывать за свою жизнь, и суммой денег, на которую они могут надеяться выйти на пенсию. Руководительницы бизнеса в Великобритании будут зарабатывать лишь две трети того, что за свою жизнь зарабатывают руководители, которые находятся в аналогичном положении и начинают и заканчивают работу в том же возрасте (Barrow, 2012). Это очень существенное преимущество для мужчин, и оно плохо объяснено экономистами. Однако очень интересное исследование Кристен Шилт продемонстрировало, как именно патриархальные дивиденды действуют на женщин трансгендерок на рабочем месте (Schilt, 2006). Шилт взяла интервью у двадцати девяти женщин, которые стали трансгендерами, и рассказала об их опыте во время работы в качестве женщин и после перехода. Часть женщин осталась на прежнем месте работы во время и после перехода, а часть сменила место работы, но в обоих случаях они получили значительные преимущества по сравнению с

предыдущим опытом. Шилт объясняет, что, хотя после перехода женщины имели одинаковые навыки, образование и способности, «восприятие этого «человеческого капитала» часто резко меняется, когда они становятся мужчинами на работе» (Schilt, 2006: 466).

Женщины трансгендерки получили «награду» в виде «своего рода телесного уважения», что означало «освобождение от нежелательных сексуальных домогательств или вопросов о сексуальности» (Schilt, 2006: 479). Поведение коллег-мужчин, которое прекратилось после перехода, включало хватание за грудь и обращение к ним «милая» и «детка». По мнению двух респонденток, быть трансгендерками на рабочем месте было гораздо предпочтительнее, чем быть «очевидными» лесбиянками, поскольку они могли избежать «сексуализированных комментариев» и «навязчивых личных вопросов о сексуальности». Такая привилегия была доступна только «скрытым» трансгендеркам, то есть тем, кто не говорила открыто о своем переходе. Скрытые трансгендерки получили «физическую автономию и уважение» и «меньше троганий и нащупываний» (Schilt, 2006: 479).

Были и другие весьма существенные успехи: женщины трансгендерки обнаружили, что они приобрели большее уважение и авторитет в своей работе, а также получили больше персонала и ресурсов для выполнения своей работы. Когда их считали «мужчинами», им приходилось работать меньше, они получали больше положительных отзывов за свою работу и получали больше вознаграждения. Одна из собеседниц Шилт объяснила, как эти преимущества получают не только сотрудницы, но и те, кто открывает собственный бизнес: «У меня есть компания, которую я построила, и за мной следуют люди; они доверяют мне, они верят в меня, они уважают меня. Будучи женщиной, я ни за что не смогла бы сделать это» (Schilt, 2006: 482). Эта женщина трансгендерка объяснила, что, хотя некоторые женщины добились успеха в качестве предпринимательниц, очевидной лесбиянке

было бы особенно трудно сделать это. Переход устранил этот недостаток. Несколько других опрошенных объяснили, что, будучи лесбиянками, которые были «бучами» или «неопределенными в гендерном отношении», они подвергались жестоким унижениям, например, им не разрешали заходить в парадную дверь ресторана, в котором они работали, чтобы они не создавали неправильный имидж заведения. Будучи «мужчинами», они могли носить одежду, за которую в противном случае их бы приставили к позорному столбу, и достигать профессиональных успехов, которые в противном случае ускользнули бы от них.

Треть участниц заявила, что не они не получили преимущества, но обычно это происходило потому, что они находились на ранних стадиях перехода или не считались мужчинами. Рост может иметь большое значение, поскольку после перехода маленькие женщины станут меньше средних мужчин и не смогут заслужить такого же уважения, как более высокие мужчины. Некоторые считали, что после перехода они выглядели очень молодо, и это повлияло на то, как с ними обращались. Темнокожие и азиатские женщины, совершившие переход, сообщили, что, хотя они и избавились от структурного недостатка, связанного с тем, что их считали «женщинами», они все равно страдали от невыгодного положения в результате расизма. Как комментирует Шилт, преимущества, которые получают женщины при переходе, подчеркивают влияние культурных представлений о гендере, укоренившихся в структурах рабочих мест, на неравенство женщин. Исследование освещает невидимую, но очень важную и широко распространенную повседневную дискриминацию, с которой женщины сталкиваются, но не могут ее идентифицировать из-за отсутствия чего-либо, с чем ее можно было бы сравнить. Это также показывает, утверждает Шилт, что социализация женщин не препятствует их продвижению на рабочем месте, что влияет на их решения и поведение, поскольку женщины с такой же социализацией, перешедшие в переходный период, смогли продвинуться вполне хорошо. Это показывает, что женщины находятся в структурном невыгодном

положении из-за того, как другие видят и обращаются с ними, а не из-за каких-либо качеств, которые они могут проявлять.

В более позднем исследовании Кристен Шилт и ее коллега изучили опыт работы мужчин трансгендеров (Schilt and Wiswall, 2008). Они обнаружили, что мужчины, совершившие транс период, теряют деньги из-за «значительных потерь в почасовом заработке» (Schilt and Wiswall, 2008: 4). Они приходят к выводу, что с этими потерями связан более поздний средний возраст перехода мужчин (сорок лет) по сравнению с женщинами (тридцать лет). Они предполагают, что мужчины, планирующие стратегический переход, «поменяют свой пол позже, чтобы сохранить свое мужское преимущество как можно дольше», тогда как трансгендеры с женским телом «с другой стороны... максимизируют ожидаемые выгоды от становления мужчинами, сменив пол раньше». (Schilt and Wiswall, 2008: 19). Работа Шилт важна как превосходный пример феминистского понимания гендера как иерархии и способа организации различий во власти, а не как сущности, как это обычно называют в теории трансгендеров. Ее статья 2006 года называется «Просто один из мальчиков: сделать гендер видимым на рабочем месте». Оно не использует слово «гендер» только для обозначения предпочтений в одежде или способов поведения, как это обычно бывает в идеологии трансгендеров. Что становится видимым, так это то, как «гендер» как кастовая система создает преимущества для мужчин и невыгодные условия для женщин.

Еще одним важным преимуществом перехода является большая физическая безопасность и свобода от страха. Женщины трансгендерки избегают жестокого обращения, преследований и насилия со стороны мужчин, которым продолжают подвергаться те женщины, которые остаются на передовой гендерной проблематики. На рабочем месте, как показывает Шилт (2006), сексуальные домогательства в форме захвата частей тела, сексуализированных комментариев и вопросов — все это часть невыгодного положения, которое оставляют после себя женщины

трансгендерки при переходе. Более того, выход из женственности может дать представление о безопасности некоторым женщинам, подвергшимся жестокому насилию со стороны мужчин. Хотя исследований, изучающих опыт насилия, который испытывают женщины трансгендерки, недостаточно, есть некоторые работы, которые предполагают наличие связи. Холли (теперь Аарон) Девор, например, в ходе исследования, которое она провела до того, как сама стала трансгендеркой, обнаружила, что ФТМ часто подвергались насилию в детстве (Devor, 1994). Семнадцать из сорока пяти респондентов (38 процентов) сообщили о значительном физическом насилии в домах своего детства, а четырнадцать (31 процент) сообщили о сексуальном насилии. В общей сложности 60 процентов из ее общего числа подверглись физическому, сексуальному или эмоциональному насилию, и в большинстве случаев, объясняет она, эти формы насилия могли привести к наиболее серьезному психологическому вреду в дальнейшей жизни. Она старается подчеркнуть, что эти цифры отражают только тех, кто решил упомянуть о насилии, рассказывая свои истории, поскольку она не задавала никаких вопросов по этому поводу. Она добавляет, что тот факт, что ФТМ стремятся представить себя психологически устойчивыми, чтобы им не отказали в медицинской помощи или не подверглись большей дискриминации, может еще больше снизить процент тех, кто упоминает насилие. Тем не менее цифры значительны. Она предполагает, что «в некоторых случаях транссексуализм может быть крайней адаптивной диссоциативной реакцией на жестокое обращение с детьми» (Devor, 1994: 66). В этих случаях, по ее гипотезе,

Личность мужчины-защитника/выжившего, функционирующая совместно... с исходной женской личностью, может действовать сначала как защита, а позже, после многих лет усиления психологического и социализационного опыта, как путь к бегству от невыносимых в противном случае психических расстройств и боли. (там же.)

Эти женщины создали мужской «аватар», чтобы защитить себя от насилия в юности, и это сформировало образец мужчины, которым они затем стремились стать. Это исследование было проведено два десятилетия назад, и, к сожалению, ничего подобного не произошло. Это поднимает вопрос о том, как мало медики проводят расследование биографии женщин, которых они трансгендеризируют.

Есть и другие недостатки женственности, от которых ФТМ могут избежать, например, натиск «практик красоты», которые девушки и женщины должны применять к своему телу, чтобы быть приемлемо женственными и сексуально привлекательными для мужчин. К ним относятся депиляция, диеты, косметические операции, макияж, обувь на высоких каблуках, обтягивающая и открытая одежда (Jeffreys, 2005). Доминирование мужчин, а также низкий и стигматизированный статус женщин заставляют девочек-подростков наказывать свое тело посредством расстройств пищевого поведения и членовредительства (Jeffreys, 2000, 2008). Появляется все больше свидетельств того, что западные культуры, ненавидящие женщин, токсичны для девочек и очень вредны для их психического здоровья (APA Task Force, 2007). Поэтому, возможно, неудивительно, что некоторые девушки, похоже, отказываются от этого и стремятся повысить свой статус. Медицинские разработки в области хирургии и лекарств, а также все более укореняющаяся медицинская идеология существенного гендера, которая может случайно оказаться не в том теле, могут, по-видимому, стать формой спасения для некоторых девочек и женщин. Лесбиянки могут стремиться избежать антилесбийской дискриминации и злоупотреблений, вызванных социальной ненавистью к лесбиянству, которая является разновидностью ненависти к женщинам. Стать уверенными в себе лесбиянками или феминистками может защитить женщин от худших последствий этой мизогинии, но в настоящее время большинство женщин, вероятно, не видят другого выхода, кроме как подчиняться требованиям женственности или страдать от позора социальной

изоляции за свой отказ. В отсутствие феминистской революции трансгендеризм может показаться некоторым решением, но оно влечет за собой суровое наказание тела. Это наносит ущерб потенциальному равенству, которое может существовать и в лесбийских отношениях.

Женский трансгендеризм в отношениях

В последние несколько лет исследовательницы-феминистки изучали отношения женщин трансгендерокс другими женщинами. Эта работа интересна по нескольким направлениям. Это позволяет оценить утверждение о том, что трансгендеризм является трансгрессивным, и показывает гетеронормативную архитектуру, на которой часто строятся отношения. Кроме того, это исследование совершенно ясно показывает, что трансгендеризм — это не просто индивидуальное занятие, поскольку мужественность транс-партнерки должна постоянно воспроизводиться в отношениях с другими. Мужественность является частью бинарности и требует своей противоположности, поскольку без женственности мужественность не имела бы смысла. Большая часть тяжелой работы партнерок нетрансгендерок направлена на формирование мужественности своих партнеров, физически, посредством гормональных инъекций и, символически, женственности, чтобы подчеркнуть гендерные различия.

Сторонники квир и трансгендерных исследований обычно утверждают, что трансгендеры бросают вызов гендерным нормам и правилам гетеронормативных отношений и нарушают их. В статье о том, насколько сложным является образ жизни трансгендеров, авторы утверждают: «Опыт и восприятие трансгендеров фундаментально бросают вызов нормативным убеждениям и теоретическим представлениям общества о природе гендерных ролей, гендерной идентичности и сексуальной ориентации» (Nagoshi et al., 2012 : 406). В таких исследованиях обычно мало

подробностей о том, как именно это происходит. Исследования, изучающие отношения, которые на самом деле существуют у ФТМ, вообще не подтверждают хваленую трансгрессивность этой практики: одно исследование отношений трансгендерок обнаружило, что «участники находились под сильным влиянием гетеронормативных дискурсов» (Iantaffi and Bockting, 2011). Было обнаружено, что это имеет место и в отношениях женщин трансгендерок с женщинами, и это вызывает недоумение, поскольку исследования по ведению домашнего хозяйства в лесбийских отношениях, где ни одна из партнерок не совершила переход, например, показывают нечто совершенно иное, равное разделение труда (Dunne, 2000; Kurdek, 2007; Solomon et al. 2005). У ФТМ лесбиянок, это равенство исчезает, и общей темой исследований их отношений является то, что они во многом стремятся отразить гетеросексуальные отношения (Brown, 2009). Трансгендеризм восстанавливает неравенство в отношениях между женщинами. Как мы видели в предыдущей главе, жены мужчин трансгендеров также оказываются обремененными новыми формами домашней работы, а также созданием и поддержанием нового «пола» своих партнеров. В обоих случаях ожидается, что это бремя возьмут на себя партнерки.

Одним из гетеронормативных измерений является ответственность за построение и поддержание отношений, которая в гетеросексуальных отношениях лежит на партнерке (Като, 2000). Исследование Пфеффер, в ходе которого она опросила партнерок не-трансгендеров, показало, что эта закономерность также характерна для женщин в отношениях с женщинами ФТМ (2010). Она обнаружила, что истории непереходных партнерок «находят отклик» у гетеросексуальных пар, поскольку они выполняют традиционные домашние обязанности, а также эмоциональный труд, как и ожидалось от гетеросексуальных домохозяек. Важно отметить, что партнерка, не осуществляющая переход, берет на себя бремя поддержки и предоставления возможностей партнерке-претендентке в процессе перехода. Участницы обычно

сообщали о «неравном, гендерно-стереотипном разделении домашнего труда между ними и своими партнерками-трансгендерками» (Pfeffer, 2010: 173). Одна женщина, когда ее спросили, какую часть ее жизни составляет «забота о своем партнерке и проблемах, связанных с переходным периодом», ответила: «Около 70% моей жизни». Это уменьшено по сравнению с тем, что было» (Пфеффер, 2010: 174). Она ведет домашнее хозяйство, выполняет «огромную» часть «собственной работы своей партнерки – школьной работы», а также «огромное количество эмоционального времени, потраченного на преодоление переходного периода, семьи, разочарований, связанных с процессом перехода»; тем временем ее собственная диссертация осталась без внимания.

Партнерки ФТМ женщин оказались заняты изнурительной эмоциональной работой не только с точки зрения поддержки своей партнерки в процессе перехода, но также с точки зрения общения в отношениях и решения семейных и общественных проблем. Проблема, которая была общей среди партнерок, заключалась в неудовлетворенности гетеросексуальных женщин своими партнерами мужчинами, неспособности транс-партнерок общаться. Транспартнерки просто не говорили, особенно о проблемах перехода, и были, как выразилась одна женщина, «неуклюжими» в чувствах. Одна женщина, участвовавшая в исследовании Пфеффер, описала свою партнерку как забывчивую и неряшливую человеку, не способную позаботиться о себе, и сказала, что именно поэтому она выполнила эту роль. Как комментирует Пфеффер: «Эти рассказы были поразительно похожи на те, которые предлагали партнерки мужчин» (в гетеро отношения) (Pfeffer, 2010: 175).

Одной из трудных задач, которые взяли на себя женщины, было медицинское обслуживание своих партнерок во время их перехода. Это включало «эмоциональную поддержку, адвокацию, введение тестостерона раз в два месяца» (там же). Более того,

отмечает Пфеффер, эта работа, вероятно, будет бесконечной, поскольку «переход следует рассматривать как итеративный, реляционный и пожизненный процесс» (там же). Ожидалось, что не-трансгендерны партнерки найдут сочувствующих врачей, назначат встречи и будут контролировать лечение. В связи с очень жестокими операциями, связанными с транс переходом, личный уход за транс-партнерками может быть очень тревожным. Это включало не просто круглосуточный уход за пациенткой после операции, но и уход за серьезными ранами, например, после операции по удалению груди. Как заметила одна партнерка: «Меня начинает тошнить и все такое, и я помню, что запах был очень сильным» (Pfeffer, 2010: 177). По словам Пфеффер, партнерки выполняли функции «неоплачиваемых и неподготовленных личных адвокаток по вопросам медицинской помощи и здравоохранения, терапевток, ассистенток и медсестер» (Pfeffer, 2010: 179). Им также пришлось организовать финансирование операций, «сберегая, собирая и внося средства на процедуры, связанные с транс переходом» (там же).

Нездоровые отношения

Еще один способ, с помощью которого отношения, в которых состоят ФТМ женщины, могут воспроизводить гетеронормативные модели, — это психологическое насилие и физическое насилие, которым подвергаются некоторые партнерки, со стороны транс-партнеров. Ни одно исследование специально не изучало эту проблему, но Никола Браун, проводя интервью с партнерками ФТМ, которым не задавали вопросы о насилии или жестоком обращении, обнаружила, что пять из двадцати ее участниц спонтанно подняли эту проблему (Brown, 2007). Типы насилия, о которых сообщили партнерки, включали манипуляции, эмоциональное и словесное насилие, обзывательства и унижительные оскорбления. Более отягчающее насилие включало одну транс-партнерку, которая часто держала свою партнерку в

состоянии лишения сна, била кулаками по стенам, уничтожала ее имущество и бросала предметы.

Контролирующее поведение включало неоднократные нарушения согласованных правил в немоногамных отношениях и запрет на инициирование секса. Двоих из пятерых манипулировали, чтобы они оказали финансовую поддержку своей транс-партнерке. Подобные формы насилия применялись в отношении участниц исследования Джослин-Роэр и Уилер (2009), где одной из партнерок приходилось брать на себя полную финансовую ответственность за них обоих, когда ее транс-партнерка не мог найти работу.

Одна из форм принуждения вполне специфична для отношений, в которых есть транс-партнерки, и заключается в использовании статуса жертвы трансгендеров для установления контроля. В таких отношениях абьюзивные транс-партнерки используют форму шантажа, включающую угрозы разоблачить неудобную партнерку как «трансфобку» аналогично тому, как это делали транс-партнеры мужского пола из предыдущей главы. Браун обнаружила, что абьюзивные трансгендерки использовали «транс-статус и/или политические дискурсы» против своих партнерок. Партнерок, не являющихся трансгендерками, можно было бы контролировать с помощью обвинений в трансфобии, если бы они не проявляли поддержки, в том числе оказывали финансовую помощь: «Я потратила так много времени на оплату его анализов крови и тестостерона, в котором он нуждался, а если бы я не платила... Я была бы плохой девушкой, не поддерживала его, а потом стала «анти-транс». (Brown, 2007: 380). Появляется все больше свидетельств того, что обвинения в «трансфобии» могут быть использованы женщинами ФТМ, чтобы дискредитировать законные опасения своих партнерок и заставить их подчиняться чувству вины. Цитата из блога Элспет Браун о ее исследовании отношений, в которых одна женщина является трансгендеркой, указывает на повсеместность обвинений. Она объясняет, что

проходила собеседования, и проблема, когда партнерку называли трансфобкой, всплыла «вновь». Ее собеседница заявляет: «Меня называли трансфобкой так много раз, что я даже не могу сосчитать» (Brown, Elspeth, 2011).

Женщины испытывают особые трудности с признанием насилия или протестом против него в отношениях с транс-партнерками. Это произошло потому, что идеология трансгендеризма научила их видеть в своих партнерках жертв, чтобы их нельзя было также рассматривать как жестоких людей, или, если бы они были таковыми, это могло быть оправдано как понятный результат их угнетенного состояния (Brown, 2007: 377). Как объясняет Никола Браун,

Мнение о том, что партнеры-транссексуалы «более угнетены» из-за своего транссексуального... статуса... похоже, не позволяло участницам думать, что они могут подвергаться насилию, поскольку это противоречило доминирующей модели насилия, согласно которой жестоким партнером является человека с более сильной социальной властью. (там же)

Одна из опрошенных объяснила, что она терпела эмоциональное насилие, которое она бы не вынесла ни со стороны мужчины, ни со стороны женщины, и проводила много времени,

изучая его «угнетение» и думая о «нем» [как] настолько бессильном в социальном смысле, что у него не было бы никакой возможности иметь достаточно власти, чтобы оскорблять [и её партнерку] использовал его различные личности – включая транс – чтобы укрепить для меня этот миф. (там же)

Другая респондентка сказала, что, хотя она и считала какое-то поведение «несправедливым», «в том факте, что он был трансгендером, было что-то такое, что заставило меня подумать: «Хорошо, возможно, это нормально» (Brown, 2007: 378).

Абьюзивные ФТМ использовали свой трансгендеризм как оправдание своего насилия. Например, извинение за насилие

может включать в себя причину, такую как «ну, это потому, что кто-то сегодня назвала меня «она»» (Brown, 2007: 379), как будто это оправдывает их насилие или оскорбительное поведение по отношению к партнерке. Абьюзерки возлагают вину на жертв, ссылаясь на их недостатки, такие как недостаточная любовь, недостаточная поддержка, недостаточная женственность и другие недостатки. Таким образом, подобно гетеросексуальным женщинам, подвергшимся насилию в отношениях, партнерки, подвергшиеся насилию в исследовании Браун, чувствовали себя так, как будто они «ходят по лезвию ножа» (Brown, 2007: 377) и находились в постоянном состоянии осознания. Никто из них не сообщила о насилии в полицию, не сообщил об этом ни родственникам, ни подругам; более того, они винили себя в насилии и говорили об этом только после того, как их отношения закончились.

Другой формой насилия было унижение лесбиянок и женщин, которым занимались некоторые женщины ФТМ. Партнерки, не являющиеся трансгендерами, становились жертвами враждебных оскорблений просто потому, что оставались членками презируемой, подчиненной женской половой касты. Одна из собеседниц Браун объяснил: «Ли также была склонна высмеивать стереотипное женское поведение. Он называл девушек легкомысленными или глупыми или делал замечания по поводу женского тела. Он с подозрением относился к женщинам: женщины определенно были чем-то иным, чем он. Он постоянно проводил различие между тем, «как действуют женщины» и тем, как действует он» (Brown, 2007: 382). Такое поведение, хотя и неприятное для партнерок, предсказуемо, поскольку идея «мужского» пола опирается на дифференциацию и принижение своей противоположности, «женственности». Как отмечает Браун, такое поведение может отражать сексизм в смысле «идентификации с доминирующей женоненавистнической мужественностью» или «процесса деидентификации» посредством «обесценивания» того, что является женским. Точно так же транс-

партнерка, скорее всего, захочет максимально дистанцироваться от предыдущей лесбийской идентичности, что подрывает подлинность ее перехода. Оскорбления лесбиянок могут быть особенно обидными для партнерок, которые считали себя лесбиянками в лесбийских отношениях до того, как их партнерка решила сменить цели. Информаторка Элспет Браун описывает контекст, в котором произошло это анти-лесбийское насилие, и насколько оно тревожно:

Я сильно поссорилась со своей бывшей, которая была транс-парнем... и я сказала что-то вроде: «Никогда не скучай по тому, что ты лесбиянка». Он был так обижен, что сказал: «Я никогда не была лесбиянкой». Но он сказал лесбиянство так, будто это была самая мерзкая вещь... Я этого не принимаю. И это не делает меня трансфобкой. (Brown, Elspeth, 2011)

Становление гетеросексуальной

Женщины, которые считали себя состоящими в лесбийских отношениях до того, как их партнерки совершили транс переход, страдают от того, что им приходится отказываться от своей иногда с таким трудом завоеванной лесбийской идентичности и лесбийских сообществ, которые были их поддержкой, чтобы идентифицировать себя как гетеросексуальные по указанию своих любовниц. Исследование Браун (Brown, 2009; 2010) показывает, что не-транс партнерки размышляют и пересматривают свою идентичность. Из двадцати участниц ее исследования двенадцать идентифицировали себя как лесбиянки до перехода своего партнера, пятеро - как квиры и трое - как бисексуалки. После перехода партнерок только четверо идентифицировали себя как лесбиянки, двенадцать изменили свою самоидентификацию на квір, двое идентифицировали себя как бисексуалки и двое не обозначили свою идентичность, называя себя «открытыми или флюидными» (Brown, 2009). Из двадцати участниц исследования

образа тела партнерок женщин ФТМ, проведенного Пфеффер (2008), только семь идентифицировали себя как лесбиянки. Ни одна из участниц исследования Пфеффер (2010) с участием пятидесяти пар, из которых 30 процентов состояли в лесбийских отношениях до перехода к ФТМ, не идентифицировала свои отношения как лесбийские впоследствии.

Одна из респонденток Браун объяснила, что она считает себя лесбиянкой, но осознает, что публично ее считают гетеросексуальной или бисексуальной женщиной (Brown, 2009). Она считает, что находится в «странном и неудобном месте», потому что, если бы она возражала против того, как ее воспринимают, и называла себя лесбиянкой, она бы фактически выставила свою партнерку трансгендерной (Brown, 2009: 67). Она пришла к выводу, что живет «на нейтральной полосе с точки зрения идентичности» (Brown, 2009: 70). Одна из участниц исследования Пфеффер рассказал о своей неуверенности в том, как идентифицировать себя с другими (Pfeffer, 2010). Раньше она идентифицировала себя как лесбиянку, но теперь не знает, следует ли ей идентифицировать себя как лесбиянку или гетеросексуальную женщину, и чувствует, что компрометирует свою транс-партнерку, если называет себя лесбиянкой. Идентификация себя лесбиянкой была немыслима для некоторых женщин, поскольку их партнерки ФТМ начали идентифицировать себя как мужчины. Сохранение прежней лесбийской идентичности разрушило бы тщательно созданный миф о том, что их партнерки действительно стали «мужчинами». Когда женщины приспособились к гетеросексуализации из-за действий своих партнерок, они также потеряли свои сообщества, чувствуя, что должны покинуть лесбийскую группу, в которой они, например, нашли поддержку. Конфликт между привязанностью к сообществу и привязанностью к своим партнеркам причинил им и их отношениям большие страдания (Brown, 2009). Идентификация с лесбийским сообществом была важна и для этих женщин в исследовании Джослин-Роэр и Уилер (2009). Быть частью

сообщества было для них способом понять себя и быть понятыми другими; это дало им политический идеал, а взаимодействие внутри сообщества было способом встретиться с такими же, как они сами. Но, по иронии судьбы, в то время как женщины трансгендерки часто оставались внутри и имели дом в лесбийском сообществе, не-транс партнерки обнаружили, что им нет места.

Трансгендеризм создает барьер между женщинами, которые когда-то были частью одного и того же лесбийского сообщества. Достижение «гендерных» различий означает, что у пар может не оказаться сообщества, которое принимало бы их обоих, поскольку женщины трансгендерки создают свое собственное сообщество, которое не принимает не-транс партнерок, а лесбийское сообщество может не принимать ни одну из сторон. поскольку они либо отказались от лесбиянства, либо изменили свою идентичность на гетеросексуальную (Cook-Daniels, 1998b: 7). На смену приходит чувство сестринства и общности, которое феминизм и лесбийский феминизм стремятся создать.

Травма, связанная с необходимостью смены половой идентичности с лесбиянской на гетеросексуальную, может быть особенно болезненной для таких людей, как Лори Кук-Дэниелс, которые активно участвовали в лесбийском активизме, борясь за признание и предоставление услуг специально для лесбиянок (Cook-Daniels, 1998b). Кук-Дэниэлс была активисткой-лесбиянкой с восемнадцати лет, когда она создала молодежную гей-группу и продолжала организовывать марши и акции после встречи со своей партнершей Марсель, которая объявила, что хочет совершить переход. Кук-Дэниэлс говорит, что она помешала своей партнерке совершить переход, потому что хотела сохранить лесбийскую идентичность, которая была для нее так важна. После своего «окончательного решения перестать блокировать мечту Марселлы» она отказалась от своей лесбийской активности и стала одной из первых, кто начала кампанию вокруг проблем «лесбиянок партнерок ФТМ», и сказала, что ее «уволители» «раскаяние в моем грехе против

Марсель» в задержке ее перехода (1998 b: 2). Позже Марсель покончила жизнь самоубийством (1998 г.). Изменение приоритетов Кук-Дэниелс является хорошим примером того, как трансгендеризм может подрвать лесбийскую и феминистскую политику. Она удивительно откровенна в отношении исключения и унижения, которому женщины подвергались со стороны развивающегося сообщества ФТМ в 1990-х годах. По ее словам, когда она посетила вторую конференцию ФТМ Америки, она была «потрясена тем, как обращались с партнерками» (1998: 2). Их исключали, с ними разговаривали снисходительно или игнорировали, и их считали «попутчиками» (1998 b: 3). Она обнаружила, что, несмотря на ее многолетний опыт активистской деятельности, переход Марсель «отнес меня к своего рода «помощнице леди»» (там же). Ее обвинили в ряде проступков и напали на нее как на лесбиянку: «Я была не готова к гневу и ненависти, которые многие высказывали в адрес лесбиянок, категории людей, которую я, очевидно, олицетворяла» (1998 b: 4). Ей пришлось бороться за место в трансгендерном сообществе, не подвергаясь, по ее словам, «расстрелу» (1998 b: 8).

В статье о тяжелом положении лесбиянок с транс-партнерами Кук-Дэниелс цитирует женщин, говорящих о своем горе из-за потери лесбийского сообщества, в создании которого в некоторых случаях они сыграли ключевую роль (Cook-Daniels, 1998a). Одна объясняет, что ей очень не хватает возможности ходить в лесбийские клубы и на мероприятия, но она не чувствует себя такой: «Если мероприятие предназначено только для лесбиянок, я не пойду... Я много лет работала над созданием пространства для лесбиянок, чтобы они чувствовали себя в безопасности и свободно выражали свое мнение» (1998 a: 4). Эта женщина, как и сама Кук-Дэниелс, как активистка стремилась создать ресурсы для смягчения дискриминации и насилия в отношении лесбиянок, но обнаружила, что ее отодвинули на второй план в ставках угнетения. Партнеркам-трансгендеркам теперь требовалось всеобщее внимание,

утверждая, что они являются более угнетенной группой, чем лесбиянки, и лесбиянки начали считать себя гетеросексуальными.

Восприятие тела

Когда лесбиянка трансгендерна, это создает проблемы как для ее собственного образа тела, так и для образа ее партнера. Женское тело и биология транс-партнерки представляют серьезную опасность для ведения переговоров, если, несмотря ни на что, верить в то, что она стала мужественной. Например, у транс-партнеров могут быть менструации, что скорее является противоположностью мужественности в ее обычном понимании. Одна из лесбиянок, выступающая в статье Кук-Дэниелс о партнерках-лесбиянках, объясняет, что в ее отношениях пришлось придумать новый язык, чтобы объяснить эту аномалию, которая была описана как «Неделя когнитивного диссонанса» (так он называет то время месяца, когда ему приходится использовать «мужскую защиту»). (1998 а: 5). Другие женщины объясняют, что, чтобы избежать каких-либо ассоциаций с их предыдущим лесбийством, транс-партнерки запрещают определенные сексуальные практики, разные в каждом случае, которые они считают конкретно «лесбийскими». Одна описывает это следующим образом: «некоторые ФТМ считают, что использование рук слишком лесбийское, как и некоторые аспекты орального секса» (1998 а: 5).

Серьезные проблемы образа тела женщин трансгендерок являются общей темой в рассказах как транс, так и не-транс партнерок и характеризуются сильной ненавистью к любым частям своего тела, которые напоминают им, что они женщины, например, к груди, бедрам и жировым отложениям. (Brown, 2010 ; Pfeffer, 2008). Например, одна ФТМ назвала свою грудь уродством, о которую она неоднократно ударяла в гневе и разочаровании, а другая использовал такие слова, как пытка и чума, говоря о груди.

Менструацию называли ужасающей и отвратительной (Pfeffer, 2008: 329). Эти проблемы пагубно влияют и на не-транс партнерок, и одна участница исследования Пфеффер сказала, что она меньше гордится своими женскими формами из-за того, что ее транс-партнерка принижает женское тело, и она чувствовала, что, если она набрала вес, это не понравилось ее партнерке (Pfeffer, 2008: 342).

Еще одна проблема для не-транс партнерок заключалась в том, что от них могли потребовать феминизировать себя, чтобы создать контраст и, следовательно, поддержать мужественность своей транс-партнерки. Женщины в исследовании Пфеффер (2008) сообщили, что прилагали дополнительные усилия, чтобы казаться женственными, например, брили ноги и подмышки, отращивали волосы, одевались в более женственную одежду в розовом цвете и вели себя «девчачьи» (Pfeffer, 2008 : 338). Одна женщина трансгендерка, когда ее публично признали женщиной, напала на свою девушку и обвинила ее в том, что она недостаточно женственна, слишком похожа на лесбиянку и, следовательно, вызывает подозрение, что транс-партнерка на самом деле была не мужчиной, а лесбиянкой. (Pfeffer, 2008 : 340). В этом случае не-транс партнерка почувствовал обиду: «Я очень расстроилась из-за этого... как будто это был его переход, и почему я должна менять себя только для того, чтобы он мог быть доволен тем, кто он есть» (там же.). Однако она сказала, что пришла к пониманию того, что ей нужно сделать это для «него».

Переход вызвал проблемы с сексуальной стороной отношений. Некоторые женщины обнаружили, что на них повлияло недовольство, которое их ФТМ-партнерки испытывали собственным женским телом, и начали сомневаться в своей привлекательности. Одна женщина сказала: «Я чувствовала себя совершенно нежеланной — совершенно лишенной какой-либо способности вызывать какое-либо сексуальное желание у моего партнера» (Pfeffer, 2008: 336). Ее чувству не помогли обвинения ее

транс-партнерки в том, что она не делает себя желанной, не имея возможности сказать ей, что ей следует делать. Транс-партнерки могли пойти на все, чтобы облегчить дисфорию, что это оказало очень негативное влияние на сексуальную жизнь. Одна женщина трансгендерка, например, не раздевалась полностью во время занятий любовью, в частности, прикрывала грудь, и не позволяла взаимных прикосновений, что, по словам ее партнера, «Сводило меня с ума. Мне все еще хотелось прикоснуться к нему все время» (Brown, 2010: 567).

Женщинам, не являющимися трансгендерками, приходится решать проблему снижения влечения к своим девушкам, поскольку их тела претерпевают глубокие изменения – часто связанные с исчезновением таких характеристик – как грудь, изгибы и мягкость – которые были самой основой эротизма и желания. Пять из двенадцати партнерок, идентифицированных как лесбиянки в исследовании Браун (2010), боялись, что физические изменения их ФТМ партнерки уменьшат их сексуальное влечение к ним после перехода. Они испытывали страдания, поскольку их девушки возненавидели части своего тела, которые они ассоциировали с женственностью. Одна женщина в исследовании Браун сказала, что ей нравилась грудь своей партнерки, но «он» ненавидела ее, другая была против того, чтобы ее возлюбленная делала фаллопластику, а еще одна сказала, что ей трудно испытывать влечение к «нему», поскольку она начала выглядеть все больше и больше как мужчина (Brown 2010). Одна респондентка сочла немоногамию решением, поскольку она могла продолжать вступать в сексуальные отношения с женщинами, не являющимися ее партнеркой в период перехода.

Одна из совершенно очевидных проблем сексуальных отношений заключалась в том, что по мере того, как транс-партнерка становилась более мужественной, это могло вызвать воспоминания о сексуальном насилии у не-транс партнерки. Четверо женщин в исследовании Браун (2010) сообщили о случаях

сексуального насилия со стороны мужчин. Переживание маскулинизации своей девушки выдвинуло на первый план травматические воспоминания, и они почувствовали себя все более небезопасно, поскольку их партнерки постепенно принимали облик преступников. Они обнаружили, что ощущение волос на лице и теле, а также запах пота партнерки вызывали у них страх, поэтому им приходилось создавать сигналы, означающие замедление или прекращение сексуальной активности, чтобы справиться с этим.

Заключение

Хотя есть некоторые очевидные преимущества для отдельных ФТМ женщин, вред значителен не только с точки зрения их физического здоровья в долгосрочной перспективе, но и того, что это наносит их партнерам, лесбийским сообществам и феминизму. Толерантность и даже прославление этой практики в лесбийских сообществах и даже в феминистской академии трудно понять. Наименее общепризнанный вред нанесен самому феминизму.

Существование трансгендеризма негативно влияет на статус женщин, поскольку раньше феминисток просто обвиняли в том, что они хотят быть мужчинами, если они выражали свое возмущение неравенством, теперь их можно заклинять, чтобы они действительно стали «мужчинами». Трансгендеризм может служить предохранительным клапаном для женского негодования. Вместо того, чтобы работать коллективно над созданием социальных изменений, они могут выбрать изменение только себя, хотя и со значительными последствиями для других, и могут попытаться спастись одна за другой. Между тем, привлекательность этой формы побега зависит от того, насколько низкий статус женщины будет оставаться, иначе не было бы стимула для социального восхождения. Важно, чтобы феминистки и лесбиянки выступали против нормализации трансгендерности женщин, чтобы залечить раны, которые эта практика наносит

отдельным телам лесбиянок и лесбийскому политическому организму.

ГЕНДЕРНАЯ ЕВГЕНИКА

Трансгендеризация детей

Трансгендеризация детей является одним из наиболее тревожных социальных вредов, которые являются результатом мейлстриминга трансгендеризма. Хотя эта практика все больше нормализуется через клиники, посвященные трансгендерным детям в крупных городах, таких как Мельбурн и Торонто, отсутствует критика со стороны СМИ или академических кругов. Я утверждаю, что ее проблемную природу лучше всего понять, связав ее с практикой евгеники. Практика евгеники использовала половые операции (Largent, 2008) и медикаментозное лечение для изменения поведения «непригодных» в начале двадцатого века, а семейное консультирование в середине века (Stern, 2005) для регулирования пола и гендера. В настоящее время в Австралии детям в возрасте десяти лет, при попустительстве Семейного суда, назначают препараты, задерживающие половое созревание, в результате диагностирования «расстройства гендерной идентичности», ожидая, что в шестнадцать лет их переведут на кросс-половые гормоны, а в восемнадцать лет сделают операцию по ампутации половых признаков (Jeffreys, 2006; Owens, 2011). Хотя Австралия находится в авангарде этой практики, другие страны ее догоняют. В Германии в 2009 году шестнадцатилетнему мальчику удалили гениталии, чтобы он стал «девочкой» (The Telegraph, 2009), а в апреле 2011 года правительство Великобритании согласилось разрешить эксперимент по введению препаратов, задерживающих половое созревание, детям с двенадцати лет (Alleyne, 2011). Эта практика стерилизует детей. Удивительно, но критической феминистской литературы о трансгендерности детей не существует, и эта глава пытается это исправить.

Евгенические половые операции и лекарственное лечение в прошлом и трансгендеризация детей в настоящем имеют ряд сходств, которые будут рассмотрены здесь. Наиболее существенное сходство заключается в том, что за обеими формами практики лежит проект социальной инженерии. Обе практики основаны на идее, что определенные проблемные формы поведения имеют биологическую основу и могут быть «излечены» методами лечения, которые изменяют и влияют на половые характеристики. В первой половине прошлого века в Европе и Северной Америке был реализован проект социальной инженерии, направленный на контроль или устранение экономического низшего класса, «идиотов» — проституированных женщин, преступников, тех, кого считают «цыганами», тех, кого считают морально неполноценными, лесбиянок и геев, всех, кого считают «непригодными» — посредством стерилизации (Dowbiggin, 1997; Lucassen, 2010). В настоящее время режим трансгендеризации детей, а также взрослых имеет эффект устранения гендерного несоответствия посредством укрепления правильно гендерно-определенного и гетеросексуального государства и гражданства. Сходство между этими практиками заключается в происхождении идей для этих методов лечения, которые в обоих случаях исходят от сексологинь или ученых-сексологов, биологинь, эндокринологинь и психиатрок. Другое сходство заключается в целях половых операций, поскольку лесбиянки и геи были мишенью евгеников, а люди с однополрой половой ориентацией на практике являются основной целью половых операций трансгендеров сегодня. Эти практики также связаны тем, что обе они поддерживались людьми, имевшими в остальном прогрессивные взгляды, например, сексологинями, которые часто были социалистками, и некоторыми феминистками. Это, безусловно, относится к практике трансгендеризма сегодня, которую поддерживают многие левые и многие феминистки, хотя проблема трансгендерных детей пока не получила широкого распространения среди этих групп.

В этой главе я сначала опишу, как практика трансгендеризации детей развивалась в настоящее время, приведя примеры того, как это происходит, из дел Австралийского семейного суда. Затем последует сравнение традиционной евгеники и новой разновидности в доказательствах трансгендеризации детей.

Трансгендеризация детей

Практика трансгендеризации детей является следствием растущей нормализации практики трансгендеризации взрослых. Была проведена кампания в отношении трансгендерных детей из двух избирательных округов, взрослых мужчин, которые были трансгендерами, и некоторых сексологов, в частности эндокринологов. Требование раннего вмешательства и лечения детей, идентифицированных как «трансгендеры», было инициировано организациями, посвятившими себя правам тех, кто были трансгендерами, такими как Общество исследований и образования в области гендерной идентичности (GIRES) в Великобритании, и влиятельными отдельными активистами трансгендерных блогов, такими как Лора из Laura's Playground (Laura, n.d.). Эти трансгендерные активисты с мужским телом обычно совершали переход в более позднем возрасте, после сорока лет. Это означало, что им было трудно выдавать себя за женщин из-за их мужской костной структуры и роста. Они утверждают, что раннее вмешательство имеет жизненно важное значение для предотвращения того, что они считают «трансгендерными» детьми, от полового созревания и связанных с этим физических изменений, которые впоследствии затруднят переход и потребуют дорогостоящих и более сложных операций для достижения убедительного симулякра желаемого пола. Примером такой агитационной работы является «международный симпозиум», который GIRES совместно с Mermaids, группой поддержки трансгендеров, провели в 2005 году, чтобы противостоять значительному сопротивлению внутри

медицинской профессии идее лечения детей. Симпозиум был для «врачей... которые заботятся о детях и молодых людях, испытывающих гендерные различия», и GIRES и Mermaids «поддерживают тесный контакт с этими специалистами» (Департамент здравоохранения, 2008). Точно такая же форма агитации за привлечение медицинских работников использовалась Фондом Эриксона от имени взрослых транссексуалов 30 лет назад (Billings and Urban, 1982). Международная кампания, возглавляемая GIRES, достигла большого успеха благодаря публикации в 2009 году проекта рекомендаций Эндокринологического общества, в которых рекомендуется давать детям, идентифицированным как «трансгендеры», начиная с двенадцатилетнего возраста лекарства для задержки полового созревания (Эндокринологическое общество, 2009). Рекомендации в значительной степени основаны на опыте клиники в Нидерландах, которая в течение некоторого времени прописывала блокаторы полового созревания лицам моложе шестнадцати лет. В рекомендациях рекомендуется, чтобы «подростки, которые соответствуют критериям пригодности и готовности к смене пола, изначально проходили лечение для подавления полового развития». Они «предлагают», чтобы «половое развитие желаемого противоположного пола начиналось примерно в возрасте 16 лет, используя постепенно увеличивающуюся схему дозировки кросс-половых стероидов» (Endocrine Society, 2009: 4). Они рекомендуют направлять детей на операцию, когда они завершат «реальный жизненный опыт» проживания в качестве желаемого пола, но «предлагают», чтобы операция была отложена до тех пор, пока ребенку не исполнится «как минимум 18 лет».

Давление на лечение детей препаратами для задержки полового созревания также исходит от некоторых специалистов в клиниках гендерной идентичности. Например, Норман Спэк, эндокринолог и содиректор клиники DSD (Расстройства половой дифференциации) в Бостонской детской больнице, выражает довольно

неподобающий энтузиазм по поводу возможности проводить такое лечение:

Да, мы остаемся на перепутье, истекая слюной от перспективы применения голландского протокола для подавления полового созревания, но без разрешения от медицинских страховщиц оплачивать дорогие лекарства или давления со стороны медицинских и психиатрических сообществ требовать этого. Уровень разочарования родительниц растет, подпитываемый знанием того, что можно сделать (Spack, 2008: xi).

Спэк знает, что можно сделать, и хочет больше свободы, чтобы обращаться с детьми так, как он считает нужным. Он является одним из авторов Руководящих принципов Эндокринологического общества 2009 года, которые рекомендуют отсрочить половое созревание детей при лечении от наркотической зависимости. Другой специалист в клинике Спэка, «детский эндокринолог», был обвинен в сентябре 2012 года в получении большого количества детской порнографии (Herald Staff, 2012). Прокурор сказал, что правительство планирует показать, что этот человек «по всей видимости, имел преданный половой интерес к детям, на протяжении нескольких десятилетий. Основываясь на этих факторах, мы действительно считаем, что ответчик представляет опасность для общества». Те, кто занимается трансгендерными детьми, могут нуждаться в более строгом надзоре в отношении их мотивов и компетентности.

Поскольку кампания лоббистов и сексологов в поддержку трансгендерных детей достигла все большего успеха, появились онлайн-НПО для поддержки родительниц трансгендерных детей и публикации книг с советами. Практика трансгендерных детей нормализуется книгами психологов, которые зарабатывают на жизнь, выявляя и леча детей как «трансгендеров». Одной из таких книг из США является «справочник» «трансгендерная ребенка», написанный Стефани Брилл и Рейчел Пеппер, в котором родительницам даются советы о том, как распознать, что ребенка

является «трансгендером», чтобы они могли получить профессиональную помощь (Brill and Pepper, 2008). Стефани Брилл, которая описывает себя как членку «сообщества бутч/трансгендерных» (St. John, 2010), является «гендерной педагогиней» и основательницей Gender Spectrum Education and Training (Gender Spectrum, n.d.), которая предлагает поддержку родительницам детей с «гендерно-вариативными» детьми и предлагает программы гендерного обучения для школ. На обложке книги Рейчел Пеппер описана как терапевтка, специализирующийся на «трансгендерных и гендерно-вариативных клиентах». Ряд организаций, созданных для обслуживания семей «трансгендерных» детей, дают аналогичные советы на своих веб-сайтах, например, Trans Youth Family Allies (TYFA, б/д) в Соединенных Штатах. Член правления TYFA Андреа Джеймс — это та человека, которая разместила в Интернете фотографии детей сексолога Майкла Бейли с порнографическими подписями (Dreger, 2008). Возможно, следует поставить под вопрос пригодность таких мужчин для консультирования по поводу того, как обращаться с детьми по такому важному вопросу, как их будущее здоровье и фертильность.

Родительницам предлагается идентифицировать своих детей как «трансгендеров», часто в очень раннем возрасте. Брилл и Пеппер говорят родительницам, что их первое понимание трансгендерности их ребенка произойдет в восемнадцать месяцев:

Когда первыми словами вашей 18-месячной девочки будут «мой мальчик», а ваш 2-летний сын будет настаивать на том, что он девочка, и эти ответы не изменятся в течение следующих нескольких лет, вы можете быть уверены, что у вас трансгендерная ребенка (Brill and Pepper, 2008: 2).

Родительницам рекомендуется быть бдительными в таких вопросах, как выбор их маленькими детьми «трусов», соответствующие их полу, то есть мальчик не должен выбирать те, на которых есть цветы. Тон этих опубликованных и онлайн-

ресурсов является принудительным, поскольку родительницам и специалистам говорят, что обращение с трансгендерными детьми является единственным ответственным путем вперед, что это справедливо и что это может быть единственным способом защитить детей от членовредительства и самоубийства.

Одна из авторок руководства, Рэйчел Пеппер, впоследствии отредактировала сборник историй матерей трансгендерных детей (Pepper (ред.), 2012), в котором матери, которые идентифицируют своих детей как трансгендеров в очень раннем возрасте, представлены как смелые и прогрессивные. В одном случае мать сообщает, что идентифицировала своего мальчика как девочку, потому что «к тому времени, как ему исполнилось два года, он отказался играть с игрушками для мальчиков» (Pepper, 2012: 87). Она отвела его в клинику Тависток в шесть лет, чтобы узнать, что у него «расстройство гендерной идентичности». Эта мать называет эндокринолога Нормана Спэка своим «спасителем». Другая мать заметила что-то «необычное» в Алике, «когда ему было около трех или четырех лет. Он увидел, как я шью, и буквально закричал: «Мама, пожалуйста, никаких больше передников!» (Pepper, 2012: 109). Другая мать определила свою дочь как трансгендерную в ее первый день рождения, когда она разрезала ее вечернее платье ножницами (Pepper, 2012: 61). Это представляет собой на удивление набожное и бессердечное применение ограничений половых ролей со стороны матерей, и все это под предлогом того, что дети должны быть того «гендера», которым они на самом деле являются.

GIREС настолько успешно заручился поддержкой медицинской профессии в отношении своих предпочтительных вариантов лечения, что смогли сыграть важную роль в разработке руководящих принципов по медицинскому обслуживанию лиц, стремящихся стать трансгендерными, которые были опубликованы в серии брошюр британской NHS в 2008 году. Серия включает в себя руководство по медицинскому обслуживанию «детей и

молодых людей с гендерными вариантами» (Департамент здравоохранения, 2008 г). Это дает полезное представление об идеях, которые теперь рекомендуется перенимать врачам. В брошюре NHS объясняется, что гендерные различия у детей можно определить по словам мальчиков «они хотят быть девочками или что они на самом деле девочки», а девочки хотят быть мальчиками или считают себя мальчиками (Департамент здравоохранения, 2008: 4). В брошюре утверждается, что «гендерная дисперсия» в ее «тяжелой» форме «биологически вызвана», «небольшие части мозга ребенка развиваются по иному пути, нежели пол остального тела» (Департамент здравоохранения, 2008: 5). На самом деле, исследования, предполагающие, что поведение, обычно связываемое с «гендерными» различиями, имеет биологическую основу, крайне скудны и, вероятно, столь же несовершенны, как и все формы исследований мозга, доказывающие, что гендерные различия заложены природой, а не воспитываются (Fine, 2010).

Подобно руководствам и онлайн-ресурсам, появляющимся в Соединенных Штатах о необходимости трансгендеризации детей для их же блага, брошюра NHS использует сильное убеждение, чтобы оказать давление на врачей, чтобы они приняли эту практику, подчеркивая крайние страдания, которые дети, которых они считают «трансгендерами», испытывают в период полового созревания. Лечение оправдывается как способ избежать трудностей с «прохождением» во взрослом возрасте: «Необратимые эффекты вызывают пожизненное неблагоприятное положение, поскольку они часто затрудняют или даже делают невозможным «переход», то есть выглядеть и звучать полностью как человека противоположного пола» (Департамент здравоохранения, 2008: 13). Тревоги взрослых мужчин, которые трансгендерны, здесь ясно показаны, поскольку в брошюре говорится, что те, кто не трансгендерен в детстве, «могут быть «прочитаны» на улице и, следовательно, могут страдать от предрассудков, преследований, унижений и даже насилия»

(Департамент здравоохранения, 2008: 13). Выражение «быть прочитанным» является обычным для жаргона мужчин, переодевающихся в женскую одежду, и его использование предполагает, что заботы взрослых мужчин, которые могут иметь совершенно иной опыт и интересы, переносятся на детей, для которых они могут быть совершенно неуместными.

Выявление трансгендерных детей

У детей диагностируется расстройство «гендерной идентичности» в результате участия в социально неприемлемом поведении, в частности, в поведении, которое считается неподходящим для биологического пола ребенка. Таким образом, я утверждаю, что трансгендерность детей следует понимать как проект социальной инженерии, который имеет сходство с практикой половых операций, которые проводились на людях, считавшихся вовлеченными в социально неприемлемое поведение в предыдущую эпоху евгеники. В более ранний период проблемное поведение включало хроническую бедность, гомосексуальность и преступность. В этом разделе я проиллюстрирую социально неприемлемые «гендерные» практики, которые приводят к диагностике у ребенка расстройства гендерной идентичности. Врачи сталкиваются с трудностью различения детей, которых они считают «по-настоящему» нуждающимися в трансгендерности, от тех многих, кто, как они охотно признают, вероятно, будет беспокоиться о гендере, но не захочет стать трансгендером, когда станет взрослым (Департамент здравоохранения, 2008). Брошюра NHS не внушает доверия к процессу, с помощью которого это достигается:

По мере приближения полового созревания ведущие клиники будут проводить тщательную оценку того, какие дети почти наверняка станут транссексуальными взрослыми, а какие вряд ли это сделают. Не существует физического теста для обнаружения и

измерения гендерных отклонений, которые могут развиваться во взрослую дисфорию и транссексуализм. Поэтому врачам должны полагаться на собственный рассказ молодой человека о ее или его чувствах или информацию от родительниц о том, как ребенка разговаривает и ведет себя, а также на психологические тесты (Департамент здравоохранения, 2008: 17).

Однако основным показателем, который они используют, скорее всего, будет реакция ребенка на физические изменения раннего полового созревания. К сожалению, в наши дни половое созревание наступает у детей все раньше и раньше.

Преждевременное половое созревание определяется Бостонской детской больницей, которая лечит «трансгендерных» детей, как до восьми лет для девочек и как до девяти лет для мальчиков (Stafford, 2011). Если принять логику, лежащую в основе трансгендеризации детей, то их, возможно, придется выявлять и лечить лекарствами даже до этого возраста, поскольку брошюра рекомендует вмешательство достаточно рано, чтобы приостановить физические изменения до того, как они начнутся.

Диагностические критерии «гендерной дисфории» у детей, ранее известной как «расстройство гендерной идентичности в детстве», появились в новом издании, номер 5, Диагностического и статистического руководства США (DSM) в 2013 году. Критерии основаны на традиционных гендерных стереотипах, которые были созданы для ограничения поведения девочек и оправдания их более низкого статуса в разных обществах. Поведение мальчиков, с другой стороны, создано для оправдания их более высокого статуса. Дети с гендерной дисфорией должны иметь «сильное желание быть другого пола или настойчивое убеждение, что она или он является другим полом». Показатели того, что они принадлежат к «другому полу», следующие:

у мальчиков — сильное предпочтение переодеванию или имитации женской одежды; у девочек — сильное предпочтение ношению только типично мужской одежды и сильное

сопротивление ношению типично женской одежды; сильное предпочтение кросс-гендерным ролям в притворных или фантазийных играх; сильное предпочтение игрушкам, играм или занятиям, типичным для другого пола; сильное предпочтение подругам по играм другого пола; у мальчиков — сильное отторжение типично мужских игрушек, игр и занятий и сильное избегание игр с грубыми действиями; у девочек — сильное отторжение типично женских игрушек, игр и занятий (Winters, 2011).

Детины также должны иметь «клинически значимый дистресс или нарушения в социальной, профессиональной или других областях функционирования». То, как эти диагностические критерии применяются на практике, можно выяснить из стенограмм решений, вынесенных Семейным судом Австралии в случаях, когда были одобрены препараты, задерживающие половое созревание у детей.

Примеры из Австралии

Австралия находится на переднем крае трансгендеризации детей, которая осуществляется по распоряжению Семейного суда и обычно запрашивается родительницами или опекунами детей. Когда тринадцатилетняя девочка по имени «Алекс» была трансгендеризирована через Семейный суд в 2004 году, прошло пять лет, прежде чем Эндокринологическое общество выпустило свои руководящие принципы относительно этой практики (Семейный суд Австралии, 2004; Jeffreys, 2006). Возраст, в котором суд был готов разрешить эту практику, затем начал снижаться. В 2008 году трансгендеризации подверглась двенадцатилетняя девочка «Броди» (Семейный суд, 2008). Самым младшим ребенком, в отношении которого было вынесено такое распоряжение в апреле 2011 года, был «Джейми», десятилетний мальчик, и, как сообщалось, он жил как девочка в течение трех лет

(Семейный суд Австралии, 2011). В судебных делах показания психиатров, эндокринологинь, социальных работников и родительниц используются для диагностики расстройства у ребенка с целью начала лечения. Случай «Джейми» дает полезный пример того, как это работает. Джейми был одним из мальчиков-близнецов в возрасте десяти лет и десяти месяцев. Соглашение в суде о трансгендерности Джейми было простым, потому что его идентифицировали как «очень привлекательную молодую девушку с длинными светлыми волосами», то есть он действительно хорошо соответствовал культурным стереотипам того, как должна выглядеть девочка (Семейный суд Австралии, 2011, Причины для суждения, 2). Родительницы Джейми предоставили необходимые доказательства, чтобы доказать, что у Джейми было расстройство, заявив, что он

Впервые начала идентифицировать себя с женским полом, когда ей (в транскрипте используются женские местоимения) было около 2 ½–3 ½ лет. Она выбирала игрушки, ориентированные на женщин, начала идентифицировать себя с женскими персонажками на телевидении или в кино и говорила матери: «Мама, я не хочу пенис, я хочу вагину» (Семейный суд Австралии, 2011, Причины для вынесения решения, 12).

Он также «искал дружбы с девочками» (Семейный суд Австралии, 2011, Причины для суждения, 14). По словам его матери, «переломным моментом» стал момент, когда Джейми захотел надеть «бальное платье» на прогулку, чтобы посмотреть «Призрак оперы» (Семейный суд Австралии, 2011, Причины для суждения, 17). Джейми отвели к психиатру в октябре 2007 года, когда ему было семь лет, и в декабре того же года ему поставили диагноз расстройства гендерной идентичности.

Судебные эксперты выносят решение о том, проявляет ли ребенка в рассматриваемом ими деле гендер надлежащим образом. Таким образом, доказательства женского пола Джейми были получены из того факта, что он «имел амбиции стать «женской поп-звездой» и

выступал перед своим мужчиной психиатром «очень женственно и креативно»» (Семейный суд Австралии, 2011: 42). Один эксперт объяснил, что Джейми выглядел «убедительно женским во всех отношениях», несмотря на то, что у него «типичные мужские гениталии с нормальным пенисом и яичками. Ее хромосомы были хромосомами типичного мужчины» (Семейный суд Австралии, 2011: 50). Аргументы, используемые в качестве морального давления для продвижения трансгендерности детей, которые мы видели в GIRES, представлены в суде. Доктор С говорит, что нельзя было терять времени и откладывать половое созревание Джейми, чтобы «предотвратить психологический стресс, который Джейми испытал бы, если бы половое созревание у мужчин прогрессировало» (Семейный суд Австралии, 2011: 54). Джейми, по словам доктора С, подвергался опасности «повышенной вероятности серьезных психических расстройств и поведенческих проблем, включая тяжелую депрессию и тревожные расстройства, а также риск членовредительства» (Семейный суд Австралии, 2011: 63).

Когда дела, связанные с трансгендерностью девочек, рассматриваются в Семейном суде, диагностические критерии меняются, чтобы отразить стереотипы того, как должны вести себя мальчики. В случае двенадцатилетней «Броди» ее мать описывает ее как всегда ведущую себя

так, как я бы описала, как мальчишеское поведение, и ей нравится одеваться как мальчик, и когда мы идем за одеждой, (Броди) всегда старается покупать одежду в отделе одежды для тела определенного магазина... Она носит нижнее белье для мальчиков с шести лет (Семейный суд Австралии, 2008: 55).

Выбор нижнего белья, по-видимому, важен, поскольку он упоминается в ряде источников, которые дают советы по выявлению детей, которые должны быть трансгендерными. В случае Броди, как и в случае с «Алекс», которая была трансгендерной в 2004 году, основной причиной ускорения

лечения был тот факт, что эти девочки были очень злы (Jeffreys, 2006). В случае Броди она была очень агрессивной и издевалась над своей младшей сестрой. Причина гнева детей в делах Семейного суда не была исследована, хотя обычно предполагалось, что лечение трансгендерности смягчит ее худшие проявления. Таким образом, трансгендерные дети могут функционировать как форма управления поведением.

Единственная клиника, которая лечит «трансгендерных» детей в Австралии, находится в Королевской детской больнице в Мельбурне, поэтому вполне вероятно, что дети в вышеупомянутых случаях проходили лечение там. В исследовании эффективности своего лечения клиника объявила, что число приближающихся к ней увеличилось «восьмикратно» с 2003 года, когда она была основана, по 2011 год, то есть с одной ребенка в год до восьми детей в год (Hewitt et al., 2012). Рост объясняется как результат большей осведомленности о возможностях лечения — «улучшенной осведомленности о медицинской службе для детей с РГИ» — а не реальным ростом заболеваемости этой проблемой. Рост действительно, вероятно, является результатом большей огласки этого явления и его лечения. Но вместо того, чтобы это позволило большему количеству детей, обладающих какой-то существенной и всегда существующей проблемой, заявить о себе, огласка могла бы создать «трансгендерных» детей, позволив родительницам идентифицировать вполне обычное поведение маленьких детей как расстройство и сформировать это понимание у своих детей. В клинике отметили, что у всех пациенток гендерная дисфория проявлялась примерно в трехлетнем возрасте, хотя дети не обращались за лечением до достижения «среднего возраста» десяти лет.

Возможно, это удивительно, учитывая довольно экстремальные формы гормонального и хирургического лечения детей и подростков, которые имеют место в настоящее время, в литературе по социальным наукам и среди феминистских ученых нет критики

трансгендеризации детей. Вероятно, это является результатом того, что критический анализ практики трансгендеризма в целом снизился до точки невидимости за последние два десятилетия.

Отсутствие критической литературы по трансгендеризму

Хотя существуют важные связи между практикой евгеники начала двадцатого века по проведению половых операций и стерилизации непригодных для целей социального контроля и социальной инженерии, и трансгендеризацией взрослых и детей в конце двадцатого и начале двадцать первого веков, эти практики не были связаны друг с другом в научной литературе. Действительно, сегодня наблюдается отсутствие критической литературы в политике и социальных науках по трансгендеризму. Что касается трансгендеризации детей, критическая работа в социальных науках, за несколькими исключениями (Gottschalk, 2003; Jeffreys, 2006), примечательно отсутствует. Растущее количество литературы по социальным наукам о «трансгендерной» ребенке не является критическим или аналитическим. Она состоит из руководств для социальных работников, для родительниц (Brill and Pepper, 2008; Mallon, 2009) и для учительниц. Вся эта литература говорит об «утверждении» «трансгендерной» ребенка, и позитивный тон материалов можно вывести из названий двух примеров: «Работа с трансгендерными детьми и их одноклассниками в предподростковом возрасте: просто будьте поддерживающими» (Luecke, 2011) и «Транс-дружественный дошкольный возраст» (Dykstra, 2005). К сожалению, родительницы и специалисты, работающие с детьми в наши дни, вероятно, считают, что гендерные различия являются биологическими, а не социально сконструированными.

Несмотря на отсутствие критических работ в отношении практики трансгендеризма в литературе по социальным наукам, в

клинической литературе появляется критика. Психологини Сьюзан Лангер и Джеймс Мартин, например, утверждают, что диагностика расстройства гендерной идентичности в детстве «служит в первую очередь для продвижения политической или социальной повестки» (Langer and Martin, 2004: 15), а «сообщество психического здоровья» должно занять «решительную позицию против продолжения GIDC как санкционированной диагностической категории» (Langer and Martin, 2004: 19). Есть и другие специалисты по психическому здоровью, критикующие диагноз расстройства гендерной идентичности в детстве и взрослом возрасте, особенно за то, что он способствует социальному контролю гомосексуальности (Bower, 2001; Wilson et al., 2002). Однако ни более ранняя критическая литература, ни та, которая начинает появляться у специалистов по психическому здоровью в настоящее время, не связывают трансгендеризм в какой-либо форме с историей евгеники. В следующем разделе я выявлю некоторые связи между трансгендеризацией детей и практикой евгеники, которые могут помочь в разработке более критической литературы по социальным наукам.

Связи между трансгендеризмом и практикой евгеники

Существует растущая литература о кампаниях и практиках евгеники от социальных историков и историков науки, которая предоставляет доказательства идей и практик, которые отражаются в современной практике трансгендеризма. Эта литература описывает, как евгеническое движение развивалось в Соединенных Штатах (Largent, 2008; Reilly, 1991) и в Европе (Lucassen, 2010) и стало сосредоточено на практике стерилизации. Некоторые указывают на то, что эта практика, хотя она в основном была прекращена в 1970-х годах, сохраняется, особенно в отношении девочек-подростков, которые считаются

подверженными риску беременности, поскольку они уязвимы для полового хищничества (Largent, 2008). Эта литература проводит мало связей с современной практикой трансгендеризации детей, несмотря на тот факт, что это, как и стерилизация непригодных, осуществляется сексологами в целях социальной инженерии.

Идеологические основы евгеники возникли из работы Фрэнсиса Гальтона, кузена Чарльза Дарвина (Largent, 2008). Они были приняты и пропагандировались биологами, сексологами и психиатрами, которые были политически левыми, такими как Дж. Б. С. Холдейн и Генри Хэвелок Эллис в Великобритании, и Огюст Форель в Швейцарии (Lucassen, 2010). Важно, что все эти люди считали себя социалистами, потому что в двадцатом веке практика трансгендерности мужчин, женщин и детей была принята как вопрос позитивных прав человека прогрессивными людьми, такими как левый теоретик Джудит Батлер, а не как практика, которая нарушает права (Butler, 2004). Левые конца девятнадцатого и начала двадцатого века в целом поддерживали евгенические идеи, примером чего являются Сидней и Беатрис Уэбб из Фабианского общества в Великобритании (Lucassen, 2010). В Швеции социальная инженерия посредством стерилизации непригодных была с энтузиазмом принята Мюрдалами, социологами, связанными с основанием шведского государства всеобщего благосостояния. Законодательство, позволяющее стерилизацию непригодных, было принято в Швеции в 1920-х годах, и с тех пор до 1970-х годов 63 000 человек были стерилизованы, 90 процентов из них женщины. Евгеника была принята левыми как способ создания лучшей «расы», что в то время означало «нацию».

Важно отметить, что идеи евгеники, включая стерилизацию непригодных, были приняты многими феминистками до Второй мировой войны. Одной из них была американская сторонница контроля рождаемости Маргарет Сэнгер. В 1932 году она пыталась объяснить, как евгеника может привести к прекращению войны

путем предотвращения перенаселения, особенно непригодных, которое она считала важной причиной (Sanger, 1932). Эти меры включали иммиграционную политику для предотвращения въезда непригодных, сегрегацию непригодных, чтобы они не могли размножаться, и стерилизацию. Иммиграционный контроль, сказала она, должен не допускать «слабоумных, идиотов, дебилов, сумасшедших, сифилитических, эпилептических, преступников, профессиональных проституток и других», а «жесткая и жесткая политика стерилизации и сегрегации» должна применяться к тем, кто могла «испортить потомство». Она считала, что людям следует предоставить выбор между сегрегацией и стерилизацией. Британская активистка по контролю рождаемости Мари Стоупс также вдохновлялась идеями евгеники и беспокоилась об ограничении размножения людей, которые не были достаточно «качественными». Она высказала мнение в интервью BBC еще в 1957 году: «Мы разводим мусор» (цитата из Garrett, 2007: xlii). Степень, в которой феминистки приняли евгенику до Второй мировой войны в Великобритании, является предметом споров среди историков. Существует общее согласие, что феминистки имели тенденцию включать евгенический язык в свою теорию и практику, чтобы сделать себя более убедительными и понятными, но степень их приверженности — это другой вопрос (Bland, 1995; Макереасе, 2009). Однако отсутствие критики или активной поддержки практики трансгендеризации взрослых и детей со стороны тех, кто считает себя прогрессивными или даже феминистками в настоящее время, не должно удивлять, поскольку существует история такой поддержки аналогичных проектов в более ранний период.

Половые операции

Практика евгеники была сосредоточена на выполнении половых операций на тех, кого считали непригодными, и практика стерилизации непригодных в США иллюстрирует ее масштаб и

приемлемость. Две трети штатов в Соединенных Штатах приняли законы об обязательной стерилизации между 1907 и 1937 годами (Largent, 2008: 65). Стерилизация проводилась не только в евгенических целях, то есть для предотвращения воспроизводства дефектных детей, но и для наказания, а также в терапевтических целях, таких как изменение неприемлемого поведения. Половые операции, проводимые на тех, кого считали непригодными, включали полную кастрацию с удалением яичек, а также менее инвазивную практику стерилизации посредством вазэктомии. Ларджент объясняет, что в Соединенных Штатах ампутация яичек и мошонки использовалась с конца девятнадцатого века до 1930-х годов для «лечения, наказания или контроля сотен насильников, растлителей малолетних и мужчин, которые занимались деятельностью, связанной с гомосексуальностью» (Largent, 2008: 5). Он называет эту практику «увечьем», и она в основном практиковалась в отношении мужчин, которые находились в психиатрических больницах и тюрьмах. Он объясняет, что приводимые причины менялись со временем, переходя от «карательных и евгенических» к «терапевтическим и профилактическим» на протяжении четырех десятилетий. Психиатры, занимающиеся половыми операциями, регулярно использовали их в качестве «лечения» неприемлемого поведения женщин. В конце девятнадцатого века в Соединенных Штатах Г. Олдер Блумер рекомендовал «гинекологическую хирургию» для пациенток (Dowbiggin, 1997: 89). Он считал, что «безумие — это генитальный рефлекс», идея, которая была широко распространена в 1850–1900 годах и привела к удалению женских маток и яичников. В частности, он рекомендовал такую операцию женщинам, которые были громкими и вульгарными в своей речи. Одна из важных связей между расцветом евгеники и трансгендеризацией детей сегодня заключается в том, что лесбиянки и геи образуют избирательную группу, на которую направлены обе практики. Мрачные подробности контроля и наказания лесбиянок и геев учеными, изучающими секс, на

протяжении большей части двадцатого века были изложены в самой ранней, вдохновленной идеями освобождения геев, истории лесбиянок и геев в Соединенных Штатах, «Истории геев Америки» Джонатана Каца (1976). Кац пишет, что «лесбиянки и геи долгое время подвергались разнообразному, часто ужасающему списку «лечений» со стороны специалистов в области психиатрии и психологии, лечения, обычно направленного на асексуализацию или гетеросексуальную переориентацию» (Katz, 1976: 197). Эти методы лечения, которые продолжались и во второй половине двадцатого века, включали такие операции, как кастрация, гистерэктомия и вазэктомия. Женщины подвергались в девятнадцатом веке хирургическому удалению яичников и клитора, лечению, разработанному как «лечение» различных форм того, что называлось женской «эротоманией», и включало лесбиянство. Лоботомию проводили вплоть до 1950-х годов. Также использовался ряд медикаментозных методов лечения, таких как введение гормонов, ЛСД, половых стимуляторов и половых депрессантов, наряду с другими методами лечения, такими как гипноз, электрошоковая и химическая терапия, а также терапия отвращения (там же). Кац комментирует, что гомосексуальные жертвы половых операций иногда были «уступчивы» и искали лечения, как это делают те, кто просит о трансгендерности сегодня. Действительно, недобровольность никоим образом не является необходимым элементом в евгенических практиках в целом. Кац объясняет, что истории болезни, которые он изучал в своем исследовании, показали:

Многие из этих историй касаются охваченных чувством вины, ненавидящих себя гомосексуалок, которые настолько усвоили осуждение общества, что ищут жестокие формы лечения в качестве наказания; они играют в то, что можно назвать только мазохистской игрой, в которой врачине отводится и он принимает на себя поистине садистскую (а также выгодную) роль (Katz, 1976: 200).

Кац не включает трансгендеризацию геев и лесбиянок в эти оскорбительные медицинские методы лечения, но Бернис Хаусман в своей феминистской критике трансгендеризма включает (Hausman, 1995). Хаусман утверждает, что лечение интерсексуальности и транссексуальности в середине двадцатого века было в значительной степени мотивировано желанием уменьшить возможность гомосексуальности и создать гетеросексуальных гражданок.

Несмотря на сходство между контролем гомосексуальности в практике евгеники и в трансгендеризме, это редко обсуждается в современной литературе по социальным наукам. Тот факт, что многие мужчины и большинство женщин, которые стремятся к переходу, являются гомосексуалками до лечения, тем не менее, является открытым секретом. Хотя мужчины, стремящиеся стать трансгендерами, могут испытывать влечение к женщинам или другим мужчинам, признается, что женщины, как правило, являются лесбиянками до того, как им ставят диагноз «трансгендер»: «Практически все женщины с расстройством гендерной идентичности получают один и тот же спецификатор — половое влечение к женщинам — хотя есть исключительные случаи, связанные с женщинами, которые испытывают половое влечение к мужчинам» (Mental Health Today, б/д). Специалисты, занимающиеся лечением расстройства гендерной идентичности в детстве, знают, что три четверти мальчиков, направленных на диагностику родителями, будут гомосексуалами или бисексуалами, когда достигнут взрослого возраста (там же). Юристка и активистка за права трансгендеров Шеннон Минтер предоставила подборку цитат сексологинь и тех, кто участвовал в создании и внедрении диагностики гендерной идентичности, которая призвана продемонстрировать их желание предотвратить развитие гомосексуальности (Minter, 1999). Минтер утверждает: «Если бы РГИ у детей не было тесно связано с гомосексуальностью во взрослом возрасте», маловероятно, что кросс-гендерное поведение у детей «было бы обозначено как психиатрическое

расстройство или стало бы предметом целой клинической области, посвященной... «исправлению» кросс-гендерного поведения» (Minter, 1999: 27).

Интерес евгеников к контролю и наказанию гомосексуальности был частью их интереса к созданию правильно гендерных и половых определённых семей и детей, аспект движения, который явно связан с трансгендеризацией детей, которая имеет место сегодня. Историкесса евгенического движения США Александра Стерн объясняет, как евгеническое движение сместило фокус после Второй мировой войны, чтобы сосредоточиться на том, чтобы заставить семьи соответствовать его идее надлежащих гендерных ролей (Stern, 2005). Стерн объясняет, что в 1950-х годах было меньше энтузиазма в отношении более привычных практик евгеники, которые были стигматизированы из-за ассоциации с нацизмом, таких как стерилизация, хотя, как она говорит, они никоим образом не прекратились, и законы остались в силе. Вместо этого евгеники тяготели к тому, что называлось «позитивной» евгеникой, концентрируясь на контроле над популяцией и «часто начинали находить суть человеческой дифференциации не в расовых различиях... а в поле и гендере», так что «расизм 1920-х годов был переформулирован в сексизм 1950-х годов» (Stern, 2005: 154). Американский институт семейных отношений (AIFR), который был основным двигателем евгенической политики населения в 1950-х годах, и его директор Пол Попено продвигали «семейно-центричную евгенику, которая требовала однородности пола и гендера» и продвигали идею о том, что различие между женщинами и мужчинами является наибольшим, которое может существовать между двумя людьми. Оно основывалось на эволюции, природе и генетике (Stern, 2005: 155). Когда клиенты оценивались AIFR для консультирования, первым шагом было «измерение степени, в которой их гендерная идентичность и поведение соответствовали их анатомическому полу» (Stern, 2005: 167). Затем их лечили на основе идей, исходящих в то время из «психиатрии, психометрии,

эндокринологии и исследований пола» (Stern, 2005: 180). Эта форма практики евгеники проиллюстрирована тем, как сексологи в этот период разрабатывали идеи «гендера» и «гендерной идентичности» и использовали их в своем подходе к детям, которых они идентифицировали как интерсексуалов, и в своем лечении трансгендеризма, практика, которая продолжается и сегодня (Hausman, 1995; Meyerowitz, 2002). Избегание гомосексуальности и создание прочно гетеросексуальных и гендерно обусловленных семей, детей и взрослых мотивировали сексологов того периода.

Продолжение этой ветви евгеники ставит под вопрос степень, в которой движение евгеники отступило. Хотя приемлемость стерилизации некоторых групп «непригодных» уменьшилась, стерилизация и половые операции на детях, идентифицированных как трансгендеры, становятся все более распространенной тенденцией, как стремится показать эта глава. Ларджент (2008) определяет то, что он считает окончательной смертью американского движения евгеники, как произошедшее в 1980-х годах. Он объясняет, что потребовались десятилетия с 1930-х годов, чтобы положить ему конец. Против стерилизации непригодных выступили организации по гражданским правам и движения, «сосредоточенные на расе, поле, половой ориентации, классе, физических и умственных недостатках», а также те, кто выступает за права заключенных и пациенток с психическими расстройствами (Largent, 2008: 140). Однако практика стерилизации детей с умственными недостатками продолжается во многих странах, включая Соединенные Штаты. Исследователи из Австралии обнаружили, что в период с 1992 по 1997 год в австралийских больницах ежегодно проводилось около 200 стерилизаций молодых девушек (Brady and Grover, 1997). Против этой практики решительно выступают группы по защите прав инвалидов, такие как Women With Disabilities Australia (WWDA, 2007).

В настоящее время набирает силу правозащитное движение против принудительной стерилизации женщин как нарушения репродуктивных прав женщин, использующее концепции, которые можно было бы применить и к стерилизации детей, идентифицированных как трансгендеры. Центр репродуктивных прав в Нью-Йорке, например, считает, что принудительная стерилизация, то есть без полного и свободного согласия, должна считаться «жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием» (Центр репродуктивных прав, 2010). Они утверждают, что «Эксперты признают, что постоянное лишение репродуктивной способности человека без осознанного согласия, как правило, приводит к психологической травме, включая депрессию и горе» (Центр репродуктивных прав, 2010: 20). Центр указывает на то, что Совет по правам человека заявил, что принудительная стерилизация нарушает право быть свободной от «пытток и жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, как предусмотрено в МПГПП (Международной конвенции о культурных и политических правах)» (Центр репродуктивных прав, 2010: 20). Центр заявляет, что принудительная стерилизация признана комитетом, который курирует Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), как нарушение «прав на человеческое достоинство и физическую и психическую неприкосновенность» (Центр по репродуктивным правам, 2010: 20). В отношении детей, которые являются трансгендерами, возникает вопрос о том, в какой степени они могут считаться непринужденными, учитывая, что их родительницы, медицинские работники и суды отстаивают для них это лечение, и им говорят, что оно облегчит их душевные страдания.

Стерилизация трансгендерных детей и другие долгосрочные неблагоприятные последствия для здоровья

Последствия медикаментозного лечения и половых операций, которые составляют трансгендеризацию детей, таковы, что наносят ущерб их репродуктивным правам, а также их физической целостности и будущему здоровью, и поэтому могут рассматриваться как особенно вредная форма насилия над детьми. Существуют некоторые различия между стерилизацией, которая является частью практики трансгендеризации детей сегодня, и половыми операциями раннего евгенического периода. Евгенические половые операции регулярно были направлены на стерилизацию, а не имели стерилизацию как побочный эффект. Но у них были и другие цели, такие как предотвращение мастурбации или преступного поведения, которые напоминают цели трансгендеризма сегодня по устранению неприемлемого поведения, в данном случае гендерного несоответствия. Кроме того, в более ранний период стерилизация обычно была несогласованной, тогда как стерилизация, проводимая как часть лечения расстройства гендерной идентичности, сегодня обычно рассматривается как неприятный побочный эффект желаемого процесса. Однако следует помнить, что гомосексуальные мужчины, в частности, стремились к половым операциям, которые были частью евгенической практики.

Лечение препаратами, задерживающими половое созревание, приводит к стерилизации, если за ним следует введение кросс-половых гормонов в шестнадцать лет, как поясняет справочник Брилла и Пеппера по «трансгендерным» детям (2008): «выбор перехода от ингибиторов ГнРГ к эстрогену без полного переживания мужского полового созревания следует рассматривать как отказ от фертильности, и семью и ребенка следует соответствующим образом проконсультировать» (Brill and Pepper, 2008: 216). Для девочек стерилизация также является

результатом, потому что «яйцеклетки не созревают, пока организм не пройдет через половое созревание» (там же). Вопрос фертильности, утверждается в справочнике, может беспокоить родительниц больше, чем «подросток», потому что последние могут мыслить краткосрочно и не могут думать о чем-то большем, чем стать трансгендером в настоящем (Brill and Pepper, 2008: 220). В руководстве говорится о других серьезных последствиях трансгендерного лечения, например, о том, что у детей, рожденных от «трансмужчин (трансгендерок с женским телом), принимавших тестостерон до беременности, могут возникнуть врожденные дефекты (Brill and Pepper, 2008: 219). В нем также предупреждается, что хирургия половых органов может привести к отсутствию полового чувства, и комментируется, что молодые люди могут не понимать важности этого (Brill and Pepper, 2008: 220). Но, как советует руководство, «подростки» могут делать половые операции, такие как удаление яичек или груди, в любом возрасте, не обязательно в восемнадцать лет, если их родительницы и хирургия согласны (там же). Это, похоже, противоречит предупреждениям, которые сопровождают этот совет, о трудностях, с которыми «подростки» могут столкнуться в понимании последствий таких операций для фертильности и полового удовольствия.

Вопрос стерилизации рассматривался Австралийским семейным судом в делах, связанных с лечением «Алекса», «Броди» и «Джейми». В каждом случае предполагалось, что ребенка достаточно понимала, чтобы принять решение, которое могло привести к стерилизации, если она не полностью понимал, его родительницы могли принять такое решение за нее. Решение по делу десятилетнего «Джейми» поясняет, что он понимает, что станет бесплодным, и делает это с интересным противоречием местоимений и биологического пола: «Джейми осознает, что последующее лечение женскими гормонами, когда она станет старше, может повлиять на ее способность к выработке спермы» (Семейный суд Австралии, 2011: 92). Но поскольку Джейми «не

обладает уровнем зрелости, чтобы нести ответственность за решения такой серьезности», родителям предоставляется «ответственность принимать такие решения, консультируясь с Джейми».

Дети также вряд ли смогут дать осознанное согласие на использование вредных препаратов, используемых в трансгендерном «лечении». Препарат, наиболее часто используемый для задержки полового созревания у детей, — это Лупрон, препарат, одобренный для лечения рака простаты, но широко используемый при лечении ЭКО и для лечения эндометриоза у женщин. Среди активисток женского здоровья растет беспокойство по поводу серьезных побочных эффектов этого препарата, причем, возможно, самым серьезным в отношении детей является потеря плотности костной ткани. В одном исследовании исследователи обнаружили, что женщины потеряли до 7,3 процента плотности костной ткани во время лечения (Флин, 2008). Препарат также вызывает врожденные дефекты и противопоказан, когда есть вероятность беременности. Побочные эффекты, о которых сообщили Управлению по контролю за продуктами и лекарствами США тысячи пациенток, включают: понос, зуд, головную боль и мигрень, головокружение, сильную боль в суставах, затрудненное дыхание, боль в груди, тошноту, депрессию, эмоциональную нестабильность, помутнение зрения, обмороки, слабость, амнезию, гипертонию, мышечную боль, боль в костях, тошноту/рвоту, астму, боль в животе, бессонницу, хроническое увеличение щитовидной железы, нарушение функции печени, нарушение зрения, беспокойство и другие (Flin, 2008). Использование этого препарата для задержки полового созревания у детей «не по назначению», то есть он не был одобрен для этой цели и является опасной и экспериментальной практикой. Особенно проблематично использовать такой потенциально опасный препарат для лечения детей, которые полностью здоровы и единственным

воспринимаемым недостатком которых является то, что они, как считается, ведут себя неприемлемо в обществе.

Особенно серьезным последствием трансгендерных детинь является стресс, который они, вероятно, испытывают, когда изменяют свое мнение. Британский случай мальчика, который был образцом для подражания в этой практике, демонстрирует вред. Брэдли Купер совершил каминг-аут как гей в 2012 году, за два месяца до ампутации своего пениса. Он был отмечен как самый молодой британский «пациент, изменивший пол», когда ему в шестнадцать лет назначили гормоны, и Национальная служба здравоохранения согласилась оплатить операцию по ампутации стоимостью 10 000 фунтов стерлингов, которую ему предстояло провести, когда ему исполнится восемнадцать (Schlesinger, 2010). Брэдли появлялся в ток-шоу под псевдонимом «Рия» и приобрел определенную известность, прежде чем в 18 лет он изменил свое мнение. Молодой парикмахер сказал, что начал носить женскую одежду в двенадцать лет, когда он «брал помаду у матери и носил одежду, принадлежащую его трем сестрам». Менее чем через год жизни в качестве женщины Брэдли решился на обратный переход из-за сильного психического расстройства. Он отменил SRS и прекратил принимать гормоны, заявив, что «она нашла изменения подавляющими и что они сделали ее глубоко несчастной» (там же). Брэдли прошел тщательное психологическое обследование перед началом своего перехода, но тем не менее дважды пытался покончить с собой в течение предыдущего года, приписывая это перепадам настроения, связанным с гормональным лечением, и стрессу «от того, насколько я одинок и как мое решение отдалило мою семью» (Winter, 2012). Брэдли стал настолько одиноким, сказал он, что даже занялся проституцией для компании. На момент принятия решения о обратном переходе он был безработным и бездомным, спал на полу у друзей. Брэдли надеется, что ему будет легче заводить отношения, будучи геєм: «Она считает, что ей больше повезет в любви, будучи «модным» геєм» (там же). Случай Купера ясно показывает, что психиатры не

могут знать, имеют ли они дело с действительно «трансгендерной» ребенком, и тот серьезный вред, который ему был нанесен, должен поставить под сомнение теорию «гендерной дисфории».

Заключение

В двадцать первом веке, спустя десятилетия после того, как половые операции на «непригодных» по евгеническим, карательным и терапевтическим причинам были в основном отменены, подобная практика все чаще применяется к детям, которые считаются врожденно «трансгендерными», потому что они не подчиняются культурно приемлемым гендерным ролям. Происходит форма социальной инженерии, чтобы заставить детей соответствовать жестким гендерным категориям. Историю половых операций необходимо связать с этой современной практикой, чтобы пролить более критический свет на то, что происходит сегодня. Иэн Доубиггин, историк североамериканской евгеники, пишет о том, как медицинская профессия приняла практику стерилизации непригодных таким образом, который в равной степени можно было бы применить к удочерению трансгендерных детей:

Это история человеческой ошибочности, люди, которые, столкнувшись с пугающей проблемой ухода за эмоционально и умственно неполноценными людьми, прибегли к крайним теориям и практикам. Большинство из этих женщин и мужчин были убеждены, что они абсолютно правы, даже когда они могли бы знать лучше (Dowbiggin, 1997: x).

Сегодняшняя трансгендеризация детей похожа на более раннюю историю половых операций в том, что прогрессивные люди, включая многих феминисток, считают, что это разумная практика, и еще не начали ее критиковать. Феминистские исследования и теории должны восстановить способность критиковать медицину и психиатрию, а также то, как ученые, изучающие пол, относятся к

тем, кто не соответствует нормам общества, если мы хотим эффективно бросить вызов трансгендеризации детей.

СТОЛКНОВЕНИЕ ПРАВ

Когда гендер прописан в законе

Трансгендерные активисты за короткое время добились поразительных успехов в своей кампании по достижению гендерных «прав» — цели, которая закрепляет защиту «гендера» в законе. Как выразился трансгендерный активист с мужским телом Мара Кейслинг, «никогда еще движение за социальную справедливость не развивалось так быстро... Ситуация нарастает» (Keisling, 2008: 4). В этой главе будут рассмотрены истоки кампании за гендерные права и последствия ее успеха. Здесь нет возможности подробно рассмотреть, как изменился закон в разных странах; скорее, глава представляет собой критический анализ того, что означает юридическое признание прав на «гендер» для женщин в целом. Амбиции трансгендерных активистов были изложены в 1995 году в Соединенных Штатах в Международном билле о правах трансгендеров (Frye, 2001). Это был не документ, который возник в каком-либо законодательном органе или имел какой-либо юридический вес, а скорее список пожеланий, созданный группой трансгендерных активистов на встрече, и в то время он мог показаться слишком нелепым, чтобы его серьезно воспринимали законодатели. Но его предписания теперь формируют способ, которым гендерные права были включены в национальное законодательство во многих штатах, и это делает его достойным тщательного рассмотрения. Он требовал права выражать «гендерную идентичность» по выбору любым способом, который желал выразитель, особенно в любых пространствах, ранее зарезервированных для женщин. С тех пор законодательство о равенстве и правах человека было обновлено и создано в государствах по всему западному миру, которое включает «право»

выражать «гендерную идентичность». В результате гендер, который состоит из традиционных стереотипов надлежащего поведения для женщин и мужчин, регулирующих мужское господство и подчинение женщин, стал вопросом государства.

Женские и феминистские группы не приглашаются для консультаций по таким правовым изменениям, как будто им нечего сказать по существу, несмотря на то, что мужчины могут, согласно такому законодательству, получить право быть признанными в законе как «женщины». Женщины являются «отсутствующим референтом» (Adams, 1990), официально не упоминаемым, хотя именно «женщин» стремятся олицетворять мужчины, желающие выразить свои «гендерные права». В законодательстве о праве на гендерную идентичность нет никаких предположений о том, что женщины будут включены в эти изменения или получают от них преимущества. Скорее, в рамках все более энергичного феминистского вызова критикессы утверждают, что такое законодательство создает две особые трудности для интересов женщин (Brennan and Hungerford, 2011). Это устраняет возможность существования пространств, предназначенных только для женщин, и продвигает гендерные стереотипы, которые уже давно признаны феминистскими теоретикессами в качестве основного организационного механизма мужского доминирования (MacKinnon, 1989; Jeffreys, 2005).

Создание права на «гендерную идентичность» создает «столкновение прав», в котором права, требуемые одной группой людей, могут существенно поставить под угрозу права другой группы (Sniderman et al., 1997). В столкновении прав необходимо вынести определенное решение относительно того, может ли группа, участвующая в требовании прав, которое ставит под угрозу права другой группы, быть приспособлена к нормам прав человека. Примером столкновения прав является столкновение сторонниц однополых браков против сторонниц права на религию (Masci, 2009). Этот вид столкновения касается идеологий, в которых

успех требования прав одной группы ограничит права, требуемые другой, в данном случае на брак и «семейную жизнь». Однако в случае кампании за право на гендерную идентичность проблема еще более проблематична и примечательна. Основные требования предъявляются половой кастой мужчин, доминирующей кастой, члены которой несут ответственность за нарушение прав женщин на жизнь, например, без насилия и угрозы смерти, на свободу передвижения и выражения, на свободу от дискриминации (Romito, 2008). Более того, требования в этом случае не просто заявляют, что они сами по себе ущемлены, но и что они фактически являются физическими членками женской половой касты, женщинами, как в требовании трансгендеров с мужским телом, чтобы они могли входить в пространства, такие как туалеты, отведенные для женщин.

Список пожеланий, который составляет Международный билль о гендерных правах (1995), был создан лицами мужского пола в Соединенных Штатах, у которых не было опыта воспитания или обращения с ними как с членками женской касты, и их биографии показывают, что они были непримечательно мужественными мужчинами. Это мужчины, которые решили изображать женщин с различной степенью серьезности во взрослом возрасте. Человек, который, согласно его веб-сайту, «создал» оригинальный Билль о гендерных правах в 1990 году, который стал Международным биллем о гендерных правах, — это Джоанн Робертс, мужчина, который изображает женщин лишь изредка. Робертс не утверждает, что он женщина, а кроссдрессер: «Я кроссдрессер, разведенный и повторно женившийся с двумя взрослыми детьми» (Roberts, 2012), который организует мероприятие для кроссдрессеров под названием Beauty and the Beach, «Crossdresser's Getaway Weekend» (там же).

Другой значимой фигурой в создании окончательного документа был Филлис Фрай, который очень гордится тем, что был крепким и энергичным, мужественным мужчиной. В журнальной статье о

законопроекте Фрай стремится подтвердить свои полномочия как самого успешного и по-настоящему мужественного мужчины, прежде чем он решил выдать себя за женщину. В то время как, как он выразился, «пытаясь быть мужчиной», он был

Скаут-орёл, обладатель Премии Бога и страны, старший командир патруля, член Братства Ордена Стрелы и младший помощник скаутмастера. В средней школе Томаса Джефферсона в Сан-Антонио я был в хоре A Capella, штате ежегодника, старшей группе, дважды отмечен грамотой в стрелковой команде, был командиром ROTC и был отличником. В Техасском университете A&M я был в корпусе кадетов, поющих кадетов и получил степень бакалавра наук в области гражданского строительства и магистра наук в области машиностроения, получая четыре стипендии и один грант. Я ветеран и был с почестями уволен в запас в звании 1-го лейтенанта армии США в 1972 году. Я получил и до сих пор сохраняю тexasскую профессиональную инженерную лицензию в 1975 году (Frye, 2000: 133).

Женщины вряд ли имеют такую родословную, но Фрай говорит, что он женщина. Он объясняет,

Как видно из вышеперечисленных достижений, я не стал женщиной, потому что не смог справиться как мужчина. Я был очень успешен как мужчина, но это не соответствовало моему непоколебимому внутреннему образу себя того, кем я был на самом деле (там же).

Он юрист, который «законно женат на одной и той же женщине в течение двадцати восьми лет» и имеет «взрослую ребенка от предыдущего брака» (там же). В 1992 году он основал Международную конференцию по трансгендерному праву и политике в области занятости (ICTLEP), которая разработала Билль о гендерных правах. Он был награжден премией «Создатель перемен» от Национальной целевой группы по делам геев и лесбиянок (1995) и премией Virginia Prince Lifetime Contribution Award, названной в честь знаменитого кроссдрессера, от

Международного фонда гендерного образования (1999). Мужчины, которые отстаивают свои права на «гендерную идентичность», часто представляют себе женственность с безупречно мужской позиции, например, с карьеры военного героизма (Tur, 2013). Желание мужчин стать трансгендерами, как предполагают такие отчеты, можно понимать как аспект глубоко консервативного и гипермаскулинного поведения, а не как демонстрацию какой-либо общности с женщинами. Именно из таких корней, а не из какой-либо прогрессивной основы, возникло «право» на гендер.

Не спрашивая совета у женщин, стереотипную форму которых эти мужчины стремятся подражать, Робертс и Фрай создали в 1995 году грандиозно озаглавленный Международный билль о гендерных правах. Изучение этих «прав» показывает, что они противоречат опыту женщин. Первое право, которое провозглашает Билль, заключается в том, что «все люди имеют право определять свою собственную гендерную идентичность независимо от хромосомного пола, гениталий, приписанного пола при рождении или изначальной гендерной роли» (Frye, 2000: 212). На самом деле, женщины не «определяют» свою «гендерную идентичность», а «гендерная идентичность» имеет очень мало общего с тем, чтобы быть женщиной. Женщины страдают от дискриминации не по признаку своей «идентичности», «непоколебимого внутреннего образа себя», как это описывает Фрай, а по признаку принадлежности к женскому полу.

Второе право в законопроекте — «Право на свободное выражение гендерной идентичности» (там же). Похоже, это означает право основателей документа носить одежду, которая обычно предназначается женщинам. Для женщин стереотипная женская одежда не является правом на выражение, а навязывается через культурные ожидания, правовые системы, уличные домогательства, влияние секс-индустрии, а также требования на рабочем месте и в школе (Jeffreys, 2005). Еще одно право, которое требуют эти мужчины, — это право входить в пространства,

отведенные женщинами или для женщин, «Право доступа к гендерному пространству и участие в гендерной деятельности» (Frye, 2000: 213). Места только для женщин либо отводятся на том основании, что женщинам нужна безопасность и защищенность мест, где нет мужчин, либо на том основании, что женщины как подчиненная группа должны иметь возможность встречаться и организовываться без присутствия членов правящей группы. До недавнего времени законы о равных возможностях пытались приспособить это понимание, заявляя, что в некоторых ситуациях женщины действительно могут исключать мужчин из служб и мероприятий. В хартиях прав и законодательстве о равенстве женщинам регулярно предоставляются исключения из необходимости не допускать дискриминации на том основании, что как уязвимая группа, хотя и составляющая большинство, им может потребоваться встречаться в группах только для женщин и требоваться такие пространства, как туалеты только для женщин (Victorian Equal Opportunity and Human Rights Commission, n.d.). Это показывает признание женщин как группы, которая нуждается в особом обращении. К сожалению, требования, выдвигаемые трансгендерами с мужским телом и мужчинами кроссдрессерами, поскольку они утверждают, что они «женщины», а не мужчины, направлены на отмену этого признанного исключения для защиты женского пространства. Другие «права» в законопроекте включают «право контролировать и изменять собственное тело» «косметическим, химическим или хирургическим путем», а также право на доступ к медицинскому лечению для достижения этой цели. Косметическая хирургия не рассматривалась феминистками как вопрос прав женщин, а как проблематичная и основанная на подчиненном положении женщин (Haiken, 1997; Sullivan, Deborah A, 2001).

Гендерные права в международном законодательстве

Международный билль о гендерных правах не сразу привел к каким-либо успехам трансгендерных лоббистов в отношении международного права, но формулировки и концепции, которые он выражает, все чаще использовались в кампаниях по изменению внутреннего законодательства в западных странах в последующие десятилетия. До перехода к «гендеру» внутренние законы о том, что понималось как права «транссексуалов», использовали язык пола, а не гендера, и требовали, чтобы лица, желающие изменить свой пол, делали операцию по бесплодию, прежде чем они могли изменить свой статус в документах, таких как свидетельство о рождении. Это изменилось в 2000-х годах, когда понятие «транссексуализм» стало рассматриваться как ограничительное, а переход к гендеру привел к тому, что «гендерные права», охватывающие широкий и неопределенный спектр лиц, были включены в законодательство об изменении статуса и в антидискриминационные законы.

Следующий важный документ, касающийся права на гендерную идентичность, который претендует на статус международного, появился гораздо позже, в Джокьякартских принципах, которые возникли на встрече «выдающейся группы из 29 экспертов по международному праву» в Индонезии в 2006 году и были формализованы в 2007 году (Ettelbrick and Zeran, 2010: 30). Хотя Принципы не были включены ни в одну из конвенций или деклараций ООН, их сторонники утверждают, что они оказали большое влияние в ООН, регулярно цитируясь и используя их в качестве отправной точки (там же). Принципы охватывают половую ориентацию и гендерную идентичность. С точки зрения половой ориентации принципы, похоже, представляют собой важное событие для тех, кто стремится оспорить законы, которые по-прежнему налагают суровые наказания на гомосексуальных людей во многих странах. Они формируют основу для

аргументации в пользу запрета значительной дискриминации и насилия, с которыми сталкиваются лесбиянки и геи, даже там, где гомосексуальность не является незаконным. Проблема с принципами заключается в том, что они добавляют права на «гендерную идентичность» к правам, основанным на половой ориентации. Это загадочное сочетание, учитывая, что гомофобия была такой важной причиной построения идеи транссексуализма и расстройств гендерной идентичности в сексологии конца двадцатого века. Несмотря на это противоречие, основными организациями, выступающими за включение «гендерных прав» в законодательство, являются организации лесбиянок и геев, включая Международную ассоциацию лесбиянок и геев, Национальный центр США по правам лесбиянок (NCLR) и Национальную целевую группу геев и лесбиянок США. Национальный центр США по правам лесбиянок заявляет: «NCLR гордится тем, что стал первой юридической организацией ЛГБТ, которая запустила проект по законодательству о трансгендерах», и позже он стал Центром по законодательству о трансгендерах (NCLR, б/д). Такое развитие событий со стороны предположительно лесбийской организации удивительно, учитывая, что трансгендерность лесбиянок подавляет их лесбиянство, и лишь немногие другие организации посвятили себя упразднению сообщества, которое они представляют (Jeffreys, 2003). Основная американская организация лесбиянок и геев, Национальная целевая группа геев и лесбиянок (NGLTF), также подчеркивает важность прав трансгендеров для своей основной деятельности: «Трансгендерные люди и их проблемы являются основными в нашей работе в Целевой группе. Мы гордимся своей историей как одной из первых национальных ЛГБТ-организаций, включивших трансгендерных людей в свою миссию, начиная с 1997 года» (NGLTF, б/д).

Трансгендерные активисты упорно трудились, чтобы обеспечить поддержку групп лесбиянок и геев, вплоть до того, что заявляли, что гомосексуальность сама по себе является всего лишь формой

трансгендеризма. Филлис Фрай, например, объясняет, что он провел семинар на «Десятой ежегодной конференции по созданию перемен» в Сан-Диего в 1997 году, которую спонсировал NGLTF вместе с Джеймисоном Грином и Шеннон Минтер, «чтобы задать вопрос: «Является ли половая ориентация частью гендерной идентичности?». Он утверждает, что «лесбиянки, геи и бисексуалы на самом деле являются подгруппами и членками более широкого сообщества гендерной идентичности» (Frye, 2000: 154–155). Эта идея повторяется снова в отчете о «трансгендерных людях» в Великобритании: «Существует веский аргумент, что многие гомофобные преступления на самом деле являются трансфобными, поскольку именно гендерная презентация человека привлекает внимание в общественных местах, а не предварительное знание его половой ориентации» (Whittle et al., 2007: 55). Похоже, это принцип идеологии трансгендерных активистов, призванный убедить группы лесбиянок и геев увидеть общность интересов.

Еще одной серьезной проблемой Джокьякартских принципов является запутанное понятие «гендера», которое пронизывает документ и на котором основано его определение «половой ориентации»: «Половая ориентация понимается как относящаяся к способности каждой человека к глубокому эмоциональному, нежному и половому влечению и интимным и половым отношениям с лицами другого гендера или того же гендера или более чем одного гендера» (International Panel of Experts, 2007: note 1). Лесбиянки и геи, которые отвергают идею ролевых игр, будут иметь проблемы с этим предположением, что гомосексуальные люди испытывают влечение к людям на основе того же «гендера», а не того же пола. Некоторые могут отвергнуть идею о том, что у них есть «гендер», и, безусловно, быть обеспокоены тем, почему их следует считать привлекательными для человека на основе проявления мужественности или женственности. Беспокоит, что эта степень глубокой путаницы лежит в основе кампании даже лесбийских и гей-организаций за «гендерные» права. Определение «гендерной идентичности» в

Принципах широкое и расплывчатое и отражает квир и трансгендерную теорию и эссенциалистские представления о гендере:

Глубоко прочувствованный внутренний и индивидуальный гендерный опыт каждой человека, который может соответствовать или не соответствовать полу, приписанному при рождении, включая личное ощущение тела (которое может включать, при свободном выборе, изменение внешнего вида или функций тела медицинскими, хирургическими или иными способами) и другие проявления гендера, включая одежду, речь и манеры (International Panel of Experts, 2007: 6).

В Принципах категория «пол» полностью опущена в пользу «гендера». Они заявляют, что «насилие, притеснение, дискриминация, исключение, стигматизация» «направлены против людей во всех регионах мира из-за их половой ориентации или гендерной идентичности, что эти переживания усугубляются дискриминацией по признакам, включая гендер, расу, возраст, религию, инвалидность, здоровье и экономическое положение». Пол не появляется в этом описании, и в результате женщины вычеркиваются, поскольку дискриминация в отношении женщин начинается в утробе матери и не связана с «гендером». В феминистском и социальном конструктивистском понимании гендер является результатом и проявлением подчинения женщин как половой касты, а не причиной этого.

Тот факт, что «гендерная идентичность» все чаще определяется как передвижной праздник, может создать трудности при толковании этих правовых принципов. Крупное исследование тех, кто идентифицирует себя как «транс» в Великобритании в 2007 году, признало, что трансгендеризм не представляет собой определенную категорию, заявив, что «категории трансвестит, трансгендер и транссексуал обычно понимаются как дискретные. Это исследование показало, что трансгендерные люди имеют сложную гендерную идентичность, часто переходя из одной

категории «транс» в другую с течением времени» (Whittle et al., 2007: 14). Опрос показал, что 44 процента респондентов, не живущих постоянно в своем «предпочитаемом гендере», «намереваются сделать это в будущем», и это «имеет последствия для действующего законодательства, которое предлагает некоторую правовую защиту только для тех, кто понимается как транссексуал» (там же). Можно ожидать, что такая степень гибкости создаст трудности для законодателей, поскольку она подразумевает, что право считаться «женщиной» в законе, как обычно трактуется «гендерная идентичность», может быть использовано мужчинами, которые «одеваются» время от времени или только по выходным. Для женщин, конечно, их статус половой касты является постоянным и пожизненным состоянием.

Несмотря на свою проблематичную и запутанную природу, Джокьякартские принципы рассматриваются как очень важное достижение в области прав человека (Ettelbrick and Zeran, 2010; O'Flaherty and Fisher, 2008). Хотя они не являются обязательными в международном праве, они были поняты как «авторитетное толкование международного права» (Ettelbrick and Zeran, 2010: 11) и «катапультировали обсуждение и действия по правам человека, связанным с половой ориентацией и гендерной идентичностью, на новые высоты в Организации Объединенных Наций», и они «предоставляют важную универсальную точку определения» для «сотен научных работ, законопроектов, резолюций и других документов» (Ettelbrick and Zeran, 2010: 13). Human Rights Watch называет их «новаторским набором принципов по вопросам половой ориентации, гендерной идентичности и международного права... знаменательным достижением в борьбе за основные права человека, а также за гендерное равенство» (Human Rights Watch, 2007). К сожалению, «гендерное равенство» невозможно, поскольку «гендер» — это иерархия, но это предположение Human Rights Watch о том, что Принципы каким-то образом дадут преимущество женщинам, показывает серьезную путаницу, которую язык гендера создал в сообществе по правам человека.

Присоединение права на «гендер» к правам лесбиянок и геев приводит к тому, что любые успехи в области прав лесбиянок и геев также усугубляют столкновение прав, которое идея права на гендер создает для женщин. Это крайне прискорбно, поскольку нет сомнений в том, что продвижение прав лесбиянок и геев имеет огромное значение.

Примером влияния Принципов на политиков может служить отчет 2011 года из офиса Генерального директора по вопросам юстиции Европейской комиссии, в котором излагается важность устранения дискриминации по признаку «пола, гендерной идентичности и гендерного выражения» (Agius and Tobler, 2011). Отчет, который, вероятно, будет иметь влияние, поскольку он исходит из такого источника, основан на всех проблемных и запутанных понятиях, общих для дискурса квир-теории о гендере. В нем говорится, что «негативное отношение к трансгендерам и интерсексуалам» часто «напрямую связано с важностью, которую определенное общество придает бинарной гендерной модели, а также с уровнями гендерных стереотипов, сексизма и гендерного неравенства, которые существуют в нем» (Agius and Tobler, 2011: 5).

Феминистский анализ несколько отличается и понимает «гендерную бинарность» и неравенство, основанное на биологическом поле, как причину самой концепции «гендерной идентичности», которую отчет стремится защитить. Определение «трансгендера» в отчете настолько широко, что почти бессмысленно:

Действительно, термин «транс» является обобщающим термином, который включает в себя, помимо прочего, мужчин и женщин с транссексуальным прошлым и людей, которые идентифицируют себя как транссексуалы, трансгендеры, транвеститы/трансвеститы, андрогинные, полигендерные, гендерквиры, агендеры, гендерные варианты или с любой другой гендерной идентичностью и гендерным выражением, которое не является стандартным мужским или женским, и которые выражают свой гендер через

выбор одежды, внешность, модификации тела, включая прохождение множественных хирургических процедур (там же).

Одна группа людей, которая не включена, — это довольно большая группа, которая вообще избегает гендера и отказывается подчиняться любым социальным требованиям демонстрировать определенный гендер на своей персоне, многие из которых, но не все, являются лесбиянками или геями. Они не «трансы», потому что не фетишизируют гендер в какой-либо форме, а просто предпочитают жить без него.

Последствия включения гендерных стереотипов в законодательство

Есть два тревожных последствия включения защиты «гендера» в закон, которые будут рассмотрены здесь посредством изучения двух предположительно новаторских примеров правовых изменений: Закона Великобритании о признании гендера 2004 года и Австралийской поправки к Закону о дискриминации по признаку пола 2013 года. Первое следствие заключается в том, что когда гендер прописан в законе, это создает правовую защиту традиционных гендерных стереотипов, которые берут начало в системе половых каст. Второе заключается в том, что растущая неопределенность категории «гендер» позволяет мужчинам получить защиту закона за их выдачу себя за женщин, даже когда они физически целы и, следовательно, способны как изнасиловать, так и оплодотворить женщин и девочек, и когда они являются лишь случайными кроссдрессерами. В то время как раньше «транссексуалам» требовалось иметь диагноз расстройства гендерной идентичности, пройти реальный тест на жизнь в качестве противоположного пола и пройти физическое лечение для изменения своего тела, лицам, претендующим на защиту своей «гендерной идентичности», не нужно доказывать ничего из этого. Во многих странах признание изменения пола или гендера по-

прежнему требует доказательств лечения расстройства гендерной идентичности, но это меняется. По мере расширения определения тех, кто нуждается в защите своих «гендерных прав», создается национальное законодательство, которое следует более широкой «депатологизирующей» модели. Продолжающаяся кампания трансгендерных активистов, направленная на признание измененного статуса половой касты без какой-либо диагностики или лечения, в настоящее время ведется и добивается значительных успехов. Закон о признании гендера 2004 года в Великобритании по-прежнему требует диагноза, но он избегает лечения как критерия для получения сертификата об изменении статуса. Это яркий пример перехода к «гендеру» в законодательстве; и путаница вокруг «гендера», в которой погряз Закон, приводит к некоторым странным результатам (Jeffreys, 2008).

Закон Великобритании о признании гендера 2004 года.

Закон о признании гендера (GRA) 2004 года в Великобритании был радикальным для своего времени. Закон Великобритании идет дальше, чем в других странах, позволяя трансгендерам, прошедшим хирургическое лечение, получать новые свидетельства о рождении и права их, как говорит GRA, «приобретенного гендера». Конечно, не существует такого понятия, как не приобретенный пол, но законодательство и парламентские дебаты того времени колебались между восприятием «гендера» как просто еще одного слова для пола и восприятием его как социально сконструированного. Закон необычен тем, что позволяет трансгендерам, не прошедшим ни хирургического, ни гормонального лечения, получить признание в своем новом «гендере». В законодательстве используется термин «гендер», а не «пол». Хотя закон, по-видимому, касается «гендера», предмета,

который феминистки обычно считали своей собственной политической территорией, ни одна женская или феминистская группа не подала никаких заявлений в преддверии этого закона. Целый разговор о том, что представляет собой пол и гендер, и что, например, такое женщина, включая создание законодательства, имеющего значительные социальные и политические последствия для женщин, происходил за кулисами, как будто участие женщин или феминисток в обсуждении этих вопросов не входило в их обязанности.

Закон является детищем международного движения трансгендерных активистов, представленного в Великобритании такими организациями, как Press for Change (PFC), Gender Trust и FTM Network. Социальная приемлемость трансгендеризма в настоящее время подтверждается тем фактом, что два главных активиста из PFC, Кристин Бернс и Стивен Уиттл, были награждены MBE и OBE соответственно за их усилия по проведению кампаний за права трансгендеров и в пользу GRA. Акт 2004 года призван «предусмотреть и в связи с изменением гендера» (GRA, 2004). Акт определяет «приобретенный гендер» как «гендер, на который человека изменилась» или «гендер, в котором человека живет». Согласно Закону, лица, подающие заявление на «признание» своего «приобретенного гендера», должны предстать перед комиссией, которая решит, «признавать» их или нет. Комиссия должна удовлетворить заявление, если заявительница соответствует следующим условиям: онв должна иметь или имела «гендерную дисфорию»; пройти то, что обычно называется тестом «реальной жизни», то есть прожить в приобретенном гендере в течение двух лет, заканчивающихся датой подачи заявления; и намереваться «продолжать жить в приобретенном гендере до самой смерти». Хотя проблема сожаления трансгендерок и трудности, с которыми сталкиваются претендентки, обещающие не менять своего мнения, поднимались в парламентских дебатах, ни одна из них не была сочтена подрывающей дух законодательства, основанного на идее, что «настоящие» трансгендерки могут быть

признаны и что сожалений не бывает. Не было создано никакого механизма, позволяющего тем, кто «признана» в соответствии с законом, возвращаться и получать новый сертификат или серию сертификатов в последующие годы каждый раз, когда они меняли свою гендерную идентичность.

Заявительница должна предоставить доказательства своего «приобретенного гендера» в форме либо «отчета, составленного зарегистрированным врачом, практикующей в области гендерной дисфории, и отчета, составленного другой зарегистрированной врачом», либо «отчета, составленного дипломированным психологом, практикующим в этой области, и отчета, составленного зарегистрированной врачом» (GRA: Статья 3). В отличие от законодательства такого рода в других местах, оно не требует, чтобы заявительницы прошли медицинское лечение в виде гормонов или хирургического вмешательства, и это может привести к некоторым своеобразным последствиям. Это создает новую ситуацию, в которой нетронутая женщина может стать юридически мужчиной и может родить и воспитать ребенка как «отец», хотя, согласно законодательству Великобритании, в свидетельстве о рождении должно быть указано, что лицо, родившее ребенка, является «матерью», а не «отцом». Это также создает ситуацию, в которой мужчина может с помощью сертификата, признающего его женщиной, войти в помещения, предназначенные только для женщин, что и произошло в отношении женских тюрем в Великобритании, как мы увидим далее в этой главе. Эта проблема безопасности женщин усугубляется тем фактом, что такой мужчина может быть физически здоров.

Хотя закон о признании гендера был радикальным для своего времени, поскольку не требовал медикаментозного или хирургического лечения для получения сертификата об изменении «гендера», международная кампания и обсуждение прав трансгендеров значительно продвинулись в последующее

десятилетие. Это становится ясно из изучения австралийской поправки к закону о дискриминации по половому признаку 2013 года, где «гендерная идентичность» определяется настолько широко, что представляет собой просто внешность или «манеры» и не упоминает ни диагноз, ни лечение. В этом законодательстве гендерная идентичность — это просто вопрос личного выбора и, потенциально, может меняться от одного момента к другому.

Поправка к Закону Австралии о дискриминации по признаку пола 2013 г

Изменение законодательства для включения гендерных прав происходит быстро и развивается в соответствии с подходом к гендеру в рамках квир-теории. Поправка 2013 года к федеральному Закону о дискриминации по половому признаку в Австралии добавляет категории половой ориентации, гендерной идентичности и интерсексуальности к категориям, защищенным от дискриминации (Parliament of the Commonwealth of Australia, 2013a). Это заходит так далеко, что подразумевает, что у каждой есть гендер, и позволяет, в рамках «гендерной идентичности», людям быть «ни мужчинами, ни женщинами» (Parliament of the Commonwealth of Australia, 2013b). Определение «гендерной идентичности» очень широкое и не требует диагностики или лечения, или какого-либо периода, в течение которого претендентка должна жить в соответствии с гендером, к которому она стремится, и, по-видимому, облегчает любой человеку заявлять о «гендерной идентичности» на временной или случайной основе: «гендерная идентичность означает гендерную идентичность, внешность или манеры или другие гендерные характеристики человека (будь то посредством медицинского вмешательства или нет), с учетом или без учета пола, указанного при рождении» (Parliament of the Commonwealth of Australia, 2013a: 6, Subsection 4 (1)). Интересно поразмышлять о том, что

подразумевается под «манерностью», которая, возможно, может включать в себя поведение откидывания волос, которое две женщины в главе 4 описывают как перенятое их мужьями, когда они стали трансгендерами. Это включение в закон таких тонко калиброванных мер социально сконструированной мужественности и женственности является новым событием. Законодательство подразумевает, что каждая будет иметь «гендерную идентичность», определяя дискриминацию по признаку гендерной идентичности как происходящую, когда «дискриминатор относится к пострадавшему лицу менее благосклонно, чем при обстоятельствах, которые являются такими же или не являются существенно различными, дискриминатор относится или относился бы к человеку, имеющему другую гендерную идентичность» (Parliament of the Commonwealth of Australia, 2013a: 5B). Не предусмотрено использование в качестве сравнения человека, не обладающей «гендерной идентичностью» и фактически не верящую в таковую. Таким образом, австралийское государство теперь создало предположение, что у каждого есть гендерная идентичность, и обладание таким качеством, похоже, стало обязательным и неизбежным.

Поправка открывает новые горизонты, допуская возможность того, что человека не может идентифицировать себя как мужчина или женщина. Согласно Пояснительной записке, которая сопровождает законодательство, определение «гендерной идентичности» «обеспечивает максимальную защиту для людей с различными гендерами», термин, который вводит новый уровень неясности, поскольку идея «гендера» относится к системе, в которой существует только два пола, мужественность для мужчин, доминирующей половой касты, и женственность для женщин, подчиненной половой касты; разнообразие не применяется (Parliament of the Commonwealth of Australia, 2013b:Article 11). Определение включает в себя способ, которым «человека выражает или представляет свой гендер и признает, что человека не может идентифицировать себя ни как мужчину, ни как

женщину». Однако, независимо от того, «идентифицирует» ли человека себя или нет, если только она не интерсекс, она будет биологически женщиной или мужчиной, поэтому законодательство позволяет государству защищать фантазийную жизнь граждан. Вполне вероятно, что категория «ни то, ни другое» сразу же окажется наиболее полезной для австралийки, которая выиграла решение в суде Нового Южного Уэльса как раз в тот момент, когда поправка достигла финальной стадии прохождения через законодательный орган, и она могла изменить свое свидетельство о рождении, чтобы признать её «ни мужчиной, ни женщиной» (Bibby, 2013). Это решение празднуется как новаторское. На самом деле Норри Мэй Уэлби — мужчина, который стал трансгендером в возрасте двадцати восьми лет, а затем пожалел о своем решении, но решил не идентифицировать себя как мужчину, хотя он больше не считает себя женщиной. Вероятно, это потому, что ему ампутировали яички, и он, как он сам говорит, «евнух» (ABC, 2003). Он мужчина, который начинал как гей драг-артист до SRS, а затем, чтобы выжить финансово, занимался проституцией с мужчинами (там же). Ситуация Уэлби предполагает, что закону придется постоянно развиваться, на разовой основе, чтобы в первую очередь учитывать дисфункцию, вызванную медицинским и социальным признанием трансгендеризма. Хотя интерсекс люди могут разумно заявить, что они «ни мужчины, ни женщины», это не относится к таким мужчинам, как Норри Уэлби, которые, вероятно, являются однозначно биологически мужчинами, но пострадали от конфискации их гениталий медицинскими работниками, имеющими лицензию государства.

После того, как они признали юридическую силу «гендерных прав», законодатели обнаружили, что им приходится создавать все более и более неопределенные и запутанные формулировки и концепции. Существует скользкий путь к бессмысленности, например, позволяя лицам, которые биологически являются женщинами или мужчинами, реализовывать свои фантазии, которыми они не являются, с одобрения государства. Полные

последствия такого законодательства для прав женщин будут разъяснены в прецедентном праве в ближайшие годы, но в некоторых юрисдикциях решения принимаются под эгидой «гендерных прав», что явно весьма проблематично для прав женщин на достоинство и безопасность. В следующем разделе главы будут рассмотрены последствия предоставления мужчинам возможности осуществлять свои «гендерные права» для входа в места, в которых женщины особенно уязвимы, — женские туалеты и женские тюрьмы.

Туалеты только для женщин и право на достоинство

Достоинство является важным принципом в законодательстве о правах человека. Всеобщая декларация прав человека начинается словами: «Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и мира во всем мире» (United Nations, 1948). Вход лиц с мужским телом в женские туалеты происходит все чаще, в частности, в Соединенных Штатах, и успешно оправдывается ссылкой на гендерные права. Это подвергает женщин потенциальному ряду половых домогательного поведения со стороны мужчин, что нарушает право женщин на человеческое достоинство. Широкие формулировки последних документов, касающихся гендерных прав, создают возможность того, что как «транссексуалы» старого образца, прошедшие операцию по смене пола, так и кроссдрессеры, занимающиеся своим хобби в определенные дни или выходные, смогут пользоваться женскими туалетами.

Исторически на Западе наличие туалетов только для женщин было важной феминистской целью и непременным условием женского равенства (Penner, 2001). Женщины не могут выходить на работу или посещать общественные места без доступа к безопасным туалетам. Это по-прежнему остается весьма серьезной проблемой

в таких странах, как Индия, где проводятся кампании по правам человека за право на женские туалеты, чтобы девочки могли ходить в школу, а также чтобы женщины могли избежать полового насилия, которому они подвергаются, когда им приходится испражняться или мочиться в полях или общественных местах (Yardley, 2012). Однако в настоящее время на Западе, похоже, такие удобства, которые так важны для благополучия и возможностей женщин, находятся под угрозой из-за требований мужчин, которые переодеваются, чтобы получить к ним доступ.

Создание «права» для мужчин входить в женские туалеты потенциально имеет ряд негативных последствий, таких как удержание женщин от их использования, создание потенциальных проблем со здоровьем и принуждение женщин к интимной близости с мужчинами, некоторые из которых явно заинтересованы в половом возбуждении, которое они могут получить, нарушив право женщин на человеческое достоинство в таких местах. Опасность для достоинства и безопасности женщин, которую может повлечь за собой такое проникновение, иллюстрируется значительным количеством порнографии, свободно доступной в интернете, в которой мужчины демонстрируют и обмениваются фотографиями, которые они сделали украдкой, с помощью скрытых камер, женщин в туалетах и раздевалках, испражняющихся и мочащихся или голых в душе. Этот материал является подвидом жанра порнографии, более обычно называемого «upskirts» (под юбкой), что является названием, которое мужчины потребители порно дают практике фотографирования женских юбок без их ведома. Мужчины делают это, используя камеры на носках своих ботинок на эскалаторах, размещая камеры в сумках, которые они кладут на пол рядом с женщинами, и, в частности, размещая скрытые камеры в женских туалетах и душевых. Феномен подглядывания под юбку был признан ответвлением технологии мобильных телефонов, которая делает возможной новую форму половых домогательств и насилия в отношении женщин, и обеспокоенность по этому поводу привела

к введению нового законодательства в нескольких странах для решения этой проблемы (Powell, 2009). Мужчины, которые занимаются подглядыванием под юбку, представляют собой разнообразную группу, включая фанатов тенниса на Открытом чемпионате Австралии (там же), школьников, которые выложили в интернет видеозапись учительницы (Epstein, 2012), и даже уролога. В случае, произошедшем в Нью-Йорке в августе 2012 года, уважаемый уролог расширил свой профессиональный интерес в новом направлении и был арестован за съемку юбки женщины на платформе вокзала (Newcomb, 2012). Эта форма вуайеризма включает в себя прямое воздействие на выделительную функцию женщин для наблюдения, съемки и звукозаписи.

Преступники, которые нападают на женщин, чтобы получить удовольствие от попраания их достоинства таким образом, включают мужчин, которые одеваются в женскую одежду. Существует удивительное количество случаев, когда мужчины в женской одежде были арестованы за поведение в женских туалетах, которое наносит вред женщинам. Диапазон действий, которые они совершают, включает тайное фотографирование женщин, пользующихся туалетами и душевыми, подглядывание за женщинами из соседних кабинок или из-под разделителей кабинок, требование, чтобы женщины признали их как женщин, и проявление агрессии, если женщины этого не делают, и заманивание детей в женские туалеты для полового насилия. Невозможно узнать, являются ли эти мужчины транссексуалами или трансгендерами, или просто мужчинами, которые переодеваются в женскую одежду, чтобы облегчить себе доступ к женщинам и детям, но проблема с разрешением мужчинам заходить в женские туалеты сохраняется в обоих случаях. На сайте GenderTrender есть полезный список таких арестов за последние несколько лет (GenderTrender, 2011a). В британском случае мужчина, одетый как «манекен с маской и париком», вошел в кабинку женского туалета в торговом центре, где он «совершил» неуказанный «половой акт» (The Telegraph, 2011).

Двадцатидвухлетний мужчина сообщил полиции, что «нашел звук женщин в туалете сексуально возбуждающим», и он снимал женские ноги из-под дверей кабинки на свой мобильный телефон и записал звук смыва унитаза. В другом случае мужчина, одетый как женщина, был замечен подглядывающим за женщинами и фотографирующим их на мобильный телефон в женской раздевалке Калифорнийского университета в Беркли (Rufus, 2010). В случае из Литл-Рока, Арканзас, тридцатидевятилетний мужчина, одетый в женскую одежду, был арестован после того, как обнажился и мастурбировал перед тремя детьми, пытаясь заманить их в женский туалет (Newport TV, 2010). У него была долгая история непристойного поведения. В мае 2013 года в Калифорнии был арестован мужчина в «женской» одежде, который использовал скрытую камеру, чтобы снимать женщин в женских туалетах (Daily News, 2013). Конечно, нет никакого параллельного поведения со стороны женщин, которые пытаются войти в мужские туалеты, чтобы заснять их использование, и мужчинам не нужны отдельные по половому признаку туалеты, чтобы защитить свое достоинство и безопасность, как это нужно женщинам.

Столкновение прав, которое создает право на защиту «гендерной идентичности», особенно очевидно в деле Коллин Фрэнсис в Соединенных Штатах в октябре 2012 года. В этом деле Фрэнсис, сорокапятилетний человек, рожденный мужчиной, трижды женатый, отец пятерых детей, обладающий нетронутыми мужскими гениталиями и живший как мужчина до 2009 года, установил право пользоваться сауной в женской раздевалке в Evergreen State College (Golgowski, 2012). Раздевалкой пользуются девочки из двух соседних средних школ, и некоторые родительницы жаловались, что этот человек с мужским телом был голым в раздевалке в присутствии их девочек. Колледж заявил, что он должен был юридически защитить право Коллин быть голым в женской раздевалке, направил девочек в меньшее, менее подходящее помещение, а затем повесил занавеску в главной раздевалке, сказав, что девочки могут переодеваться за ней. Право

Фрэнсиса на «гендерную идентичность» превзошло права тех, кто родилась и выросла женщиной. Описанные здесь случаи представляют собой лишь часть тех, что перечислены в блогах транскритических феминисток. Более того, сообщенные случаи, вероятно, представляют собой вершину айсберга этой формы оскорбления со стороны мужчин, поскольку обычно женщины не знают, что их записывают или за ними наблюдают. Право мужчин кроссдрессеров пользоваться женскими туалетами поддерживается якобы прогрессивным альянсом теоретиков и активистов квир-движения, которые утверждают, что отдельные по половому признаку туалеты не нужны и безвозвратно устарели. Одной из таких является Шейла Кавана из Йоркского университета, авторка книги «Queering Bathrooms» (2010). Она высмеивает идею о том, что «трансгендерные люди» могут быть насильниками, и говорит, что были,

(насколько мне известно) нет сообщений о том, что трансгендер физически или сексуально нападает на цисгендерную (не транс) посетительницу в туалете. Как будто туалет стал символом опасности, вызываемым теми, кто не может логически обосновать свое несогласие с транс-инклюзивным законодательством (Cavanagh, 2011: 18).

Однако существует множество доказательств того, что мужчины проявляют насилие по отношению к женщинам, в разных культурах и на протяжении всей истории (Romito, 2008), и нет никаких веских причин, по которым мужчины, одевающиеся в женскую одежду, будут вести себя по-другому. Фактически, как мы видели выше, существуют значительные доказательства того, что есть мужчины, которые, будь то просто переодетые или «трансгендерные», действительно проявляют насилие по отношению к женщинам в таких местах, как туалеты, и такие выражения презрения и насмешки по отношению к тем, кто указывает на такую неудобную правду, не могут ее отрицать.

Каванаг выступает за дегендерные туалеты и заявляет: «Гендерно-инклюзивные и роскошные туалеты — это стоящий проект для 21 века» (Cavanagh, 2011: 20). К сожалению, этот аргумент, который выдвигается в целях защиты прав трансгендеров, начинает набирать силу не только в изысканном мире квир-теории, но и в политике местного самоуправления. В 2013 году городской совет Брайтона и Хоува в Великобритании объявил о своем намерении дегендеризировать свои общественные туалеты (Ward, 2013). Совет заявляет, что он хочет продвигать «гендерную нейтральность» и «строить объекты, которые открыты для всех, независимо от пола». Эта инициатива должна была начаться со строительства блока с четырьмя новыми туалетами и кафе. На дверях туалетов будут изображения мужчины, женщины и ребенка. Совет высказал мнение, что такие объекты будут «более доступными для тех, кто не идентифицирует себя с бинарностью «мужчина-женщина» (там же). Впоследствии туалеты для одного пола будут постепенно упразднены. Эта политика является ответом на требование рабочей группы Совета, созданной для изучения «проблем, с которыми сталкиваются трансгендерные жительницы» города. Группа, «Комиссия по контролю за равенством трансгендеров», также рекомендовала запретить названия, относящиеся к гендеру, такие как «МР», «МРС», «Мисс» и «МС», чтобы не оскорблять трансгендерное сообщество и не заставлять их «выбирать между гендерами». Советники Партии зеленых поддержали этот план, и, что интересно, именно советники с консервативной стороны политики должны были указать, что это является нарушением права женщин на безопасность. Советник из оппозиционной группы тори утверждал, что «местные жительницы, особенно женщины с детьми, предпочли бы использовать отдельные помещения, поскольку, помимо всего прочего, это безопаснее» (там же).

Трансгендерность и тюремная система

Женские туалеты — не единственное изолированное пространство, в котором женщины особенно уязвимы для проникновения мужчин, стремящихся реализовать свои «гендерные права». Женские тюрьмы — еще одно пространство, в которое они стремятся получить законное право войти, и это яркий пример столкновения прав, которое возникает, когда права мужчин выдавать себя за женщин ставятся выше прав женщин. Мужчины заключенные в западных странах успешно используют законы о правах человека, чтобы получить доступ к лечению трансгендеров за государственный счет в тюрьме и право на последующий перевод в женскую тюрьму. Мужчины, которым предоставлено право жить рядом с женщинами в тюрьме, включают некоторых из тех, кто представляет наибольшую опасность для безопасности женщин, — мужчин, осужденных за тяжкие насильственные преступления, включая убийство женщин. Мужчины-трансгендеры более склонны к преступному поведению, чем другие мужчины. Исследования, проведенные в Соединенных Штатах, показывают, что 21 процент мужчин-трансгендеров были отправлены в тюрьму по любой причине, что контрастирует с 2,7 процентами от общего населения Америки (Grant et al., 2011). Хотя требования «трансгендерных» заключенных по-прежнему отклоняются в некоторых юрисдикциях, они становятся все более успешными, получая хорошую поддержку со стороны гей-организаций и крупных юридических фирм.

В Австралии трансгендерность заключенных пока не является обычной процедурой. Если бы это было так, то одним из кандидатов был бы австралийский серийный убийца Пол Деньер. Деньер убил трех молодых женщин в пригороде Мельбурна Бейсайд в течение семи недель в 1993 году. Во время своего заключения он пытался «носить макияж в тюрьме, сменить пол за счет налогоплательщиков и официально изменить свое имя по акту о регистрации на Паулу» (Dunn, 2012). Ему отказали, и в июле 2012

года он продемонстрировал поведение, которое показало, насколько он на самом деле не похож на женщину. Сообщалось, что полиция расследует четыре предполагаемых изнасилования, совершенных Денером мужчин с ограниченными интеллектуальными возможностями, которые были его сокамерниками. Дело Денайера действительно иллюстрирует проблемы, которые могут возникнуть в результате признания жестоких мужчин-преступников «женщинами» и их перевода в женские учреждения. Нет никаких причин, по которым вера в то, что они «женщины», изменит склонность таких мужчин к участию в форме полового насилия, которая является конкретно и явно мужской. В другом австралийском случае в 2012 году Дереку Лулу Синдену было отказано в разрешении в судах Квинсленда начать гормональное лечение расстройства гендерной идентичности. Департамент исправительных учреждений Квинсленда утверждал, что отказ соответствовал его политике поставки гормонов только тем мужчинам, которые начали принимать их до попадания в тюремную систему (Smith, 2012). Синден был признан виновным в нападении на 71-летнюю Берил Грейс Браун в апреле 1999 года в ее доме, в результате чего она перенесла сердечный приступ и смертельный инсульт.

Хотя в Соединенных Штатах все еще существует сопротивление разрешению мужчинам-заключенным становиться трансгендерами, судебные решения 2011 и 2012 годов установили права мужчин-заключенных на доступ к лечению трансгендерности в форме как гормонов, так и хирургии. В знаковом деле 2011 года мужчина, у которого была серьезная история половых преступлений против девочек, добился права на гормональное лечение в тюрьме (McDermott et al., 2011). Сэнди Баттиста начал проявлять насилие в отношении девочек в раннем возрасте. Мать Баттисты была убита его отцом, когда ему было шесть лет, и он, как утверждается, подвергся половому насилию, находясь под опекой своих бабушки и дедушки. Когда ему было четырнадцать, он напал на шестилетнюю девочку, а год спустя взял с собой в лес еще одну

девочку, но не напал на нее. В деле 1986 года Баттиста был пойман за совершением непристойных телефонных звонков молодым девушкам, которых он выбирал из местных газет, а десятилетие спустя Баттиста был наказан за хранение фотографий молодых девушек в своей тюремной камере. В 1997 году ему поставили диагноз расстройства гендерной идентичности. Юридическая фирма McDermott Will & Emery, которая начала представлять интересы Батисты в его деле против властей за то, что они не разрешили ему трансгендерное лечение, с гордостью объявила на своем веб-сайте, что они добились успеха в том, что они считают важной победой в области прав человека, а именно, позволили ему пройти гормональное лечение. Судья по этому делу в 2011 году постановил, что отказ в лечении Баттисты будет представлять собой «жестокое и необычное наказание, которое заключается в пренебрежении ее серьезными медицинскими потребностями» (там же). Этот прецедент был использован в деле другого жестокого заключенного-мужчины в Соединенных Штатах в 2012 году, который добивался права не только на гормоны, но и на финансируемую государством операцию по смене пола (Lavoie, 2012). Роберт Косилев убил свою жену Шерил в 1990 году и жил как женщина и принимал гормоны, находясь в мужской тюрьме во время исторического решения суда. Это дело является первым, в котором федеральный судья Марк Вулф приказал тюремным служащим провести операцию по смене пола для заключенного-трансгендера. Судья постановил, что операция по смене пола была единственным способом лечения «ее» «серьезной медицинской потребности». Ожидается, что это решение создаст прецедент для других мужчин, добивающихся смены пола в тюрьме.

Вопрос перевода в женскую тюрьму переплетается с такими решениями, и это «право» было установлено в Великобритании в судебном деле в 2009 году, когда была успешная апелляция неназванного заключенного-мужчины о переводе в женскую тюрьму. Проситель в этом деле был признан виновным в 2001 году в непредумышленном убийстве своего любовника, которого

задушили парой колготок, предположительно за отказ оплатить операцию по смене пола убийцы. Его приговорили к пяти годам тюремного заключения. Через пять дней после освобождения он попытался изнасиловать незнакомку и был отправлен обратно в тюрьму. Чтобы сделать операцию по смене пола, заключенному сказали, что он должен пройти испытание реальной жизнью, то есть два года прожить как женщина, что требовало перевода в женскую тюрьму. Он подал апелляцию в соответствии с Европейской конвенцией о правах человека, чтобы ему разрешили такой перевод. Его адвокат сообщил суду, что все преступления были связаны с «отчаянием стать женщиной». Судья заявил, что «ее продолжающееся содержание в мужской тюрьме является нарушением ее прав, предусмотренных статьей 8 [право на частную и семейную жизнь]» Конвенции. Адвокат мужчины Филиппа Кауфманн назвала мужчину женщиной и сказала: «Она живет как женщина среди мужчин в уязвимом блоке заключенных и не может носить то, что хочет, или что-то большее, чем легкий макияж. Они являются важным заявлением о ее женственности» (Аллен, 2009). Женщинам в тюрьме, где он будет содержаться, не сообщат о его личности или о его правонарушении (там же). Здесь есть явное столкновение прав, в котором право мужчины пользоваться косметикой и содержаться вместе с уязвимыми женщинами, находящимися в заключении, перевешивает право этих женщин на защиту от агрессивных мужчин. Понятие прав человека таким образом унижается.

В ответ на это решение в марте 2011 года были выпущены новые руководящие принципы обращения с заключенными, желающими сменить пол в тюрьмах Великобритании, которые позволили заключенным проходить лечение и размещаться в женских тюрьмах. В руководящих принципах говорится:

Транссексуалу, сменившему пол с мужского на женский, имеющему сертификат о признании пола, может быть отказано в размещении в женском поместье только по соображениям

безопасности — другими словами, только в том случае, если будет доказано, что другие женщины с эквивалентным профилем безопасности также будут содержаться в мужском поместье (Ministry of Justice, 2011).

Характер преступления мужчины и степень, в которой он представляет опасность для женщин-заключенных, здесь не рассматриваются, признается только право мужчины выдавать себя за женщин, находясь в компании женщин. Интеграция мужчин, выдающих себя за женщин, в женские тюрьмы может быть поставлена под угрозу из-за их отторжения женщинами-заключенными. В Италии это было названо причиной создания тюрьмы специально для трансгендеров в 2010 году (Melloy, 2010). Это дорогое и сложное решение, но оно необходимо в ответ на проблему, заключающуюся в том, что, хотя закон признает этих мужчин женщинами, настоящие женщины этого не делают. Аурелио Манкузо, президент итальянской организации ЛГБТ Arcigay, объяснил: «Совместное содержание трансгендеров и мужчин-заключенных особенно проблематично. Но их отношения с женщинами-заключенными также далеки от простых. Женщины просто не считают их женщинами» (там же).

Проблемы, которые могут возникнуть при размещении мужчины в женской тюрьме, стали очевидны в канадском случае в 2005 году, когда агрессивного транссексуала пришлось отстранить от свободного общения в женской тюрьме, в которую он был помещен на основании его прав человека, из-за его агрессивного поведения, которое включало угрозы персоналу и вандализм в здании (Bhardwaj, 2005). Ричард Каванаг, который называет себя Синтия, был помещен в безопасное учреждение в женской тюрьме. Каванаг был приговорен к пожизненному заключению без возможности условно-досрочного освобождения в течение двадцати пяти лет за убийство молотком в Торонто в 1987 году двадцатитрехлетней проституированной женщины трансгендерки Лео Джеймса Блэка, также известную как Лиза Джанна Блэк. В 1999

году он пожаловался в Канадскую комиссию по правам человека, что отказ в гормональной терапии и хирургии является дискриминацией по отношению к нему. Затем исправительные службы Канады пересмотрели свои руководящие принципы, чтобы разрешить хирургическое вмешательство пациентам, которые соответствовали определенным критериям, и это было воспринято как знаковое решение в то время. Интересно, что последующее поведение Каванаха не рассматривалось как причина для исключения мужчин из женских тюрем, а как причина для создания отдельного учреждения для агрессивных «женщин». Кевин Грабовски из Союза канадских исправительных учреждений сказал, что случай Каванага иллюстрирует, что исправительной службе необходимо создать специальное отделение для женщин правонарушительниц, совершивших насилие, как это уже есть для мужчин, но, конечно, эти мужчины, которые стали трансгендерами, на самом деле вовсе не являются женщинами. Двусмысленность, требуемая в знак уважения к идее «гендерных прав», может быть довольно сложной. Как показывает случай Каванага, мужчины, которые выдают себя за женщин, потенциально опасны не только для женщин, но и для других мужчин, которые выдают себя за женщин.

В другом случае, когда мужчина, находившийся в процессе «перехода», убил человека с проблемами «гендерной идентичности», тридцатичетырехлетний Нина Канагасингам из Великобритании был обвинен в убийстве в 2010 году в связи со смертью известного адвоката по правам человека Сони Берджесс (Pink News, 2010). 63-летний Берджесс был известен друзьям, семье и коллегам по работе как Соня и Дэвид. Канагасингам столкнул Соню/Дэвида Берджесса с платформы вокзала Кингс-Кросс в Лондоне, где его насмерть сбил приближающийся поезд. Канагасингам был помещен в мужскую тюрьму, но после руководящих принципов 2011 года его, похоже, можно было бы поместить в женскую тюрьму.

Заключение

Это серьезный шаг назад на пути к женскому равенству, когда государства защищают «гендер» в своем законодательстве и провозглашают, что права мужчин выдавать себя за женщин являются «правами человека». Это делает «гендер», механизм, который упорядочивает систему каст по половому признаку, вопросом государства. Внешность и манеры гендера, которые представляют собой социально сконструированный и временный способ разделения людей на доминирующих и подчиненных в иерархии, получают вес и обоснованность. Критика государственного признания этого механизма неравенства может тогда рассматриваться как незаконная и «трансфобная». Более того, признание «гендерных прав» таким образом, что позволяет мужчинам входить в женские пространства и заявлять, что они «женщины», создает серьезное столкновение прав. Оно подчиняет права женщин, лиц женского пола, на достоинство, безопасность и неприкосновенность частной жизни правам (в основном) мужчин, которые выбирают разыгрывать «гендерную идентичность», состояние ума. Существует мало ограничений для категорий мужчин, которые получают право делать это в различных юрисдикциях. Иногда определение настолько широкое, что оно охватывает мужчин, которые хотят время от времени переодеваться в другую одежду, или тех, кто сожалеет о переходе и теперь считает себя нейтральным. Во всех случаях категория «пола» — вполне реальный кастовый статус, от которого женщины никогда не могут избавиться, и который подвергает их унижительному обращению на протяжении всей их жизни — исчезает, уступая место фантазии в голове трансгендерного человека.

ЖЕНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПРОБЛЕМА ТРАНСГЕНДЕРНОСТИ

Написано совместно с Лорен Готтшалк

В последней главе были рассмотрены два контекста, которые ранее были только для женщин, чтобы показать последствия требований доступа к женским туалетам и тюрьмам со стороны мужчин, которые утверждают, что выражают свои «гендерные права». В этой главе рассматриваются последствия таких требований в отношении пространств только для женщин, созданных специально из феминизма второй волны для обслуживания особых интересов женщин как подчиненной группы. Женские службы включают убежища/приюты, кризисные центры для жертв изнасилования, женские медицинские центры — учреждения, которые, хотя и были созданы волонтерками, позже получили государственное финансирование. Женские пространства включают фестивали, марши, женские центры отдыха и выходные, конференции, прогулочные группы, которые женщины организуют и оплачивают сами. Трансгендерное активистское движение требует доступа ко всем этим услугам и пространствам для лиц с мужским телом. Там, где женщины и лесбиянки сопротивлялись этим требованиям, последствия нанесли огромный ущерб женским сообществам. Трансгендерные активисты захватили места проведения мероприятий и привлекли в суд женские службы и группы, организующие женские общественные мероприятия, с целью обеспечить доступ к ним.

Важность услуг и пространств для женщин

Женские службы были созданы феминистками с 1970-х годов, чтобы служить интересам женщин как подчиненной и обездоленной группы. Например, женские медицинские центры были созданы в Австралии из-за признания того, что особые потребности женщин были проигнорированы в мужском здравоохранении. Они были сосредоточены на биологически женских телах и сочувственно относились к женскому опыту (Kaplan, 1996; Murray, 2002). Были созданы приюты/убежища и кризисные центры для жертв изнасилования и горячие линии, чтобы дать женщинам возможность спастись и исцелиться от мужского насилия (Sweeney, 2004). Такие женские службы адаптированы к потребностям женщин и предлагают взаимную поддержку и форум для обсуждения проблем женщин и повышения их сознательности. В этой главе будут рассмотрены значительные стрессы, возникающие в женских сообществах и «женском секторе» (женских сервисных организациях) из-за стремления трансгендеров с мужским телом получить доступ к женским услугам в качестве работников, клиентов и членов (Price, 2007; Stuart, 2006).

В главе также будут рассмотрены кампании трансгендерных активистов по входу в женские пространства, которые были созданы, чтобы дать возможность женщинам и лесбиянкам общаться и встречаться политически, без мужчин, чтобы выразить свои проблемы, расслабиться, укрепить связи и насладиться женской культурой, музыкой, поэзией и танцами. В нем будут рассмотрены последствия спроса со стороны мужчин трансгендеров, которые продолжают быть гетеросексуальными после перехода и провозглашают себя лесбиянками и требуют доступ к пространствам, предназначенным только для лесбиянок. Пространства могут быть не только географическими, но и физическими: некоторые трансгендеры требуют физического доступа к телам лесбиянок, как в споре о «хлопковом потолке»,

когда трансгендеры с мужским телом заставляют лесбиянок, не желающих видеть пенисы в своих телах, чувствовать себя виноватыми, обвиняя их в «трансфобии» (GenderTrender, 2013b).

Некоторые феминистки поддерживают прием трансгендеров с мужским телом в службы и пространства (McDonald, 2006), в то время как другие в женских сообществах решительно выступают против их включения, настаивая на том, что, поскольку у них нет ни женской физиологии, ни опыта, они не могут сопереживать опыту женщин, рожденных и воспитанных женщинами (Greer, 1999; Jeffreys, 2008; Raymond, 1994; Sweeney, 2004). Например, Жермен Грир обвиняет трансгендеров с мужским телом в отсутствии понимания степени их принятия в качестве женщин, отмечая, что когда «он врывается в те немногие частные пространства, которыми могут пользоваться женщины, и заглушает их возражения и атакует женщин, которые не принимают его, угрозами и письмами с ненавистью, он поступает так, как всегда поступали насильники» (Greer, 1999: 74). Очень часто расколы по вопросу включения трансгендеров разрушают женские и лесбийские группы и приводят к прекращению тех мероприятий, которые предоставляли только женские социальные пространства, такие как фестивали лесбиянок и женские музыкальные фестивали (McDonald, 2006; Sweeney, 2004; Wales, 1999). Важные и необходимые возможности для женщин и лесбиянок теряются. Существует мало исследований, которые рассматривали последствия для женщин кампании трансгендеров с мужским телом по вступлению в женские или лесбийские группы и социальные пространства. Аналогичным образом, было проведено мало исследований, изучающих последствия для женских услуг, созданных для удовлетворения особых потребностей женщин, когда трансгендеры с мужским телом ищут доступ либо в качестве клиентов, либо в качестве работников. В этой главе представлены данные из поискового исследования Лорен Готтшалк, целью которого было изучить, в какой степени руководящий персонал женских служб в Австралии, таких как приюты и медицинские

центры, осведомлен о последствиях включения трансгендеров в общественную жизнь, имеет ли он политику в этом отношении и сталкивался ли с попытками трансгендеров с мужским телом получить к ним доступ.

Услуги и пространства только для женщин

Женские пространства, предоставляющие социальную поддержку и другие услуги, были впервые созданы в таких странах, как Австралия, Великобритания и США в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков во время первой волны феминистского движения (Blair, 1984; Freedman, 1979; Kaplan, 1996). Феминистки снова боролись за такое положение в 1970-х годах, так что, например, австралийское правительство согласилось предоставить финансовую помощь для создания и управления приютами для женщин, и к концу того десятилетия по всей Австралии было более сотни финансируемых приютов (Johnson, 1981; Kaplan, 1996; Murray, 2002). Женские медицинские центры, которые стремились компенсировать мужскую ориентированность традиционной медицинской профессии, также финансируются правительством в Австралии. Движение за женское здравоохранение достигло значительных успехов в привлечении внимания к медицинским проблемам женщин, ранее игнорировавшимся в медицинских исследованиях, и было ответственно за снижение заболеваемости и показателей материнской и неонатальной смертности (Kaplan, 1996). Услуги, предназначенные только для женщин, такие как приюты, центры по борьбе с половым насилием (CASA) и медицинские центры, удовлетворяют острую потребность, и преимущества предоставления услуг для удовлетворения этих потребностей хорошо документированы (Kaplan, 1996; Lake, 1999).

Исторически сложилось так, что когда услуги становятся мейнстримом, особые потребности женщин становятся «невидимыми» и часто игнорируются (Freedman, 1979; Kaplan,

1996). Это произошло в Соединенных Штатах после первой волны феминистского движения, когда женские пространства стали мейнстримом. Одним из результатов стало то, что проблема насилия мужчин в отношении женщин, которая была хорошо известна в начале двадцатого века, должна была быть «заново открыта» феминистками второй волны (Freedman, 1979). Создание пространств только для женщин, таких как женские убежища, женские медицинские центры и женские фестивали, было одним из выдающихся достижений феминистского движения второй волны (Riger, 1994). Однако в 1990-х годах пространства и учреждения только для женщин в значительной степени исчезли в результате влияния движения квир, которое маргинализировало лесбиянство, и антифеминистской реакции (Case, 1997; Faderman, 1997). По сравнению с тем, что было доступно в разгар второй волны феминистского движения, до сих пор существует немного мест, предназначенных только для женщин. Исчезновение мест, предназначенных только для женщин, произошло одновременно с общим свертыванием всех объектов, посвященных интересам женщин, таких как книжные магазины, издательства, художественные галереи и кафе. Феминистские издательства в основном исчезли, полки, посвященные женским исследованиям в книжных магазинах, были ликвидированы или объединены с «гендерными» или культурными исследованиями, а курсы женских исследований в университетах в основном были отменены или превращены в «гендерные исследования». В то же время мероприятия, которые ранее были только для женщин, такие как музыкальные фестивали или марши, стали смешанными. Но до недавнего времени женские медицинские центры, женские приюты и кризисные службы для жертв изнасилования, а также несколько фестивалей и мероприятий оставались сосредоточенными на женщинах. Таким образом, вызов трансгендерности направлен на те немногие области, в которых сохранился принцип «только для женщин».

Трансгендерный вызов — это нападение на самый важный принцип феминизма, необходимость пространства только для женщин, в котором женщины по своему выбору сепарируются от мужчин. Лесбийско-феминистская философка Мэрилин Фрай остро охарактеризовала важность сепаратизма для феминизма второй волны (Frye, 1983). Она объясняет, что,

Наше существование как женщин, не принадлежащих мужчинам и не доступных для пениса, наши ценности и наше внимание, наш опыт эротики и направление нашей страсти ставят нас в прямую оппозицию культуре мужского превосходства во всех отношениях, настолько, что наше существование почти немыслимо в рамках мировоззрения этой культуры (Frye, 1983: 145).

Когда женщины запрещали мужчинам входить в свои группы и заниматься своей деятельностью, это лишало их важных благ и источников власти: «отказ женщин в доступе мужчин к женщинам существенно перекрывает поток выгод, но он также имеет форму и полное предзнаменование присвоения власти» (Frye, 1983: 103). Современную ярость трансгендеров с мужским телом из-за того, что им отказывают во входе в женские пространства, и нежелание женщин давать им повод для гнева, можно понять, ссылаясь на полезное понимание Фрай о том, что «сознательное и преднамеренное исключение мужчин женщинами из чего-либо является вопиющим неподчинением и порождает у женщин страх наказания и репрессий» (там же). Право входа мужчинам предоставлено их доминирующим положением, а у женщин нет права отказать им в этом из-за их подчиненного положения: «Входить в хижину раба всегда является привилегией хозяина. Рабыня, которая решает не пускать хозяина в свою хижину, объявляет себя не рабыней» (Frye, 1983: 104). Сила и решимость трансгендерного вызова, а также гнев и ругань, с которыми он часто проводится, вероятно, проистекают из понимания важности принципа сепаратизма для свободы женщин. Примеры трансгендерного вызова в этой главе начнутся с вызова женскому

социальному пространству, как это было продемонстрировано на музыкальном фестивале Michigan Womyn's, и перейдут к вызову женским услугам.

Трансгендерная осада Мичиганского женского музыкального фестиваля

Музыкальный фестиваль женщин в Мичигане — знаковое пространство для женщин и лесбиянок, которое, вероятно, именно по этой причине стало одной из первых мишеней трансгендерного активизма. Фестиваль впервые состоялся в 1976 году и с тех пор проводится ежегодно в течение одной недели на частной территории. Это старейший и самый известный женский фестиваль в Северной Америке, собравший тысячи лесбиянок, стал важнейшим пространством для создания лесбийской культуры и сообщества (Fowler, 2001). Он предоставляет географическое пространство, где на короткий период времени женщины могут уйти от постоянного надзора и оскорблений со стороны мужчин в общественных местах и познакомиться с альтернативной культурой, свободной от оскорблений и ненависти к женщинам, которыми изобилует мужская популярная культура. Было бы довольно сложно переоценить ценность и важность этого фестиваля для лесбийской культуры и сообщества в частности. Мария Фаулер писала о том, как с момента ее первого посещения в 1995 году фестиваль стал для нее «домом» (там же). Она объясняет, что фестиваль был создан для создания позитивной коллективной идентичности для лесбиянок и бросает вызов «доминирующим конструкциям о лесбийской жизни». Для многих участниц фестиваль «обеспечивает сообщество сопротивления», в котором они могут чувствовать себя в безопасности, выражая свое лесбийство, поскольку у них есть «приватность, которая возникает из пространственной и идеологической удаленности места от

повседневного наблюдения гетеронормативного взгляда» (Fowler, 2001: 53). Фаулер цитирует одного из посетителей, который сказал: это место... где я могу чувствовать себя в полной и абсолютной безопасности; мне никогда не нужно оглядываться, я могу пойти куда захочу в любое время дня и ночи, в любой одежде, и никогда не придется ни о чем беспокоиться (Fowler, 2001: 59).

Правила фестиваля не допускают активного расспроса о поле или гендере человека, но исключают самоидентифицирующих себя транссексуалов, и «требуется уважение к одной неделе женского пространства для рожденных женщинами» (Browne, 2011: 249).

Кэт Браун говорит, что фестиваль «воплощает» сепаратизм (Browne, 2011: 248). Он позволяет женщинам «жить» феминизмом и «действует как способ просвещения женщин о феминистских формах». Браун объясняет, что нагота важна для свободы, которую женщины испытывают на мичфесте, потому что «оказавшись на земле, вдали от мест, которые могут увидеть прохожие, мичфест позволяет женщинам ходить в разной одежде и без одежды» (Browne, 2011: 251). Участницы говорят, что этот опыт может быть «придающим силы в признании разнообразия женских тел и их красоты за пределами общепринятых норм привлекательности» (там же). Это было особенно актуально в отношении общих душ под деревьями, где женщинам не нужно было стыдиться своих тел. Более того, фестиваль предлагает пространство, где женщины могут свободно любить и проявлять нежность подруге к подруге способами, которые гетеросексуальные люди считают само собой разумеющимися, занимаясь «однополой близостью посредством держания за руки, поцелуев и так далее. Во всех фестивальных пространствах», свободными от мужских оскорблений и угроз насилия (там же). Все эти виды деятельности не позволяют женщинам, и особенно лесбиянкам, чувствовать себя в безопасности или комфортно, находясь в мужской компании.

По всем этим причинам трансгендерные активисты хотят получить доступ. По словам Эми Коямы, автора «Трансфеминистского

манифеста» (Kooyama, 2001), осада фестиваля началась в 1993 году, когда некоторые трансгендерные активисты установили «Camp Trans» напротив входа на фестиваль в знак протеста против политики не допуска самоидентифицированных трансгендеров (Kooyama, 2006). Camp Trans был повторен в 1994 году, а затем был приостановлен, пока не был возрожден в 1999 году как Son of Camp Trans активистской группой Transsexual Menace и организацией трансгендерных активистов GenderPAC. Основателем обеих этих организаций является трансгендер с мужским телом Рики Уилчинс, который идентифицирует себя как МТТ транссексуал (Wilchins, 2013). Хотя изначальной целью Camp Trans было добиться изменения политики фестиваля для допуска транссексуалов после операций, к 2002 году заявленная политика заключалась в том, чтобы получить допуск для любых самоидентифицированных женщин, включая любых мужчин, которые идентифицировали себя как женщины в любое время, даже если они были физически целы или просто интересовались случайным кроссдрессингом. Кампания трансгендерных активистов вышла за рамки простого обустройства лагеря и включала в себя обращение к музыкантам, выступавшим на фестивале, с просьбой бойкотировать его или сделать публичные заявления против политики, допускающей присутствие только женщин.

Они также использовали политику «не спрашивай», чтобы вторгаться в лагерь и пользоваться удобствами. Карла Мантилла написала в американской феминистской газете Off Our Backs о вреде, нанесенном фестивалю вторжением трансгендеров с мужскими телами, которые заходили в общественные душевые, голые и физически целые (Mantilla, 2000). Она говорит:

Если бы эти желающие стать «женщинами» хоть немного понимали, что значит быть женщиной в патриархате, они бы уважали, а не нарушали женское пространство, и они бы поняли, каким ужасным насилием для женщины было бы столкнуться с

незнакомым голым биологическим мужчиной, с пенисом и всем остальным, когда она сама раздета и уязвима (там же).

Она утверждает, что обеспокоенность трансгендерных активистов своим собственным «освобождением» возникла «за счет женщин, пытающихся всего одну неделю в одном отдаленном уголке Соединенных Штатов чувствовать себя в полной безопасности от мужского насилия» (там же). После того, как трансгендеры с мужскими телами решили принять участие в фестивале, Мантилья говорит, что «чувство полной безопасности от мужчин и патриархальной культуры изнасилования» было «размыто», потому что посетительницы знали, что «мужчина» всегда может быть там. Мантилья отмечает, что решимость трансгендеров с мужским телом войти в это пространство показывает, насколько глубокую «угрозу» представляет для мужчин женский сепаратизм, и что таких пространств нужно больше, а не меньше. По ее словам, вызов трансгендеров — это «бунт против женского бунта», который направлен против «освобождения женщин от патриархата»; это прямой антифеминизм со стороны социальных консерваторов.

В 2010 году тактика трансгендерных активистов, пришедших на фестиваль, стала особенно жестокой и агрессивной. Сотрудница службы безопасности, которая утверждает, что не ставила под сомнение чей-либо «гендер», описала, как Camp Trans организовал Camp Tranarchy, «разрушил фестиваль и угрожал посетительницам фестиваля» (Dirt from Dirt, 2010a). Листовка, распространяемая активистами, демонстрировала довольно необычайную степень ненависти к женщинам: «Горячая порция спермы из моего чудовищного транс-члена олицетворяет женственность больше, чем те куски омерзительного менструального искусства, которые ваши трансфобные пезды когда-либо могли бы надеяться создать». Женщины в лагере записали ряд случаев насилия, которым они подверглись. Одна из них сказала, что ее машину разбили, а на оба дверных замка распылили химикат. Однажды ночью из района Camp Trans была стрельба, водопроводы были перерезаны, шины

проколоты, душевая сантехника повреждена, а баннеры уничтожены. Палатки были разрисованы надписями «Fuck fest» и «У настоящих женщин есть члены». Женщины говорили о том, что были травмированы, страдали от посттравматического стрессового расстройства и не чувствовали себя в безопасности, чтобы снова посетить фестиваль (Dirt from Dirt, 2010b). Однако осада трансгендеров не была полностью успешной. Поступило множество сообщений с фестиваля 2012 года о том, что, как отражение усиления новой волны феминизма, женщины становятся гораздо более организованными в своем противостоянии вторжению трансгендеров в мужском теле, используя плакаты, футболки и скандирования, чтобы показать этим мужчинам, что им не рады на этой земле (GenderTrender, 2012).

Лесбийские пространства

В настоящее время Мичиганский женский музыкальный фестиваль сохранился как формально предназначенное только для женщин пространство. Большинству других женских пространств не так повезло, и они столкнулись с юридическими проблемами или закрылись под давлением, требующим принять трансгендеров мужского пола. Под этим давлением произошел взрыв разнообразных женских мероприятий, включая женские группы прогулок и группы чтения, но, что самое важное, объекты, предназначенные для обеспечения бьющихся сердец лесбийского сообщества — лесбийские центры — были поражены противоречиями. Одним из примеров такого ущерба является проект Sydney Lesbian-Space. В 1993 году лесбиянки собрали около 250 000 долларов, чтобы купить лесбийский общественный центр в Сиднее, Австралия. Они хотели женское пространство, но с упором на лесбийскую культуру и сообщество (Kline, 2006). Однако трансгендеры с мужским телом, которые идентифицировали себя как лесбиянки, внесли свой вклад в сбор средств, понимая, что они

будут включены. После того, как лесбийское мероприятие в Брисбене было серьезно нарушено присутствием трансгендеров с мужским телом, коллектив Lesbian-Space счел необходимым ввести политику по их исключению. Трансгендеры с мужским телом оказались в женском пространстве, и разразился непримиримый конфликт, в результате которого проект лесбийского пространства был заброшен, а проблема так и не была решена.

Трансгендерный энтрицизм также стал причиной упадка первого и исторически значимого лесбийского центра в Канаде. Vancouver Lesbian Connection (VLC) управлялся с момента своего создания в 1985 году коллективом и предлагал такие услуги, как библиотека женских ресурсов, место для времяпрепровождения, места для отдыха и пространства для мероприятий. VLC имеет знаковый статус в истории лесбиянок и геев Канады и стал «образцом для лесбийских общественных центров в других городах» (DiMera, 2011). Он был разрушен в результате вторжения физически целостного трансгендера мужского пола Мамелы, который с 1995 года работал волонтером в Центре геев и лесбиянок и узнал там о существовании VLC. Мамела посещал гендерную клинику Университета Британской Колумбии и описывал себя как радикальную лесбийскую феминистку с женским гендерным сознанием. Первоначально ему отказали во включении в VLC на том основании, что он был воспитан как мужчина, но он настоял на своем, и после долгих дебатов VLC согласились включить мужчин трансгендеров, при условии, что они идентифицируют себя как лесбиянки, в результате чего Мамела был принят в 1996 году. Это изменение политики вскоре вызвало сожаление. По словам членок коллектива, поведение Мамелы было довольно разрушительным, включая преследование персонала и волонтеров, использование ресурсов без разрешения, ответы на кризисную линию без обучения и сексуальные предложения персоналу и волонтеркам. В конечном итоге VLC аннулировал членство Мамелы на основании агрессивного и сексуально оскорбительного поведения, после чего он подал жалобу на VLC в Трибунал по правам человека.

Британской Колумбии в 1999 году. В решении Трибунала жалоба Мамелы была удовлетворена, и VLC было предписано выплатить 3000 долларов в качестве компенсации за ущерб его «достоинству, чувствам и самоуважению». Но решение было принято после того, как VLC распалась, не сумев собрать деньги на судебные издержки и не имея ни времени, ни сил бороться за право на «пространство только для женщин» (Wales, 1999). Результатом этого трансгендерного вызова стало уничтожение самого важного ресурса для лесбиянок.

Трансгендерный вызов женским службам стал еще более эффективным, поскольку эти службы теперь обычно финансируются государством, а их сотрудницы — особенно когда они стремятся соответствовать законодательству, закрепляющему право трансгендеров с мужским телом считаться «женщинами» — скорее всего, будут с большей готовностью выполнять требования трансгендеров, чтобы не потерять свою финансовую жизнеспособность. Трансгендерные активисты проводят кампанию за то, чтобы женские организации и службы приняли политику транс-инклюзии, которая позволит людям мужского пола, с неповрежденными мужскими гениталиями или без них, получить доступ.

Опыт женской сферы

В результате трансгендерного энтриизма женские службы во многих странах вынуждены разрабатывать политику для решения новой проблемы. Когда службы создавались в предыдущие десятилетия, мужской трансгендеризм был гораздо менее значительным явлением по масштабам и юридическому влиянию. Кризисные центры для жертв изнасилования и женские убежища были прямо ориентированы на женщин. Поскольку они все больше становились мейнстримом, регулировались и финансировались государствами, им приходилось защищать свой статус «только для

женщин», который некоторые не могли поддерживать. Но другие получили исключения из законодательства о равных возможностях, что позволило им поддерживать рабочую силу и клиентуру, состоящую только из женщин. Эти достижения теперь находятся под угрозой из-за требований трансгендеров с мужским телом, которые, утверждая, что они женщины, а не мужчины, могут обойти такие исключения. Вопрос включения трансгендеров можно рассматривать как плацдарм для включения мужчин в качестве работников и клиентов. Как только трансгендеры с мужским телом, особенно те, у кого не поврежден пенис, включаются, исключение мужчин, которые не переодеваются или не совершают переход, становится просто тем, где проводится граница для включения мужчин. Этот принцип, скорее всего, будет отменен. Что интересно, в Великобритании это не так, поскольку Закон о равенстве 2010 года позволяет женским службам специально исключать мужчин, которые являются трансгендерами, при определенных обстоятельствах (Women's Resource Centre, 2011: 6).

В Австралии нет такого юридического исключения для исключения трансгендеров с мужским телом, и австралийское исследование, проведенное посредством интервью с девятнадцатью менеджерками CASA, женских приютов и женских медицинских центров, проливает полезный свет на последствия включения трансгендеров. Интервью были сосредоточены на взглядах этих женщин на эту проблему и опыте решения этой проблемы (Gottschalk, 2009). Они демонстрируют значительную решимость защищать исключительно женский характер своих услуг, но вопрос трансгендерности вызвал некоторые разногласия. Их взгляды зависели от того, считали ли интервьюируемые трансгендеров с мужским телом «женщинами» или нет, и от того, имели ли они непосредственный опыт трансгендерной инклюзии. В интервью изучались мнения женщин о безопасном пространстве для женщин и то, как их убеждения о мужчинах и трансгендерах с мужским телом как о сотрудниках и клиентах соответствовали их философии. Интервьюируемые из CASA обозначены как CASA1, из женских

медицинских центров — как WH1, из приютов — как WR1 и так далее.

Важность женских пространств

Большинство организаций, принявших участие в исследовании, были нацелены на предоставление пространства только для женщин. Их заявленная миссия заключается в предоставлении услуг от женщин для женщин, хотя некоторые также предоставляли услуги мужчинам, и меньшинство было готово нанимать мужчин, хотя только одна сделала это на момент интервью. Опрошенные были единодушны во мнении, что их служба обеспечивала безопасное пространство для клиенток. В случае CASA и приютов для жертв домашнего насилия, проблема заключалась в безопасности от преступников, которые в подавляющем большинстве были мужчинами. В случае женских медицинских центров, это было безопасное место для женщин, где они могли обсуждать деликатные вопросы здоровья с специалистками в области здравоохранения, которые были специально обучены для решения проблем женского здоровья и благополучия. Таким образом, организации, как правило, были укомплектованы женщинами, а мужчины часто специально и иногда юридически исключались из них, посредством исключений в соответствии с законодательством о равных возможностях. Опрошенные демонстрируют опыт и мудрость, которые развивались в течение многих лет преданности служению потребностям женщин в безопасности, конфиденциальности и достоинстве.

Следующие комментарии опрошенных показывают, что они уделяют особое внимание услуге, предоставляемой женщинам, где они могли бы удовлетворить свои потребности и поделиться опытом в безопасной среде, свободной от мужского доминирования. CASA5 заявила:

Наши клиентки — только женщины, наша служба работает в «женском доме», поэтому это пространство строго для женщин. Даже среди ремесленниц прилагаются все усилия, чтобы найти женские профессии. Весь персонал — женщины — у нас есть освобождение от ЕЕО [равные возможности трудоустройства].

WH1 демонстрирует чуткое понимание важности среды, предназначенной только для женщин:

Одна из вещей, которую я лично лучше всего осознаю, это потенциал для кого-то, кто пережила насилие или кто переживает насилие... и они переступают порог здесь, они чувствуют себя в безопасности... так что вы не хотели бы подвергать это риску. Наш приют имеет давнюю традицию быть ориентированным на женщин, и за эти годы мы развили экспертизу в вопросах женского, физического, эмоционального и социального здоровья, и поскольку мы также являемся персоналом только для женщин, то здесь много взаимодействия и безопасности. Это кооперативная женская среда, в которой можно работать, в безопасности от мужчин.

Интервьюируемые также рассматривали женское пространство как важный форум для повышения сознательности женщин, позволяющий женщинам делиться историями и опытом насилия и узнавать об институционализации мужского доминирования. CASA5 объясняет, что женское пространство,

дает им голос... чтобы узнать, что мужское насилие не является проблемой женщин, поскольку они не виноваты. Это наделяет женщин полномочиями. Обычно женщины находятся под властью мужчин в более широком мире... если присутствуют мужчины, женщины чувствуют себя бессильными, поскольку они являются жертвами мужского насилия.

Одна из опрошенных, WR2, сказала, что даже мужчина торговец изменил атмосферу в женском приюте проблемным образом, подорвав чувство безопасности,

но я знаю, что всякий раз, когда у нас был мужчина, обслуживающий копировальный аппарат, или что-то в этом роде, внезапно возникало ощущение, что в этом месте возникает какое-то скрытое напряжение с точки зрения присутствия здесь клиенток... и почему-то динамика просто ощущается по-другому.

Наем трансгендерных работников

В тех центрах, где была официальная политика трудоустройства, она была сосредоточена на том, будут ли они нанимать мужчин, и не упоминали мужчин трансгендеров. В некоторых центрах была политика недискриминации, и они были открыты для найма как мужчин, так и женщин, хотя в целом большинство сотрудниц были женщинами. Пятеро из опрошенных официально подали заявку на юридическое освобождение от ответственности и имели возможность юридически дискриминировать мужчин в своих службах, в то время как у других была неофициальная политика, исключающая прием на работу мужчин, но они не оформили это исключение юридически. Некоторые опрошенные прокомментировали тот факт, что клиентки, включая клиентов мужчин, в подавляющем большинстве предпочитали консультанток женщин. Как объяснила CASA1: «Женщины работают по требованию». Даже клиенты мужчины предпочитают консультантку женщину, хотя они могут попросить, чтобы к нам обратился мужчина. За последние четыре года к нам поступило три запроса на консультанта мужчину.

В тех случаях, когда центры подавали заявки на получение юридического исключения, позволяющего им нанимать только женщин, они обычно не рассматривали вопрос о найме трансгендеров с мужским телом. Мнения об инклюзии трансгендеров значительно различались и полностью зависели от того, считали ли они трансгендеров с мужским телом действительно женщинами, и придавали ли они значение разному

опыту социализации женщин, родившихся и выросших женщинами, по сравнению с теми, кто родился и вырос мужчиной, но идентифицировал себя как женщина во взрослом возрасте. Меньшинство опрошенных (четыре) заявили, что предпочли бы исключить трансгендеров с мужским телом, признавая различную социализацию, которую испытывают женщины и мужчины, как объяснила CASA2:

У нас сильная политика «только для женщин»... У МТТ разный опыт и истории, они выросли в культуре, которая определяет мужественность и женственность.. Мы бы не наняли трансгендера в качестве консультанта. Но это никогда не обсуждалось, не рассматривалось и не оспаривалось.

Важным фактором, повлиявшим на мнение респондентов о трудоустройстве трансгендеров с мужским телом, было то, имели ли они предыдущий опыт работы с такими людьми, как в качестве работников, так и в качестве клиентов. Два из центров, представленных опрошенными, нанимали мужчин, которые стали трансгендерами. Одним из этих опрошенных была CASA5, которая решительно выступала в поддержку пространства только для женщин и чье личное убеждение состояло в том, что трансгендер с мужским телом не является женщиной. Она заявляет:

У нас был опыт с транссексуалом. Это проблема в этой организации. Самая большая проблема – это отсутствие единого мнения о том, что такое женщина... Мужчины, утверждающие, что внутри они женщины, понятия не имеют, что значит быть женщиной.

Опыт CASA5 с работником-трансгендером мужского пола привел к сильным разногласиям среди сотрудниц, которые центр пытался разрешить: «идет много споров, и вопрос остается спорным».

Трансгендеры мужского пола как клиенты

Чаще всего в центрах существовала политика относительно того, принимать или нет трансгендеров с мужским телом в качестве клиентов, и последствия их приема различались в зависимости от типа предлагаемых услуг. Сотрудницы женских медицинских центров специально обучены понимать и решать проблемы со здоровьем, характерные для женщин. Они не обучены решать проблемы, связанные с операциями по смене пола и гормональной терапией, и не обучены особым проблемам психического здоровья, с которыми сталкиваются трансгендеры с мужским телом, включая травму сомнения в гендерной идентичности, каминг-аут как трансгендер, переход и приспособление к жизни мужчины, который стал трансгендером. Обучение персонала и предоставление ресурсов лицам с мужским телом неизбежно является отвлечением энергии и средств от женского здоровья. Все женские медицинские центры в этом исследовании принимали только клиенток, которых они считали женщинами, но для некоторых это включало трансгендеров с мужским телом. Те, кто принимали трансгендеров с мужским телом, делали это, полагая, что мужчина, который идентифицирует себя как женщину, является женщиной, несмотря на то, что у него нет женской анатомии и, возможно, есть пенис. По той же причине, по которой они исключили трансгендерок с женским телом, полагая, что женщина, которая идентифицирует себя как мужчина, является мужчиной, несмотря на женскую анатомию. Однако трансгендерки с женским телом страдают от тех же проблем со здоровьем, что и женщины, которые не трансгендерны, а также от вреда, причиняемого хирургией и гормонами, и поэтому их легче лечить в женском учреждении. Одна из опрошенных, WH2, объяснила, что, хотя она предпочла бы не включать в программу трансгендеров с мужским телом из-за различных проблем со здоровьем, она опасается, что любой другой курс приведет к потере финансирования, поскольку государственные финансирующие агентства придерживаются политики, запрещающей подобную дискриминацию. Центр,

который представляла WH1, отвергал трансгендеров с женским телом, у которых были проблемы со здоровьем, но был готов принять трансгендеров с мужским телом, для решения чьих медицинских проблем у них не было ни подготовки, ни опыта. WH1 объяснила, что в ее центр обратилась группа поддержки трансгендеров, которая попросила их помочь трансгендерам с мужским телом контролировать их гормональное лечение и предложила помощь с информацией о трансгендеризме, а также советы по разработке политики. WH1 признала, что на момент формирования политики «шла активная дискуссия о феминизме, насилии в отношении женщин и о том, что значит быть женщиной». Из обсуждений у WH1 сложилось впечатление, что большинство работниц центра согласились с тем, что трансгендеры с мужским телом должны быть включены. Однако, опрошенная по электронной почте, которая работала в центре в то время, сказала, что конфликт, с которым столкнулись работницы, которые поляризовались, был серьезным. Она присутствовала во время дискуссий с представителями трансгендеров мужского пола, и когда она спросила их, почему они не ходят в группу поддержки трансгендеров, чтобы удовлетворить свои потребности, один из них «разглагольствовал о желании быть принятым как женщина и желании быть среди женщин... чтобы его идентичность подтверждалась пребыванием среди женщин». Экспертиза в области здоровья трансгендеров, по-видимому, была менее важна, чем получение доступа к услугам только для женщин и достижение важной цели — заставить женский персонал признавать их как «женщин». Посещение и работа в женских службах выполняют особую функцию для мужчин, которые являются трансгендерами, которая не имеет ничего общего с целями, для которых были созданы эти службы, то есть возможностью подтвердить свою «женственность».

Проблемы, связанные с включением трансгендеров с мужским телом в качестве клиентов в убежища/приюты для женщин, пострадавших от домашнего насилия, и кризисные центры для

жертв изнасилования, отличаются от проблем в женских медицинских центрах. Виновниками такого насилия в отношении женщин являются мужчины, и эти учреждения предлагают пространство, в котором женщины могут чувствовать себя в безопасности, без какой-либо угрозы со стороны насильников или провоцирующих эффектов от видения и общения с мужчинами. Хотя трансгендеры мужского пола также страдают от насилия, насильниками вряд ли окажутся женщины, и хотя они, возможно, захотят находиться в местах, где отсутствуют мужчины, не трансгендерные, это не должно происходить за счет потребностей женщин, переживших насилие. Опрошенные в исследовании испытывали смешанные чувства. Одна из опрошенных, WR2, когда ее спросили о трансгендерных клиентах, сразу ответила: «Нет, мы очень четко понимаем, что мы работаем только с женщинами и детьми», но затем она еще раз подумала над своим ответом и сказала: «Ааа, я думаю, если она идентифицирует себя как женщина, ааа, я думаю, что она будет соответствовать критериям». CASA5 не была уверена, как реагировать на проблему клиентов-трансгендеров с мужским телом: «Опыт социализации у мужчин и женщин отличается... Я чувствую противоречие и замешательство относительно того, где я нахожусь. Для меня это вызывает противоречивые вещи, очень сложные». В конце она вновь подтвердила необходимость сохранения пространств только для женщин на том основании, что трансгендеры с мужским телом на самом деле не являются женщинами. Она предложила предоставлять отдельные услуги для трансгендеров. К сожалению, для трансгендеров с мужским телом такие отдельные услуги могут быть неприемлемы, поскольку они не удовлетворят потребность в утверждении себя как «женщины», которую может предоставить служба, предназначенная только для женщин. Одной из услуг, предлагаемых CASA и женскими приютами, была групповая дискуссионная терапия, проводимая опытной консультанткой, и именно в связи с этим важным учреждением были наибольшие опасения по поводу смешивания трансгендеров с мужским телом с

женщинами клиентками. CASA5 заявила: «Это отнимет безопасное пространство для некоторых женщин». У CASA6 был опыт попыток управлять смешанными группами, и она чувствовала, что ее клиентки будут возражать против присутствия трансгендеров с мужским телом, поэтому им придется выбирать отдельные группы, в которые их не включают, а это потребует дополнительного финансирования и ресурсов.

Опыт WR1 иллюстрирует проблемы, которые могут возникнуть с клиентами-трансгендерами с мужским телом. В центре WR1 действует политика недискриминации, и их клиентки направляются из основных медицинских служб и полиции. Поэтому они чувствуют, что у них нет выбора, кроме как принять любого, кого им направляют. В WR1 в центр направили человека представленного как женщину, который пришел в женской одежде. Персонал понял по манерам и кадыку, что этот человек был либо кроссдрессером, либо мужчиной, который стал трансгендером. Однако, поскольку его направили, и из-за антидискриминационных законов, они чувствовали, что у них нет выбора, кроме как принять его в качестве клиента. Первоначально они поместили его в один из жилых блоков с женщинами, но женщины пожаловались и сказали, что «не хотят видеть рядом с собой кого-то с пенисом». Одна из них сказала: «Я туда не пойду, у него есть пенис». Трансгендерного клиента нельзя было поместить к женщинам и детям, и его пришлось поместить в одиночку на шесть недель, что привело к отказу в предоставлении места женщинам и отдаче приоритета потребностям этого мужчины над потребностями женщин, нуждающихся в убежище. Работницы приюта сочли ситуацию стрессовой, поскольку не знали, как с ней справиться, и боялись нарушить закон, проводя дискриминацию. В конце концов они были вынуждены дискриминировать женщин и отдавать предпочтение человеку с мужским телом и полными мужскими гениталиями. Политика трансинклюзии в случае с этим приютом, который был создан для обслуживания нужд женщин,

привела к подчинению интересов женщин интересам человека, воспитанного как мужчину и обладающего мужской анатомией.

Политика трансинклюзивности

В результате изменений в законодательстве, которые признают трансгендеров мужского пола женщинами, которые затем могут получить доступ к женским услугам, трансгендерные активисты создали руководства по передовому опыту для обучения поставщиц услуг тому, как приветствовать этих лиц мужского пола. Эти руководства могут быть весьма поучительны в отношении отсутствия понимания со стороны их авторов того, как работает подчинение женщин. В одном руководстве, созданном трансгендерными активистами из Канады, которое оказало влияние и предоставляется в качестве ресурса на веб-сайтах по правам человека и равенству, веб-сайтах профсоюзов и веб-сайтах лесбиянок и геев, например, утверждается, что женщины не должны беспокоиться о своей безопасности рядом с трансгендерами с мужским телом, поскольку они не представляют большей опасности для женщин в приюте, чем любые другие «женщины» (Darke and Cope, 2002). В руководстве по политике включения трансгендеров говорится, что «нет никаких доказательств того, что трансгендерные женщины более склонны к вербальному или физическому насилию, чем другие женщины» (Darke and Cope, 2002: 84). На самом деле, существует множество доказательств того, что мужчины, независимо от того, решают они сменить пол или нет, проявляют насилие по отношению к женщинам (Romito, 2008), но авторы обходят эту трудность, называя трансгендеров с мужским телом «женщинами», а значит, не относящимися больше к классу лиц, проявляющих насилие по отношению к женщинам. К сожалению, эта уловка не работает, поскольку также существует множество доказательств того, что мужчин, стремящихся сменить пол, можно причислить к

насильникам и убийцам женщин, как мы видели в предыдущей главе.

Канадское руководство, отбросив вопрос безопасности женщин, продолжает рассматривать, с большим сочувствием, проблемы самих трансгендеров с мужским телом в приютах или убежищах, такие как беспокойство, которое они могут испытывать по поводу «личной жизни», если у них все еще есть пенисы. В руководстве говорится, что в большинстве мест размещения будут отдельные ванные комнаты. Если человеку с пенисом приходится делить комнату с женщиной, то можно установить «временный экран», чтобы пенис не был виден, когда они переодеваются. Однако неприемлемо, говорится в руководстве, чтобы трансгендера просили переодеться в ванной. Возможно, удивительно, что проблема уязвимых и часто травмированных женщин в приютах, не желающих видеть пенисы, здесь не является предметом внимания, а чувства человека с пенисом. В руководстве говорится, что требование к трансгендеру использовать отдельную комнату «сродни сегрегации» и неприемлемо. Нет оправдания такой сегрегации, говорится в докладе, просто потому, что женщина может быть травмирована насилием и считать трансгендера триггером из-за его мужских характеристик. Авторы предполагают, что необходимость иметь дело с мужскими характеристиками в своей спальне может быть полезной для женщины, которая пострадала от насилия со стороны мужчин, потому что «частью процесса исцеления выжившей является умение отличать своего обидчика от других с похожими характеристиками: будь то мускулистые руки не-транс-женщины или вьющиеся рыжие волосы транс-женщины» (Darke and Core, 2002: 86). Трансгендеры с мужским телом могут помочь женщинам, как нам говорят, преодолеть беспокойство по поводу незнакомых мужчин в качестве интимных компаньонов. В руководстве авторитарным тоном утверждается: «Закон в этом вопросе ясен: дискомфорт других не оправдывает дискриминацию». Таким образом, безопасность и достоинство женщин подчиняются комфорту

мужчин, у которых есть навязчивая идея, что они сами по себе женщины.

В руководстве рассматривается важнейший вопрос, который, скорее всего, будет иметь отношение к безопасности женщин: может ли женщина попросить не размещать ее в двухместной палате с трансгендером с мужским телом. Ответ в нем заключается в том, что она не может этого сделать, и она вынуждена либо делить комнату с трансгендером с мужским телом, либо покинуть учреждение. Самое интимное общение с человеком с мужской анатомией, и, скорее всего, с пенисом, является для нее полностью обязательным. В руководстве ситуация сравнивается с ситуацией, когда женщина отказывается делить жилье с «лесбиянкой, цветной женщиной или аборигенкой», то есть со всеми лицами женского пола, которые не представляют класс лиц, проявляющих насилие по отношению к женщинам, и делается вывод: «Если жительница предпочитает уехать, чем спать в одной комнате с лесбиянкой, трансгендерной женщиной или пожилой женщиной, то это ее выбор». Другими словами, она рассматривается как выбравшая бездомность и добровольно покинувшая свое убежище, поскольку она слишком предвзята, чтобы оставаться там (Darke and Core, 2002: 87).

В руководстве даются те же жестокие и бесчувственные советы по обращению с непокорной женщиной, которая не желает получать консультации по вопросам насилия и изнасилования со стороны трансгендера с мужским телом:

Вы можете справиться с этой ситуацией так же, как если бы пользовательница услуг сказала, что не будет разговаривать с женщиной с ограниченными возможностями или с женщиной, которая, как она «знает», является лесбиянкой. Вы можете напомнить ей, что дискриминация в вашей организации противозаконна, и что все сотрудники имеют высокую квалификацию для предоставления услуг (там же).

Травмированную женщину следует заставить чувствовать себя виноватой, обвиняя ее в дискриминации и предвзятости, и запугивать, чтобы она подчинилась. Такая нелепая риторика, призванная заставить женщин жить в комнате, принимать душ и общаться с мужчинами кроссдрессерами или с трансгендерами с мужским телом, не оказала влияния на то, чтобы все женские службы, особенно те, которые сохраняют феминистский персонал и принципы, согласились принимать мужчин. Фактически, в случае Ванкуверской программы помощи жертвам изнасилований значительная победа была достигнута за право женщин на услуги, предназначенные только для женщин. Этот случай может означать, что амбиции, раскрытые в канадском руководстве, не будут реализованы, поскольку оно устанавливает право женских анти-насиловственных служб, в частности, отклонять мужчин трансгендеров из своих организаций.

Мужчина трансгендер на горячей линии помощи жертвам изнасилования? Помощь в борьбе с изнасилованиями в Ванкувере

Важный тестовый случай имел место в отношении включения трансгендеров на горячую линию по борьбе с изнасилованиями - случай Ванкуверской службы помощи жертвам изнасилований и приюта для женщин (VRRWS). Одной из услуг, предлагаемых VRRWS, является круглосуточная линия по борьбе с изнасилованием, которая на момент трансгендерного вызова получала около 1500 звонков в год от женщин, которые подверглись половому насилию, включая изнасилование, инцест, другие формы насилия и половые домогательства со стороны мужчин. В 1995 году VRRWS отказал в обучении трансгендеру с мужским телом и послеоперационному пациенту по имени Никсон, который хотел стать консультантом в центре, но был признан мужчиной из-за его внешности (Mathen, 2004). Позиция VRRWS

заклучалась в том, что женщины должны чувствовать себя в безопасности с лицами, предоставляющими им услуги, и что такая безопасность ставится под угрозу, если женщине, ставшей жертвой мужского насилия, предлагает услуги мужчина или человек, который не всегда был женщиной и был воспитан как мужчина (Mayeda, 2005).

Хотя Никсону отказали в обучении в качестве равного консультанта, его пригласили поддержать центр в другом качестве, например, участвовать в сборе средств. Никсон настоял на том, чтобы стать равным консультантом, и подал жалобу на нарушение прав человека. VRRWS стремилась к урегулированию путем переговоров, но Никсон был полон решимости законно получить право быть консультантом. Аргумент Никсона состоял в том, что все лица должны оцениваться индивидуально в отношении предлагаемой услуги или работы. Если бы он победил, как отмечает основательница VRRWS Ли Лейкман, это открыло бы двери для мужчин, чтобы их считали квалифицированными для всех должностей в любой женской организации (Murphy, 2012). Потенциально это также создает прецедент для доминирующей группы, например, белой, среднего класса, мужчин, в плане занятия позиций в органах, представляющих коренные народы или этнические меньшинства.

В январе 2002 года решение Трибунала было вынесено в пользу Никсона на том основании, что VRRWS не доказали, что «опыт девочки и женщины был необходим для того, чтобы стать консультантом для изнасилованной и избитой женщины». В августе 2003 года Верховный суд Британской Колумбии провел судебный пересмотр решения Трибунала и отменил его в пользу VRRWS. В 2005 году Никсон подал апелляцию в Апелляционный суд Британской Колумбии, и в декабре 2005 года Суд единогласно вынес решение в пользу VRRWS, которому теперь разрешено ограничивать свой выбор добровольцев, исключая тех, кто родился биологическим мужчиной и воспитывался как мужчина, и приют

имеет право самостоятельно определять свое членство (Sisyphe, 2005). Решение Верховного суда Британской Колумбии (BCSC) от декабря 2003 года создало прецедент. Оно уже цитировалось в сорока двух решениях Трибунала и BCSC (Sisyphe, 2005). Это дело также использовалось в Канаде коренными канадцами, чтобы успешно доказать, что они имели право исключить мужчину некоренного происхождения, который подал заявку на должность исполнительного директора организации коренных народов. Дело Никсона против Ванкуверской программы помощи жертвам изнасилований вызвало глубокие разногласия в феминистских и лесбийских сообществах Канады и отравило политическую атмосферу.

Когда женские службы обеспечивают доступ трансгендерам, они могут потерять свой статус «только для женщин» и отказаться от целей, для решения которых они были созданы. Например, женская служба здравоохранения в Сан-Франциско, основанная известными лесбийскими активистками Дел Мартин и Филлис Лион и созданная для предоставления медицинской помощи и медицинского образования для женщин, особенно лесбиянок, изменила свое название с Lyon Martin Women's Health Services на Lyon Martin Health Services, поскольку теперь она также предоставляет медицинскую помощь трансгендерам (Lyon Martin Health Services, 2008).

Политика идентичности и предоставление услуг

Существуют и другие категории лиц с «идентичностями», которые не соответствуют их телам, помимо трансгендеров, которые создают онлайн-сообщества и требуют прав. Это может потенциально создать проблемы для других форм предоставления услуг, когда услуги, ориентированные на определенные обездоленные группы, становятся объектом требований со стороны лиц, имеющих чисто психологическую идентификацию с

этими группами. Сотрудники учреждений и служб, ориентированных на людей с ограниченными возможностями, могут столкнуться с дилеммами, похожими на дилеммы, с которыми сталкиваются те, кто управляет женскими приютами, с точки зрения наилучшего использования ресурсов, если политика требует от них принимать транс-эйблистов в качестве клиентов. Транс-эйблисты, в конце концов, являются физически здоровыми людьми, которые считают, что у них есть идентичность людей с ограниченными возможностями, и им может не потребоваться поддержка в той же степени, в какой это необходимо тем людям, которые действительно имеют инвалидность. В случаях, когда трансгендер с мужским телом также выдает себя за человека с ограниченными возможностями, может оказаться, что работа и отвлечение энергии, необходимые для удовлетворения потребностей человека с накопившимися слоями заблуждений, будут казаться неразумным использованием ресурсов.

Транс-эйблист, показанный в эпизоде сериала National Geographic Taboo, Хлоя Дженнингс-Уайт, также является трансгендером с мужским телом (Jennings-White, n.d.). Хлоя живет в инвалидной коляске как параплегик, но не имеет инвалидности. В документальном фильме не упоминается, что Хлоя не женщина, и рассматривается только одно из вовлеченных олицетворений, транс-эйблизм. Хлоя (Клайв) — ученый, доктор философии Кембриджского университета, чье хобби — одно из тех, которым обычно занимаются трудоспособные люди, скалолазание (там же). Он был женатым гетеросексуальным мужчиной с двумя детьми, прежде чем начать карьеру подражателя. Интересно рассмотреть, если бы Хлоя запросил место в специализированном жилом блоке для лиц с ограниченными возможностями, было бы сделано соответствующее размещение. Проблема идентификации себя с инвалидностью, расой, полом со стороны людей, в основном мужчин, не имеющих опыта или физиологии, связанных с этими категориями, становится все более острой и связана не только с трансгендерностью.

Самое интимное в женских пространствах – женское тело

Самое важное пространство для женщин — это их тела. Именно вторжение и оккупация мужчинами физического «я» женщин было определено феминистками как основа подчинения женщин.

Мужчины исторически продавали и обменивали женщин как собственность в браке и проституции, чтобы их тела можно было использовать для секса и воспроизводства (Lerner, 1987). Попытка вырвать контроль над своими телами у отдельных мужчин и у патриархальных законов и институтов была, пожалуй, самым важным глубинным стимулом феминистской активности, потому что без такого контроля у женщин нет шансов получить доступ к любым другим формам свободы. Аборт был ключом к феминистскому активизму, поскольку женщина, которая не может контролировать репродуктивную функцию, становится просто средством достижения целей других. Аналогичным образом, право женщины определять свою собственную сексуальность, выбирать только себя в качестве половой партнерки, выбирать безбрачие или выбирать половые отношения с тщательно отобранными людьми, понималось как центральное в праве женщин на самоопределение. Поэтому, возможно, неудивительно, что трансгендеры мужского пола, как и поколения мужчин, стремившихся контролировать женские тела, считают, что это важное пространство, которое следует отобрать.

Право женщин на половое самоопределение напрямую противоречит попыткам некоторых трансгендерных активистов заставить женщин предоставить свои вагины для полового использования пенисами этих мужчин. В качестве необычного примера того, что политологиня Кэрол Пейтман называет мужским правом доступа, некоторые трансгендерные активисты сейчас пытаются вызвать у лесбиянок чувство вины, заставляя их

позволять пенисам проникать в свои тела (Pateman, 1988). Это происходит посредством кампании по разрушению того, что эти трансгендерные активисты называют «хлопковым потолком» — термин, основанный на феминистском понимании того, что женщины в общественной жизни сталкиваются со «стеклянным потолком», который запрещает доступ к внутренним святилищам мужчин. «Хлопковый потолок» (термин, изобретенный порноактером-трансгендером Дрю Дево) означает женские трусы, которые создают барьер против проникновения пенисов трансгендеров мужского пола (Garmon, 2012). Идея о том, что нежелание женщин и лесбиянок обслуживать эти пенисы является проблемой, которую следует воспринимать серьезно и преодолевать, достигла такой приемлемости, что самая мужская организация Planned Parenthood организовала семинар по «хлопковому потолку» на своей конференции в Торонто под названием «Удовольствия и возможности» в 2011 году. Этот семинар был предназначен только для трансгендеров с мужским телом, то есть это было пространство, куда женщины не допускались, на котором мужчины могли обсудить тактику проникновения в тела лесбиянок или «цис»-женщин в целом, которые сопротивлялись их чарам (Planned Parenthood, 2011).

Семинар назывался «Преодоление хлопкового потолка: разрушение половых барьеров для трансгендерных женщин» и проводился трансгендерным активистом Морган Пейдж (Page, 2011). В описании семинара говорится:

«Преодоление хлопкового потолка» позволит изучить половые барьеры, с которыми сталкиваются квир-трансженщины в более широких сообществах квир-женщин, посредством групповых дискуссий и практического создания визуальных представлений этих барьеров. Участники будут работать вместе, чтобы определить барьеры, разработать стратегии их преодоления и построить сообщество (Page, 2011).

Кампания основана на чувстве вины, когда женщин, которые сопротивляются, обвиняют в трансфобии или трансмизогинии, в попытке побудить их признать нежелательные пенисы в своих телах. В кампании «хлопковый потолок» право женщин на половое самоопределение переопределяется как форма дискриминации в отношении лиц с мужским телом, которая заслуживает ревностного сопротивления. Трансгендерные активисты мужского пола, которые таким образом добиваются доступа к женским телам, называют свои пенисы «женскими палками».

Происхождение этого довольно удивительного термина весьма информативно. Он широко используется в трансгендерной порнографии, в которой мужчины с пенисами занимаются проституцией для полового удовольствия потребителей мужчин. Так, на одном сайте порно с трансгендерами, Shemale Models Tube, есть такое описание одного из трансгендеров с мужским телом в порновидео: «Мисс Мясо — похотливая девушка, которая любит, когда ее женскую палку сосут целый день» (Shemale Models Tube, б/д). Однако неразумно ожидать, что лесбиянки и феминистки должны приостановить неверие, чтобы облегчить половые фантазии этих мужчин с пенисами. Слишком важны совершенно элементарные требования женщин, чтобы у них было право на самоопределение сексуальности и выбор того, кого они любят.

Заключение

Практика сепарации от мужчин для создания политического и социального пространства была основополагающей для феминизма с 1970-х годов. Аналогичным образом, создание услуг, ориентированных специально на женщин, было триумфом той эпохи и имело очень важные результаты в улучшении здоровья и безопасности женщин. Эстель Фридман еще в 1979 году утверждала, что пространства только для женщин имели решающее значение для феминизма в начале двадцатого века: «Упадок феминизма в 1920-х годах можно отчасти объяснить

девальвацией женской культуры в целом и отдельных женских институтов в частности» (Freedman, 1979: 524). Трансгендерный вызов стал существенным фактором упадка пространств и услуг, созданных феминизмом второй волны. По пути он вызвал серьезные внутренние раздоры в феминистских и лесбийских сообществах, что отвлекло время, энергию и ресурсы и привело к разочарованию и некоторому отчаянию. Если женские услуги и пространства, которые являются основополагающими для возможностей феминистского возрождения в настоящем, должны продолжаться или быть созданы заново, то право женщин собираться без мужчин, независимо от того, являются ли эти мужчины трансгендерами или нет, должно поощряться и уважаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Избавление от гендера

«Гендерная» система убеждений, то есть идея о существовании существенных различий между женщинами и мужчинами, формирует систему оправдания и сортировки подчиненного положения женщин. Эта книга была сосредоточена на одном проблемном продукте этой системы в настоящее время, трансгендеризме, и стремилась показать его вред, и утверждала, что «гендер», как он инкапсулирован в трансгендеризме, причиняет боль многим. Сами трансгендеры страдают от режимов гормонального и хирургического лечения, которые могут не снизить их суицидность и, скорее всего, приведут к боли, физическому вреду и социальной изоляции. Им также больно, когда им навязывают миф, идею о том, что с помощью таких средств их можно превратить в другой пол, и что это разумная амбиция. Как отмечают сожалеющие, существует настоящая трагедия в потере частей тела, а также партнерок, контакте с семьей и детьми, а также в страданиях от одиночества и изоляции в результате распространения этого мифа «транссексуальной империей» эндокринологинь, хирургинь, психологинь и некоторых психиатрок.

В настоящее время «транссексуальная империя» состоит не только из медицинских работниц. Множество других сотрудниц и организаций были вовлечены в продвижение этой пагубной идеи, в том числе многие организации лесбиянок и геев, либеральные феминистские группы, студенческие организации и даже преподавательницы, которые считают, например, что такое явление, как «трансгендерная ребенка», существует. Между тем, серьезное несчастье тех детей, женщин и мужчин, которые

чувствуют себя достаточно отчаянными, чтобы преследовать вред трансгендеризма, игнорируется. Лечение трансгендеризма является ятрогенным, поскольку оно претендует на то, чтобы принять лекарство от проблемы тяжелого психологического расстройства, но на самом деле создает новый вред и игнорирует лежащую в основе болезнь в пользу шарлатанства. Все те, кто сговаривается с мифом о трансгендеризме, будь то ученые квиры или «феминистки» или центры права лесбиянок и геев, должны взять на себя определенную ответственность за вред, который они поддерживают. Для тех в лесбийских, гейских и феминистских сообществах, которые могут сказать, что они не имеют никакого отношения к трансгендеризму и просто пытаются избегать этой темы, возможно, потому, что они боятся ущерба своей репутации, я бы сказала, что давно пора серьезно отнестись к этому чрезвычайно вредному явлению. Как и стремилась показать эта книга, вред настолько вопиющий, что отворачиваться от него недопустимо с этической точки зрения.

Гендер в форме трансгендеризма причиняет боль во многих отношениях, которые не касаются только самих трансгендеркам. Это наносит вред женам, партнеркам и членкам семей женщин и мужчин, которые трансгендерны, вызывая у них острые страдания и утраты, настолько серьезные, что некоторые исследователи готовы назвать это посттравматическим стрессовым расстройством. Это также наносит ущерб феминистскому движению и ставит под угрозу достижения, за которые феминистки боролись в создании услуг и пространств только для женщин. Очень немногие места, предназначенные только для женщин, которые все еще существуют, такие как Музыкальный фестиваль женщин в Мичигане, подвергаются кампаниям издевательств и запугивания. Это подрывает и вызывает огромную путаницу в феминистской академии и теории феминизма, до такой степени, что биологическая реальность жизни женщин, на основе которой и посредством которой женщины низводятся до подчиненного статуса, исчезает, низводится, как динозавр, до истории и музеев.

Гендер также наносит вред с точки зрения времени, энергии и ресурсов, необходимых для проведения правовой реформы, предоставления услуг и поддержки трансгендеркам. Консультантки школ, колледжей и университетов обучаются и должны использовать трансгендерную идеологию и политику (Gendered Intelligence, 2009–2013). Городские советы и рабочие места обязаны получать доступ к обучению и инициировать политику, которая соответствует логике трансгендерности. Например, веб-сайт комиссии по равенству и правам человека правительства Великобритании содержит руководства для работодателей, школ, медицинских работников и социальных работников по предоставлению услуг и работе с трансгендерками (Equality and Human Rights Commission, n.d.). Школы, колледжи и местные советы сталкиваются с требованиями о трансгендерных учреждениях, которые часто подразумевают отмену важных мест, предназначенных только для женщин, таких как туалеты. Молодежные службы, тюрьмы, приюты и многие другие службы также обязаны использовать эту логику. Все эти учреждения и персонал должны изучать новый язык, большая часть которого, например, термин «цис», отводит женщин – тех, кто биологически является женщинами – на второстепенный статус, как всего лишь один тип женщин, который, в трансгендерной логике, имеет привилегию перед теми мужчинами, которые живут с иллюзией, что они – люди, рожденные и выросшие как мужчины и с мужской биологией – сами являются «женщинами».

Но гендер в трансгендеризме положителен для тех, кто получает от этого финансовую выгоду, например, для медицинских работников, консультанток, психологинь, эндокринологинь, хирургинь, фармацевтических компаний. Он также положителен для растущей онлайн-индустрии поставщиц аксессуаров, бандажей для груди, париков, обуви на высоких каблуках мужского размера и советов, например, как носить стесняющую «женскую» одежду и имитировать «женскую» позу. Это позитивно для значительной индустрии трансгендерной порнографии и проституции, которая

направлена на мужчин кроссдрессеров и всех мужчин, которых возбуждает материал, включающий мужчин с грудными имплантами и пенисами, или мужчин, которых заставляют носить корсеты и так далее. Это позитивно для тех, кто проводит обучение «разнообразию», кто инструктирует бизнес и государственные службы о том, чтобы они отложили свои опасения по поводу трансгендеризма и соблюдали право на «гендерную идентичность», независимо от того, как это влияет на права женщин. На транссексуальной империи можно заработать много денег.

Гендер в трансгендеризме позитивен для поддержки и поддержания гендерных основ, поддерживающих здание мужского доминирования. Таким образом, трансгендеризм враждебен правам всех женщин. Гендер функционирует как система сортировки для мужского господства, определяя подчиненных и доминирующих. Он также предоставляет прутья клетки, в которую заключают женщин в их повседневной жизни. Во имя «гендера» девочки и женщины вырастают, контролируя свои движения, занимая мало места, стараясь оказывать мужчинам и мальчикам почтение, чтобы на них не нападали за ненависть к мужчинам или за то, что они суки сжигающие бюстгалтеры. Они относятся к своим телам как к объектам, которые нужно преобразовать для мужского взгляда с помощью макияжа и косметической хирургии; выставляют напоказ те области, которые мода диктует, чтобы они были обнажены: грудь, ягодицы, спины, животы; ограничивают их движения тесной одеждой и обувью, которые вредят и деформируют ступни и причиняют боль. Все это практики, которые калечат амбиции и желания девочек и женщин.

Трансгендеризм поддерживает идею о том, что в гендере есть что-то естественное и неизбежное. И это несмотря на то, что феминистки и женщины в целом постоянно бросают вызов «женственности» в своих действиях и внешнем виде.

Трансгендерные активисты не ценят эти вызовы и стремятся

навязать свою точку зрения о том, что защита женственности должна быть целью феминизма, несмотря на явные доказательства того, что многие женщины, в частности лесбиянки, не хотят в этом участвовать. Гендер функционирует как идеологическая система, которая оправдывает и организует подчинение женщин, и по этой причине он должен быть уничтожен. Женщины и девочки не могут получить доступ к полной человечности и правам и возможностям полного человеческого статуса (MacKinnon, 2005), в то время как идея о том, что существуют черты личности и нормы внешнего вида, которые естественным образом и по сути связаны с девочками и женщинами, все еще имеет социальную ценность и служит для контроля и ограничения их жизни.

Исчерпание категории «трансгендер»

Масштабы трансгендерной империи, возможно, достигают своего пика, поскольку транскритика растет быстрыми темпами как внутри активистского феминизма, так и со стороны жен и сожалеющих. Растет волна критики концепции и практики трансгендеризма со стороны недавно активизировавшегося радикального феминистского движения. Более того, идея трансгендеризма стала настолько расплывчатой и общей, что эта категория находится под угрозой взрыва. Старая идея о том, что мужчин с расстройством гендерной идентичности можно эффективно отделить от мужчин кроссдрессеров, была серьезно подорвана растущим развитием мужчин, которые утверждают, что они женщины, но сохраняют свои пенисы, и, как Вирджиния Принс, выбирают только прием гормонов; и мужчин, которые говорят, что трансгендерное лечение следует рассматривать как косметическую операцию, которую может выбрать каждый. Некоторые трансгендерные активисты стремятся включить всех лесбиянок и геев в категорию трансгендеров. Этот термин быстро теряет какое-либо отличительное значение.

Претензии трансгендерных активистов на «права» на их гендерную идентичность находятся под угрозой дискредитации из-за распространения гораздо более необычной политики идентичности в интернете, которая в настоящее время пытается создать движения и политические кампании, основанные на правах. Политика идентичности критиковалась теоретиками феминизма как исходящая из консерватизма и крайнего индивидуализма, которые начались при неолиберальных политических режимах с 1980-х годов (McNeil, 1996). Политика идентичности заменила структурный политический анализ и означала, что люди могли заявлять о идентичности, которая, как считалось, приходила с небес, а не из властных структур пола, расы и класса. Политика идентичности была созвучна политике якобы уполномоченного потребительства, которую представлял этот политический период. Идентичности и атрибуты, которые их поддерживали, потреблялись, а не рассматривались как созданные силами угнетения (Davis, 2011). Этот анализ хорошо подходит для многих идентичностей, которые возникли в результате создания личных блогов через Tumblr и привели к онлайн-сообществам людей, которые считают себя имеющими идентичности других рас, известных как трансэтники, или наполовину людьми и наполовину животными, терианами или вымышленными персонажами, вымышленными или нечеловеческими, инородцами. Например, «Человек-дракон» О. Скрибнер предоставил полезную историческую карту развития сообщества инородцев (Scribner, 2012). Они принимают политический подход трансгендеризма, утверждая, что подвергаются дискриминации на работе из-за того, что они волки или гномы, и что люди их не понимают, маргинализируют и исключают. Макс Рид в своей статье для интернет-журнала Gawker об этом явлении цитирует личность с Tumblr, которая стремится идти в ногу с более необычными тенденциями в идентичности: «Отношения между законными активистками социальной справедливости и бредовыми чудаками постоянно меняются и дают захватывающие идеи о том, как

работают активистские сообщества» (Read, 2012). Онлайн-активистки, которые признали, что люди должны иметь права человека, основанные на их «идентичности», а не на том, что они являются членками угнетенных групп, могут испытывать трудности с пониманием того, где провести черту. Политика этих необычных идентичностей основана на трансгендеризме, но в сети гораздо больше скептицизма относительно того, насколько им следует оказывать уважение. Заявления мужчин о том, что они на самом деле женщины, встречают более сочувственный отклик, чем заявления белой женщины о том, что она всегда была корейской кошкой (Read, 2012).

Транс-эйблизм, политика идентичности людей, которые хотят, чтобы им ампутировали конечности или сломали позвоночник, чтобы они могли стать паралитиками, теперь имеет довольно значительное присутствие в Интернете и некоторую поддержку среди медицинских работников, которые считают, что желание ампутации должно уважаться, и назвали это расстройством идентичности целостности тела (BIID) (Davis, 2011; First and Fisher, 2012). Медицинский этик Карл Эллиотт утверждает, что через пятьдесят лет и трансгендеризм, и его менее респектабельный кузен, транс-эйблизм, будут казаться шокирующими и ретроградными (Elliott, 2000, 2003). Как он говорит, «Пятьдесят лет назад предположение, что десятки тысяч людей когда-нибудь захотят хирургически изменить свои гениталии, чтобы они могли изменить свой пол, было бы нелепым» (Elliott, 2003: 230). Еще через пятьдесят лет культурные условия могут снова не сочувствовать идее трансгендеризма или BIID. Идея о том, что тела должны быть изменены медицинской профессией как вопрос «права», потому что их владелицы считают, что предпочли бы иметь другой пол или инвалидность, вероятно, покажется экстраординарной и серьезно вредной.

Озадачивает, что мужчины, которые утверждают, что они женщины, добились гораздо большего общественного признания и

юридической поддержки, когда те, кто занимается деятельностью, которая не обязательно сильно отличается, не получают такого подтверждения. Вероятно, именно принятие сущностной природы гендера создает гнездо для принятия трансгендеризма. Идея «гендера», поскольку она рассматривается как естественная и необходимая и действительно лежит в основе социальной формации мужских доминирующих обществ, может быть понята как приемлемая, даже когда она появляется в необычных местах или у необычных людей. Гендер в любой форме более приемлем и понятен, чем его отсутствие. Удаление рук и ног, самокастрация и добровольная слепота не поддерживаются столь глубоко укоренившейся системой убеждений и могут быть идентифицированы как необоснованные, в том смысле, в котором не является таковой стремление к модификации тела с целью создания симулякра женственности на мужском теле.

Феминизм и конец гендера

Если растущая новая волна феминизма добьется большего успеха в оспаривании здания гендера, чем предыдущие этапы женской эмансипации, трансгендеризм исчезнет. «Гендерное различие» одновременно основано на материальном неравенстве женщин и используется для его объяснения. Когда это неравенство будет оспорено, требование, чтобы женщины вели себя как подчиненные, также будет подорвано, потому что тот факт, что женщины занимают мало места и держат колени вместе, является внешним коррелятом того факта, что они зарабатывают всего две трети денег, которые мужчина зарабатывает за свою жизнь. Когда женщины не будут вынуждены носить одежду подчиненных, их одежда будет менее привлекательной для мужского мазохизма, и разнообразие трансгендеризма, возникающее в результате интереса мужчин к кроссдрессингу, не будет иметь никакого объяснения. В настоящее время нормы внешнего вида женщин отражают их более низкий статус и, следовательно, стеснение,

неспособность легко передвигаться на высоких каблуках, обнажение тела, бритье и покраска обозначают женственность и предлагают мужчинам все удовольствия самоуничижения, когда они их принимают. Кроссдрессинг мужчинам не будет иметь смысла в будущем, когда плоские туфли и брюки смогут носить оба пола, и не будет одежды, отдающей подчинением, которая обеспечивает острые ощущения подчинения.

Новая волна феминизма обещает большее движение к будущему, которое не будет так жестко структурировано вокруг поклонения агрессивной мужественности и института гетеросексуальности, и это может сделать менее обязательным для тех мужчин, которые в настоящее время трансгендеры, избегать гомосексуальности. Это может устранить социальную стигму, которая побуждает их менять свои тела, чтобы любить свой пол. Для лесбиянок и других женщин, которые стремятся избежать низкой заработной платы, социального принижения и принудительного унижения, становясь «женственными», и которые могут захотеть любить других женщин без общественного осуждения, большее равенство полов устраним мотивацию к переходу. Мир, в котором будет меньше насилия со стороны мужчин по отношению к девочкам и женщинам, даст меньше причин для женщин желать избавиться от женских тел, в которых они подвергались насилию. Быть девочкой или женщиной не будет обузой.

Но новая волна феминизма должна столкнуться с новыми проблемами. Трансгендерные активисты ведут борьбу за выживание своей идеологии, которая включает в себя оскорбления в интернете и кампании преследования, публичные нападения на феминисток и кампании по предотвращению феминистской свободы слова и ассоциаций. Противниками в основном являются мужчины, которые считают себя настоящими женщинами, а в обществах, где доминируют мужчины, мужчины обладают властью и авторитетом. Их половые наклонности защищены, так что порнография и проституция сохраняются правительствами для

соблазнения граждан мужского пола и приобретения их голосов. Мужские половые интересы, созданные из подчинения женщин, ревностно уважаются. Но новая волна феминизма также должна столкнуться с новыми вызовами со стороны медицинской и институциональной поддержки гендера. Поддержка трансгендеризма является государственной политикой в Великобритании (Комиссия по вопросам равенства и прав человека, дата не указана). В научно-фантастическом повороте событий государство теперь контролирует создание и поддержание стереотипов о половых ролях посредством законодательства Великобритании, в котором группа экспертов выносит решение о «гендере» заявителей на «сертификаты о признании пола» (Jeffreys, 2008). Это далеко от пьянящих дней 1970-х годов, когда феминистский проект заключался в устранении того, что тогда называлось половыми ролями. Государственная политика теперь связана с конструированием «гендера» и наиболее оскорбительными карикатурами на женственность, вплоть до признания того, что они должны применяться к детям, посредством руководящих принципов в отношении трансгендерных детей от Национальной службы здравоохранения Великобритании. Я помню, как в начале 1970-х годов, когда я была в женской группе Национального союза учительниц в Манчестере, Великобритания, нашей первоочередной задачей было избавление стереотипов о половых ролях из школьных учебников. Джанет, как мы считали, не должна ограничиваться помощью матери на кухне, пока Джон возится с семейной машиной. Весь этот оптимизм кажется давно минувшим. Штаты, законодательные органы, большая часть феминистской академии, а также организации лесбиянок и геев вовлечены в рэкет по защите гендера. Новая волна феминистского активизма, которая стремится отменить гендер, находится на прямом пути столкновения с защитой гендера. Впереди нас ждут интересные времена.

ССЫЛКИ

ABC (2003, 11 August). Enough rope with Andrew Denton. Australian Broadcasting Corporation. www.abc.net.au/tv/enoughrope/transcripts/s927538.htm

Adams, Carol J. (1990). *The Sexual Politics of Meat*, New York: Continuum

Agius, Silvan and Tobler, Christa (2011 June). Trans and intersex people. Discrimination on the grounds of sex, gender identity and gender expression. Network of legal experts in the non-discrimination field. European Commission: Director-General for Justice. www.refworld.org/pdfid/4fdedde32.pdf

Allen, Vanessa (2009, 5 September). Transsexual killer and attempted rapist wins 'human rights' battle to be moved to women's prison, London: The Daily Mail. www.dailymail.co.uk/news/article-1211165/Transsexual-prisoner-wins-High-Court-battle-moved-womens-jail.html

Alleyne, Richard (2011, 15 April). Puberty blockers for children considering sex change, London: The Telegraph. www.telegraph.co.uk/health/healthnews/8454002/Puberty-blocker-for-children-considering-sex-change.html

Angelsforum (2012, 7 October). In the Sun. MtoF has regrets. <http://79.170.40.33/angelsforum.co.uk/phpforum/viewtopic.php?f=2&t=23423>

APA Task Force (2007). American Psychological Association Task Force on the sexualization of girls. American Psychological Association. www.apa.org/pi/women/programs/girls/report-full.pdf

Asscheman, H., Gooren, L.J.G. and Eklund, P.L.E. (1989). Mortality and morbidity in transsexual patients with cross-gender hormone treatment. *Metabolism*, 38 (9): 867–73

Atlas Strawberries (2012). About. <http://atlasstrawberries.tumblr.com/about>

Bailey, Michael (2003). *The Man Who Would Be Queen*, Washington, D.C.: Joseph Henry Press

Bailey, J. Michael and Triea, Kiira (2007). What many transgender activists don't want you to know. *Perspectives in Biology and Medicine*, 50 (4): 521–34

Barrow, Becky (2012, 7 November). Women earn 1/2 million pounds less than men: even for identical jobs the pay gap's still huge. Mail Online. www.dailymail.co.uk/news/article-2228984/Women-earn-1-2m-lifetime-men-Even-identical-jobs-pay-gaps-huge.html

Batty, David (2004, 31 July). Mistaken identity. The Guardian. www.guardian.co.uk/society/2004/jul/31/health.socialcare

- Batty, David (2007a, 25 May). Sex change doctor guilty of misconduct. The Guardian. www.guardian.co.uk/society/2007/may/25/health.medicineandhealth2
- Batty, David (2007b, 25 May). Russell Reid inquiry. Key figures. The Guardian. www.guardian.co.uk/uk/2007/may/25/health.society
- Batty, David (2013, 6 January). Doctor under fire for alleged errors prescribing sex- change hormones. The Guardian. <http://guardian.co.uk/society/2013/jan/06/ transexualism-gender-reassignment-richard-curtis>
- Bauer, Robin (2008). Transgressive and transformative gendered sexual practices and white privileges: the case of the dyke/trans BDSM communities. *Women's Studies Quarterly*, 36 (3–4): 233–53
- Benvenuto, Christine (2012a). *Sex Changes. A Memoir of Marriage, Gender, and Moving On*, New York: St. Martin's Press
- Benvenuto, Christine (2012b, 3 December). Staying in the same town as my ex. Kveller, A Jewish Twist on Parenting. Now only available at GenderTrender. <http://gendertrender.wordpress.com/2012/12/06/censored-by-trans-activists-staying- in-the-same-town-as-my-ex-by-christine-benvenuto/>
- Bhardwaj, Ajay (2005, 14 October). Violent transsexual shipped out: Killer trans- ferred from jail after threatening staff. UCCO-SACC. www.ucco-sacc.csn.qc.ca/ScriptorAdmin/scripto.asp?resultat=649498P
- Bibby, John (2013, 1 June). Please, just call me Norrie, this is a whole new agenda. Melbourne, Australia: The Age. <http://theage.com.au/national/please-just-call-me- norrie-this-is-a-whole-new-agenda-20130531-2nhmo.html>
- Billings, Dwight B. and Urban, Thomas (1982). The socio-medical construction of transsexualism: an interpretation and critique. *Social Problems*, 29 (3): 266–82
- Blair, Karen J. (1984). The limits of sisterhood: the woman's building in Seattle, 1908–21. *Frontiers: A Journal of Women's Studies*, 8 (1): 45–52
- Blanchard, Ray (1991). Clinical observations and systematic studies of autogynephilia. *Journal of Sex and Marital Therapy*, 17 (4): 235–51
- Blanchard, Ray (2005). Early history of the concept of autogynephilia. *Archives of Sexual Behavior*, 34 (4): 439–46
- Bland, Lucy (1995). *Banishing the Beast: Feminism, Sex and Morality*, London: Penguin Books
- Bono, Chaz (2011). *Transition: Becoming Who I was Always Meant to Be*, New York: Dutton
- Bodlund, O. and Kullgren, G. (1996). Transsexualism – general outcome and prog- nostic factors: a five-year follow-up study of nineteen transsexuals in the process of changing sex. *Archives of Sexual Behavior*, 25: 303–17
- Bower, Herbert (2001). Gender identity disorder in the DSM-IV classification: a critical evaluation. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 35: 1–8

Boyd, Helen (2004). *My Husband Betty: Love, Sex and Life with a Crossdresser*, Berkeley, CA: Seal Press

Boyd, Helen (2007). *She's Not the Man I Married: My Life with a Transgender Husband*, Berkeley, CA: Seal Press

Brady, Susan M. and Grover, Sonia (1997). *The sterilisation of girls and young women in Australia: a legal, medical and social context*. Canberra, Australia: Human Rights and Equal Opportunity Commission. www.wwda.org.au/brady.htm

Brennan, Cathy and Hungerford, Elizabeth (2011). 'Gender identity' legislation and the erosion of sex-based legal protections for females. radicalhub.com/2011/08/01/gender-identity-legislation-and-the-erosion-of-sex-based-legal-protections-for-females/

Brill, Stephanie and Pepper, Rachel (2008). *The Transgender Child. A Handbook for Families and Professionals*, San Francisco, CA: Cleis Press

Brodrib, Somer (1992). *Nothing Mat(t)ers. A Feminist Critique of Postmodernism*, Melbourne, Australia: Spinifex Press

Brown, Nicola, R. (2007). Stories from outside the frame: intimate partner abuse in sexual-minority women's relationships with transsexual men. *Feminism and Psychology*, 17 (3): 373–93

Brown, Nicola, R. (2009). 'I'm in transition too': sexual identity renegotiation in sexual-minority women's relationships with transsexual men. *International Journal of Sexual Health*, 21: 61–77

Brown, Nicola, R. (2010). The sexual relationships of sexual minority women partnered with trans men: a qualitative study. *Archives of Sexual Behaviour*, 39: 561–72 Brown, Elspeth (2011). *Feeling archive: partners as transphobic*. <http://elspethbrown.tumblr.com/post/20288979119/partners-as-transphobic>

Browne, Kath (2011). Lesbian separatist feminism at Michigan Womyn's music festival.

Feminism and Psychology, 21 (2): 248–56

Bucar, Elizabeth and Enke, Anne (2011). Unlikely sex change capitals of the world: Trinidad, United States, and Tehran, Iran, as twin yardsticks of homonormative liberalism. *Feminist Studies*, 37 (2): 301–28

Bullough, Vern L. (2006). Legitimizing transsexualism. *International Journal of Transgenderism*, 10 (1): 3–13.

Burris, Barbara (1973). Fourth world manifesto. In Anne Koedt, Ellen Levine and Anita Rapone

(eds), *Radical Feminism*, New York: Quadrangle Books, pp. 322–57 Butler, Judith (1990). *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*, New York:

Routledge

Butler, Judith (2004). *Undoing Gender*, New York: Routledge

- Buxton, Amity (2006). When a spouse comes out: impact on the heterosexual partner. *Sexual Addiction and Compulsivity: The Journal of Treatment and Prevention*, 13 (10): 317–32.
- Califa, Pat (1994). *Public Sex: the Culture of Radical Sex*, San Francisco, CA: Cleis Press
- Cameron, Laura (2013). How the psychiatrist who co-wrote the manual on sex talks about sex. *Motherboard*. <http://motherboard.vice.com/blog/heres-how-the-guy-who-wrote-the-manual-on-sex-talks-about-sex#ixzz2SSORkDVM>
- Card, Claudia (ed.) (1991). *Feminist Ethics*, Lawrence, KS: University of Kansas Press
- Case, Sue- Ellen (1997). Toward a butch-feminist retro future. In Heller, Dana (ed.), *Cross-Purposes: Lesbians, Feminists and the Limits of Alliance*, Bloomington, IN: Indiana University Press, pp. 205–20
- Cavanagh, Sheila L. (2010). *Queering Bathrooms. Gender, Sexuality, and the Hygienic Imagination*, Toronto, Canada: University of Toronto Press
- Cavanagh, Sheila L. (2011). You are where you urinate. *The Gay and Lesbian Review*, July–August: 18–20
- Center for Reproductive Rights (2010). *Reproductive rights violations as cruel, inhuman or degrading treatment or punishment: a critical human rights analysis*, New York: Centre for Reproductive Rights. <http://reproductiverights.org/sites/crr.civicactions.net/files/documents/TCIDT.pdf>
- Chapman, Donna and Caldwell, Benjamin (2012). Attachment injury resolution in couples when one partner is trans-identified. *Journal of Systemic Therapies*, 31 (2): 36–53
- Chase, Lisa (2011). Wives' tales: the experiences of trans partners. *Journal of Gay and Lesbian Social Services*, 23, Issue 4: 429–51
- Chiland, Colette (2004). *Transsexualism. Illusion and Reality*, London: Sage
- Chin, Angelina (2012). *Bound to Emancipate: Working Women and Urban Citizenship in Early Twentieth-Century China and Hong Kong (Asia/Pacific/Perspectives)*, Lanham, MD: Rowman & Littlefield
- Clements-Nolle, Kristen, Marx, Rani and Katz, Mitchell (2006). Attempted suicide among transgender persons. *Journal of Homosexuality*, 51 (3): 53–69
- Comfort, Alex (1972). *The Joy of Sex. A Gourmet Guide to Lovemaking*, London: Quartet
- Cook-Daniels, Loree (1998a). *Transpositioned*. *Circles Magazine*. www.elspethbrown.org/sites/default/files/imce/cook-daniels_trans-positioned1998_0.pdf
- Cook-Daniels, Loree (1998b). *Dancing with snipers*. http://elspethbrown.org/sites/default/files/imce/cook-daniels_dancing_with_snipers.doc
- Connell, R.W. (2005). *Masculinities*, Cambridge, UK: Polity Press

Connell, Raewyn (2012). Transsexual women and feminist thought: toward new understanding and new politics. *Signs*, 37 (4): 857–81

Connell, Raewyn (2011). Transgenderism and feminism. Lecture. African Gender Institute.

<http://soundcloud.com/african-gender-institute/professor-raewyn-connell> Coveney, Lal

(1979). Transsexuals in the women's liberation movement. Paper for the Rad/Rev Conference, Leeds, 22–23 September 1979. Lesbian Archive collection,

Glasgow Women's Library. Box no: LAIC 1/3

Crossdresserswives.com (n.d.a, accessed 19 December 2012). Founder's story. www.crossdresserswives.com/revision/foundersstory.html

Crossdresserswives.com (n.d.b, accessed 19 December 2012). Bill of Rights. www.crossdresserswives.com/revision/billofrights.html

CSGS (2011). Postposttranssexual: transgender studies and feminism. Center for the Study of Gender and Sexuality at New York University. www.csgsnyu.org/2010/10/postposttranssexual-transgender-studies-and-feminism/

Culture Lab (2013). Women and society CFP. Culturelab. Annenberg School for Communication, University of Pennsylvania. <http://culturelab.asc.upenn.edu/2013/05/20/women-society-cfp/>

Daily News (2013, 14 May). Police: Palmdale man dressed as woman in restroom arrested. Los Angeles: Daily News. www.dailynews.com/news/ci_23244297/police-palmdale-man-dressed-woman-restroom-arrested

Daly, Mary (1978). *Gyn/Ecology. The Metaethics of Radical Feminism*, Boston, MA: Beacon Press

Darke, Julie and Cope, Allison (2002). *Trans Inclusion Policy Manual for Women's Organizations*, Vancouver, BC: Trans Alliance Society

Davis, Jenny (2011). Prosuming identity: the production and consumption of transability on Transabled.org. *American Behavioral Scientist*, 56: 596–617

Day, Elizabeth (2005, 9 October). Richard, the first transsexual GP, was Vanda, the miner's daughter. www.telegraph.co.uk/news/uknews/1500262/Richard-the-first-transsexual-GP-was-Vanda-the-miners-daughter.html

De Beauvoir, Simone (1973, first published 1949). *The Second Sex*, New York: Vintage Books

Delphy, Christine (1993). Rethinking sex and gender. *Women's Studies International Forum*, 16 (1): 1–9

Delphy, Christine and Leonard, Diana (1992). *Familiar Exploitation: A New Analysis of Marriage in Contemporary Western Societies*, London: Polity Press

D'Emilio, John (1998, first published 1983). *Sexual Politics, Sexual Communities*, Chicago: Chicago University Press

Department of Health (2008). Medical Care for Gender Variant Children and Young People: Answering Families' Questions, London: National Health Service. www.gires.org.uk/assets/DOH-Assets/pdf/doh-children-and-adolescents.pdf

Devor, Holly (1994). Transsexualism, dissociation, and child abuse: an initial discussion based on nonclinical data. *Journal of Psychology and Human Sexuality*, 6 (3): 49–72

Devor, Holly (1999). *FTM. Female-to-Male Transsexuals in Society*, Bloomington and Indianapolis, IN: Indiana University Press

Devor, Aaron (2002). Who are 'we'? Where sexual orientation meets gender identity. *Journal of Gay and Lesbian Psychotherapy*, 6 (2): 5–21

Dhejne, C, Lichtenstein, P, Boman, M., Johansson, A.L., Langstrom, N. and Landen, M. (2011). Long-term follow-up of transsexual persons undergoing sex reassignment surgery: cohort study in Sweden. *US National Library of Medicine. National Institutes of Health. PLoS One*. 2011 Feb 22;6(2):e16885. doi: 10.1371/journal.pone.0016885. www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/21364939

DiMera, Matthew (2011, 31 March). Gay places that matter. Gay spaces. Suggestions from Vancouver's gay activist. www.xtra.ca/public/Vancouver/Vancouver_plaques_project_lacks_gay_sites-9954.aspx

Dirt from Dirt, The (n.d.). The dirt from dirt blog. <http://dirtywhiteboi67.blogspot.com/> Dirt from Dirt (2010a, 12 September, accessed 17 January 2013). Trans (male) violence – Camp Trans and Michfest 2010, Part 1. <http://dirtywhiteboi67.blogspot.com.au/2010/09/trans-male-violence-camp-trans-and.html>

Dirt from Dirt (2010b, 15 September, accessed 17 January 2013). Trans (male) violence – Camp Trans and Michfest 2010, Part 2. http://dirtywhiteboi67.blogspot.com.au/2010/09/trans-male-violence-camp-trans-and_15.html

Doan, Laura (2001). *Fashioning Sapphism. The Origins of a Modern English Lesbian Culture*, New York: Columbia University Press

Dowbiggin, Ian Robert (1997). *Keeping America Sane. Psychiatry and Eugenics in the United States and Canada, 1880–1940*, Ithaca, NY and London: Cornell University Press

Dreger, Alice D. (1998). 'Ambiguous sex' – or ambivalent medicine? Ethical problems in the treatment of intersexuality. *The Hastings Center Report*, 28 (3): 24–35

Dreger, Alice D. (2011, 22 June). Trans advocates. *The Stranger*. www.thestranger.com/seattle/trans-advocates/Content?oid=8743338

Drescher, Jack (2002). An interview with GenderPAC's Riki Wilchins. *Journal of Lesbian and Gay Psychotherapy*, 6 (2): 67–85

[Drspiegel.com](http://drspiegel.com) (accessed, 19 February 2013). www.drspiegel.com/facial-feminization-ffs/

Duffy, Maureen (1966). *The Microcosm*, London: Hutchinson

Dunn, Mark (2012, 26 July). Serial killer Paul Denyer quizzed on four jail rapes in six weeks. Melbourne: Herald Sun. www.heraldsun.com.au/news/law-order/killer-paul-denyer-quizzed-on-jail-rapes/story-fnat7jnn-1226435264343#mm-premium

Dunne, Gillian A. (2000). *Lesbian Lifestyles: Women's Work and the Politics of Sexuality*, Basingstoke and London: Macmillan

Dykstra, Laurel A. (2005). Trans-friendly preschool. *Journal of Gay and Lesbian Issues in Education*, 3 (1): 7–13

Dynes, Wayne (1992). Wrestling with the social boa constrictor. In Stein, Edward (ed.). *Forms of Desire. Sexual Orientation and the Social Constructionist Controversy*, London: Routledge, pp. 209–38

Ekins, Richard (1997). *Male Femaling. A Grounded Theory Approach to Cross-dressing and Sex-changing*, London: Routledge

Ekins, Richard (2005). Virginia Prince: transgender pioneer. *International Journal of Transgenderism*, 8 (4): 5–15

Ekins, Richard and King, Dave (2010). The emergence of new transgendering identities in the age of the internet. In Hines, Sally and Sanger, Tam (eds). *Transgender Identities: Towards a Social Analysis of Gender Diversity*, New York: Routledge, pp. 25–42

Elliott, Carl (2003). *Better Than Well: American Medicine Meets the American Dream*, New York: W.W. Norton and Company

Ellis, Henry Havelock (1927, first published 1897). *Studies in the Psychology of Sex Vol.*

2. *Sexual Inversion*, Philadelphia, PA: F.A. Davis

Endocrine Society (2009). *Endocrine treatment of transsexual persons: an endocrine society clinical practice guideline*. Chevy Chase, MD, USA. www.endo-society.org/guidelines/final/upload/Endocrine-Treatment-of-Transsexual-Persons.pdf

Enke, A. Finn (ed.) (2012). *Transfeminist Perspectives in and beyond Transgender and Gender Studies*, Philadelphia, PA: Temple University Press

Enke, A. Finn (2012a). The education of little cis. Cisgender and the discipline of opposing bodies. In Enke, Anne (ed.), *Transfeminist Perspectives in and beyond Transgender and Gender Studies*, Philadelphia, PA: Temple University Press, pp. 60–77

Enke, A. Finn (2012b). Introduction. Transfeminist perspectives. In Enke, Anne (ed.), *Transfeminist Perspectives in and beyond Transgender and Gender Studies*, Philadelphia, PA: Temple University Press, pp. 1–15

Epstein, Steven (1992). Gay politics, ethnic identity: the limits of social constructionism. In Edward Stein (ed.). *Forms of Desire. Sexual orientation and the social constructionist controversy*, London: Routledge, pp. 239–94

Epstein, Emily Anne (2012, 11 May). Students arrested after they 'filmed upskirt video of their teacher and posted it on YouTube'. Daily Mail. www.dailymail.co.uk/news/article-2142748/Students-arrested-filmed-upskirt-TEACHER-posted-YouTube.html

Equality and Human Rights Commission (n.d., accessed 3 June 2013). Transgender additional resources. www.equalityhumanrights.com/advice-and-guidance/your-rights/transgender/transgender-additional-resources/

Erhardt, Virginia (ed.). 2007. *Head Over Heels: Wives Who stay With Cross-dressers and Transsexuals*, New York: Routledge

Ettelbrick, Paula L. and Zeran, Alia Trabucco (2010, 10 September). The impact of the Yogyakarta Principles on International Human Rights Law Development. A study of November 2007–June 2010. ARC International: Yogyakarta Principles in Action. www.asiapacificforum.net/support/issues/sexual_orientation/downloads/yogyakarta-principles/Yogyakarta_Principles_Impact_Human_Rights_Law.pdf

Facialfeminizationsurgery.info (n.d., accessed, 19 February 2013). Facial feminization surgery. www.facialfeminizationsurgery.info/

Faderman, Lillian (1997). Afterword. In Heller, Dana (ed.). *Cross-Purposes: Lesbians, Feminists and the Limits of Alliance*, Indianapolis, IN: Indiana University Press, pp. 221–29

Family Court of Australia (2004, 13 April). *Re Alex* (hormonal treatment for gender identity disorder) Fam. CA 297. www.austlii.edu.au/au/cases/cth/FamCA/2004/297.html

Family Court of Australia (2008, 15 May). *Re Brodie* (special medical procedure) Fam. CA 334. www.austlii.edu.au/cgi-bin/sinodisp/au/cases/cth/FamCA/2008/334.html?stem=0

Family Court of Australia (2011, 6 April). *Re Jamie* (special medical procedure) Fam. CA 248. www.austlii.edu.au/cgi-bin/sinodisp/au/cases/cth/FamCA/2011/248.html?stem=0

Female to Male (n.d., accessed 22 May 2013). Metoidioplasty. www.femaletomale.org/female-to-male-surgery/metoidioplasty/

Fine, Cordelia (2010). *Delusions of Gender. The Real Science behind Sex Differences*, Sydney: Allen and Unwin

First, M.B. (2004). Desire for amputation of a limb: Paraphilia, psychosis, or a new type of identity disorder. *Psychological Medicine*, 35: 919–928

First, Michael and Fisher, Carl E. (2012). Body integrity identity disorder: the persistent desire to acquire a physical disability. *Psychopathology*, 45: 3–14

Flin, Susan K. (2008). Lupron – what does it do to women's health. National Women's Health Network. <http://nwhn.org/lupron%C2%AE-%E2%80%93-what-does-it-do-women%E2%80%99s-health>

Foucault, Michel (1978). *The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction*, New York: Pantheon

Fowler, Maria (2001). Sexual social scripts and the re-imaginings of community identity. *Ethnologies*, 23 (1): 45–61

Freedman, Estelle (1979). Separatism as a strategy: female institution building and American feminism, 1870–1930. *Feminist Studies*, 5 (3): 512–519

Frye, Marilyn (1983). *The Politics of Reality: Essays in Feminist Theory*, Trumansburg, NY: The Crossing Press

Frye, Phyllis (2000), *The International Bill of Gender Rights v. The Cider House Rules*: transgenders struggle with the courts over what clothing they are allowed to wear on the job, which restroom they are allowed to use on the job, their right

to marry, and the very definition of their sex, William G Mary *Journal of Women and the Law*, 7: 133–216

Frye, Phyllis (2001). History of the International Conference on Transgender Law and Employment Policy, Inc. www.transgenderlegal.com/ictlephis1.htm

Futterweit, Walter (1998). Endocrine therapy of transsexualism and potential complications of long-term treatment. *Archives of Sexual Behavior*, 27 (2): 209–26

Gage, Carolyn (2010 February). The inconvenient truth about Teena Brandon. *Trivia: Voices of Feminism*. Issue 10. www.triviavoices.com/issue-10-are-lesbians-going-extinct-1.html

Garber, Marjorie (1997). *Vested Interests. Crossdressing and Cultural Anxiety*, London and New York: Routledge

Gardiner, Jill (2003). *From the Closet to the Screen. Women at the Gateways Club, 1945–85*, London: Rivers Oram Press

Garmon, Savannah (2012, 27 January, accessed 25 July 2012). Requiem for a dialogue. www.prettyqueer.com/2012/01/27/requiem-for-a-dialogue/

Garrett, William (2007). *Marie Stopes: Feminist, Eroticist, Eugencist*, San Francisco, CA: Kenon Books

Gender Menders (n.d.). Social outreach of the Gender Identity Awareness Association. Archived version at: <http://pandora.nla.gov.au/tep/56567>

Gender Spectrum (n.d.b), accessed 16 April 2012). www.genderspectrum.org/ GenderTrender (n.d.a). <http://gendertrender.wordpress.com/>

GenderTrender (2011, 4 March). Men who love the ladies' restroom. <http://gendertrender.wordpress.com/2011/03/04/men-love-the-ladies-restroom-this-week-in-the-news/>

GenderTrender (2011a, 13 February, accessed 20 May 2013). Male to eunuch, asexuality and gender nullification. <http://gendertrender.wordpress.com/2011/02/13/male-to-eunuch-asexuality-and-gender-nullification/>

GenderTrender (2012, 15 August). Letter from Michfest 2012: 'Man on the land'! <http://gendertrender.wordpress.com/?s=michfest>

GenderTrender (2013, 18 January). Tweeting Suzanne Moore: A random sample. <http://gendertrender.wordpress.com/2013/01/18/tweeting-suzanne-moore-a-random-sample/>

GenderTrender (2013b, 17 March). Cotton ceiling this week. <http://gendertrender.wordpress.com/2013/03/17/the-cotton-ceiling-this-week/>

Gendered Intelligence (2009–2013). Trans awareness training. <http://genderedintelligence.co.uk/professionals/training>

Golgowski, Nina (2012). Parents' outrage as transgendered woman is permitted to use the women's locker room 'exposing himself to little girls'. Mail Online. www.dailymail.co.uk/news/article-2227562/Colleen-Francis-Outrage-transgendered-woman-permitted-use-college-womens-locker-room-exposing-himself.html

Goth, Amber (2012, 29 August). Transgendered author being attacked and slandered – attempt to censorship through intimidation. <http://amber-goth.blogspot.co.uk/?zx=6b1b1eef54cc40dd>

Gottschalk, Lorene (2003). Same-sex sexuality and childhood gender non-conformity: a spurious connection, *Journal of Gender Studies*, 12 (1): 35–50

Gottschalk, Lorene (2009). Transgendering women's space: a feminist analysis of perspectives from Australian women's services. *Women's Studies International Forum*, 32 (3): 167–78

Gottschalk, Lorene and Newton, Janice (2003). Not so gay in the bush: 'coming out' in regional and rural Victoria. University of Ballarat, Vic: School of Behavioral and Social Sciences and Humanities. <http://researchonline.ballarat.edu.au:8080/vital/access/manager/Repository/vital:2516;jsessionid=53F64AAE0C63856C0B8F109AFE3B1627>

Grant, Jaime M., Mottet, Lisa A., Tanis, Justin, Harrison, Jack, Herman, Jody L. and Keisling, Mara (2011). *Injustice at every turn: A report of the National Transgender Discrimination Survey*. Washington, D.C.: National Center for Transgender Equality and National Gay and Lesbian Task Force

Gray, Stephen (2012, 14 March). In photos: Germaine Greer glitter-bombed for trans comments. Pink News. www.pinknews.co.uk/2012/03/14/in-photos-germaine-greer-glitter-bombed-for-trans-comments/

Green, Jamison (1999), 'Look! No, don't!'. In More, Kate and Whittle, Stephen (eds), *Reclaiming Genders*. Transsexual grammars at the fin de siecle, London and New York: Cassell, pp. 118–31

Green, Jessica (2011, 19 April). London transgender conference cancelled after trans complaints. Pink News. www.pinknews.co.uk/2011/04/19/london-transgender-conference-cancelled-after-trans-complaints/

Greer, Germaine (1999). *The Whole Woman*, Milson's Point, NSW: Doubleday

Hage, J.J. (2000). Ovarian cancer in female-to-male transsexuals: report of two cases.

Gynecologic Oncology, 76: 413–15

Haig, David (2004). The inexorable rise of gender and the decline of sex: social change in academic titles, 1945–2001. *Archives of Sexual Behavior*, 33 (2): 87–96

Haiken, Elizabeth (1997). *Venus Envy: A History of Cosmetic Surgery*, Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press

Hakeem, Az (2007). Trans-sexuality: a case of the 'Emperor's New Clothes'. In Morgan, David Howell and Ruszcynski, Stan (eds). *Lectures on violence, perversion and delinquency*, London: Karnac Books, pp. 179–92

Hakeem, Az (2012). Psychotherapy for gender identity disorders. *Advances in Psychiatric Treatment*, 18: 17–24

Halberstam, Judith (1998). *Female Masculinity*, Durham and London: Duke University Press

Halberstam, Judith and Hale, C. Jacob (1998). Butch/FTM border wars: a note on collaboration. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 4 (2): 283–5

Harding, Sandra (ed.). (2004). *The Feminist Standpoint Theory Reader*, New York and London: Routledge

Harne, Lynne (2011). *Violent Fathering and the Risks to Children*, Bristol, UK: Policy Press

Hausman, Bernice L. (1995). *Changing Sex. Transsexuality, Technology, and the Idea of Gender*, Durham and London: Duke University Press

Herald Staff (2012, 13 September). Children's hospital doc arrested on child porn charge. http://bostonherald.com/news/regional/view/20220913childrens_hospital_doc_arrested_on_child_porn_charge

Hewitt, Jacqueline K, Paul, Campbell, Kaslanna, Porpaval, Grover, Sonia, Newman, Louise K and Warne, Garry. (2012). Hormone treatment of gender identity disorder in a cohort of children and adolescents. *Medical Journal of Australia*, 196: 578–81

Heyer, Walt (2011). *Paper Genders*, Make Waves Publishing

Heyer, Walt (2013). *Sex Change-It's Suicide: a Whistleblower Speaks Out*, Create Change Independent Publishing

Heyer, Walt (n.d., accessed 16 April 2013). Sex change regret. www.sexchangeregret.com/

Hoagland, Sarah (1988). *Lesbian Ethics: Towards New Value*, Palo Alto, CA: Institute of Lesbian Studies

Hollis (2013, 18 May, accessed 19 July 2013). Taking steps towards trans allyship. Earth First! Newswire. <http://earthfirstnews.wordpress.com/2013/05/18/taking-steps-towards-trans-allyship>

Horizon (2000). Complete obsession. BBC. www.bbc.co.uk/science/horizon/1999/obsession_script.shtml

Hudson (n.d., accessed 26 May 2013). Hudson's FTM resource guide. www.ftm-guide.org/links.html#info

Human Rights Watch (2007, March 27). 'Yogyakarta Principles': a milestone for lesbian, gay, bisexual, and transgender rights. Experts set out global standards for sexual rights and gender equality. www.hrw.org/news/2007/03/25/yogyakarta-principles-milestone-lesbian-gay-bisexual-and-transgender-rights

Iantaffi, Alex and Bockting, Walter O. (2011). Views from both sides of the bridge? Gender, sexual legitimacy and transgender people's experiences of relationships. *Culture, Health and Sexuality*, 13 (3): 355–70

Illich, Ivan (1975). The medicalization of life. *Journal of Medical Ethics*, 1 (2): 73–7
International Panel of Experts (2007). The Yogyakarta Principles. Principles on the application of international human rights law in relation to sexual orientation and gender identity. www.yogyakartaprinciples.org/principles_en_principles.htm

Ira (2010, 6 September). Chest binding 101. Transguys. <http://transguys.com/features/chest-binding>

Irving, Dan (2012). Elusive subjects: notes on the relationship between critical political economy and trans studies. In Enke, A. Finn (ed.). (2012). *Transfeminist Perspectives in and beyond Transgender and Gender Studies*, Philadelphia, PA: Temple University Press, pp. 153–69

ISNA (n.d., accessed 16 July 2013). Intersex society of North America. www.isna.org/

Jeffreys, Sheila (1989). Butch and femme now and then. In Lesbian History Group (eds). *Not a Passing Phase: Reclaiming Lesbians in History 1840–1985*, London: The Women's Press, pp. 158–87

Jeffreys, Sheila (1990). *Anticlimax: A Feminist Perspective on the Sexual Revolution*, London: The Women's Press

Jeffreys S. (2000). 'Body art' and social status: cutting, tattooing and piercing from a feminist perspective. *Feminism and Psychology*, 10 (4): 409–29

Jeffreys, Sheila (2003). *Unpacking Queer Politics*, Cambridge, UK: Polity

Jeffreys, Sheila (2005). *Beauty and Misogyny: Harmful Beauty Practices in the West*, London: Routledge

Jeffreys, Sheila (2006). Judicial child abuse: The family court of Australia, gender identity disorder, and the 'Alex' case. *Women's Studies International Forum*, 29: 1–12

Jeffreys, Sheila (2008). They know it when they see it: the UK Gender Recognition Act 2004. *Journal of Politics and International Relations*, 10 (2): 328–345

Jeffreys, Sheila (2012). Who cooked Adam Smith's dinner? In Pettman, Ralph (ed.).

Handbook on International Political Economy, Singapore: World Scientific Publishing, pp. 285–302

Jeffreys, Sheila (2012a, 29 May). Let us be free to debate transgenderism without being accused of 'hate speech'. Guardian. www.guardian.co.uk/commentisfree/2012/may/29/transgenderism-hate-speech

Jennings, Rebecca (2006). The gateways club and the emergence of a post-second world war lesbian subculture. *Social History*, 31 (2): 206–25

Jennings-White, Chloe (n.d., accessed 22 January 2013). Ascent List for Chloe Jennings-White. www.peakbagger.com/climber/ClimbListC.aspx?cid=4163

Johnson, Vivien (1981). *The Last Resort: A Women's Refuge*. Ringwood, Vic: Penguin Books

Joslin-Roher, Emily and Wheeler, Darrell (2009). Partners in transition: the transition experiences of lesbian, bisexual and queer identified partners of transgender men. *Journal of Lesbian and Gay Social Services*, 21 (1): 30–48

Kamo, Yoshinori (2000). 'He said, she said'. Assessing discrepancies in husbands' and wives' reports on the division of household labor. *Social Science Research*, 29: 459–76

Kaplan, Gisela (1996). *The Meagre Harvest. The Australian Women's Movement 1950s to 1990s*, St. Leonards, NSW: Allen and Unwin

Katz, Jonathan (1976). *Gay American History: Lesbians and Gay Men in the USA*, New York: Avon Books

Keisling, Mara (2008). Fighting for transgender rights. *Contemporary Sexuality*, November, 42 (11): 4–9

Klauch, Dolores (1974). *Woman Plus Woman: Attitudes towards Lesbianism*, New York: Simon and Schuster

Koyama, Emi (2001, accessed 20 July 2013). The transfeminist manifesto. <http://eminism.org/readings/pdf-rdg/tfmanifesto.pdf>

Koyama, Emi (2006.). Whose feminism is it anyway? The unspoken racism of the transinclusion debate. In Stryker, Susan and Whittle, Stephen (eds). *The Transgender Studies Reader*, London and New York: Routledge, pp. 697–705

Kurdek, Lawrence A. (2007). The allocation of household labor by partners in gay and lesbian couples. *Journal of Family Issues*, 28 (1): 132–48

Kveller (2012, 5 December). A note to our readers. www.kveller.com/blog/parenting/a-note-to-our-readers/

Lake, Marilyn (1999). *Getting Equal: the History of Australian Feminism*, St Leonards, NSW: Allen and Unwin

Langer, Susan J. and Martin, James I. (2004). How dresses can make you mentally ill: examining gender identity disorder in children. *Child and Adolescent Social Work Journal*, 21 (1): 5–23

Largent, Mark A. (2008). *Breeding Contempt. The History of Coerced Sterilization in the United States*, New Brunswick, NJ: Rutgers University Press

Laura (n.d., accessed 22 August 2011). Laura's playground. Transgender children. http://www.lauras-playground.com/transgender_transsexual_children.htm

Lavoie, Denise (2012, 4 September). Judge orders sex change for mass murder convict. <http://bigstory.ap.org/article/judge-orders-sex-change-mass-murder-convict/>

Lawrence, Anne (2004). Autogynephilia: a paraphilic model of gender identity disorder. *Journal of Gay & Lesbian Psychotherapy*, 8 (1–2): 69–87

Lawrence, Anne A. (2007). Becoming what we love. Autogynephilic transsexualism conceptualized as an expression of romantic love. *Perspectives in Biology and Medicine*, 50 (4): 506–20

Lawrence, Anne A. (2008). Shame and narcissistic rage in autogynephilic transsexualism. *Archives of Sexual Behavior*, 37: 457–61

Leriche, Albert, Timsit, M.O., Morel-Journel, N., Bouillot, A., Dembele, D. and Ruffion, A. (2008). Long-term outcome of forearm free-flap phalloplasty in the treatment of transsexualism. *BJU International (Formerly British Journal of Urology)*, 101 (10): 1297–300

Lerner, Gerda (1987). *The Creation of Patriarchy*, New York: Oxford University Press

Lev, Arlene Istar (2004). *Transgender Emergence. Therapeutic Guidelines for Working with Gender-variant People and their Families*, Binghamton, NY: The Haworth Press

Lev, Arlene Istar (2008). More than surface tension: femmes in families. *Journal of Lesbian Studies*, 12 (2–3): 127–44

Levine, Martin P. (1998). *Gay Macho: The Life and Death of the Homosexual Clone*, New York: New York University Press

Lucassen, Leo (2010). A brave new world: the left, social engineering, and eugenics in twentieth-century Europe. *Irish Review of Social History*, 55 (2): 265–96

Luecke, Julie C. (2011). Working with transgender children and their classmates in pre-adolescence: just be supportive. *Journal of LGBT Youth*, 8 (2): 116–56

Lyon Martin Health Services (2008). Our mission. www.lyon-martin.org

Mackinnon, Catharine A. (1989). *Toward a Feminist Theory of the State*, Cambridge, MA: Harvard University Press

Mackintosh, Mary (1968). The homosexual role. *Social Problems*, 16 (2), 182–92

McConville, James and Mills, Eithne (2003). Re Kevin and the right of transsexual persons to marry in Australia. *International Journal of Law, Policy and the Family*, 17 (3): 251–74

McDermott, Will and Emery (2011, 26 May). McDermott scores major win in landmark transgender rights case. www.mwe.com/news/uniEntity.aspx?xpST=NewsDetail&news=9678

McDonald, Myfanwy (2006). An other space: between and beyond lesbian-normativity and trans-normativity. *Journal of Lesbian Studies*, 10 (1–2): 201–14

McHugh, Paul (1992). Psychiatric misadventures. *American Scholar*, 61 (7): 497–510
McHugh, Paul (2004). Surgical sex. *First Things: A Journal of Religion, Culture and Public*

Life, pp. 34–8

McNeil, Sandra (1996). *All the Rage. Reasserting Radical Lesbian Feminism*. Harne, Lynne and Miller, Elaine (eds). London: The Women's Press

Makepeace, Clare (2009). To what extent was the relationship between feminists and the eugenics movement a 'marriage of convenience' in the interwar years? *Journal of International Women's Studies*, 11 (3): 66–80

Mallon, Gerald P. (2009). *Social work practice with transgender and gender variant youth*, London: Routledge

Mantilla, Karla (2000, April). Men in ewes' clothing: the stealth politics of the trans- gender movement. *Off Our Backs*, 30 (4): 5

Masci, David (2009, 21 May). A Clash of Rights? Gay Marriage and the Free Exercise of Religion, Washington, D.C.: The Pew Forum on Religion and Public Life. www.pewforum.org/Gay-Marriage-and-Homosexuality/A-Clash-of-Rights-Gay-Marriage-and-the-Free-Exercise-of-Religion.aspx

Mathen, Carissima (2004). Transgendered persons and feminist strategy. *Canadian Journal of Women and the Law*, 16 (2): 291–396

Mayeda, Graham (2005). Re-imaging feminist theory: transgender identity, feminism and the law. *CJWL/RFD*, 423–72

Melloy, Killian (2010, 15 February). Italy to Open World's First Jail for Transgendered Prisoners, Boston, MA: The Edge. www.edgeboston.com/index.php?ch=news&sc

[= &sc2=news &sc3= &id=102325](http://www.edgeboston.com/index.php?ch=news&sc2=news&sc3=&id=102325)

Mental Health Today (n.d.). DSM-4 (n.d.) Mental Health Today. www.mental-health-today.com/gender/dsm.htm

Meyer, I.H. (1995). Minority stress and mental health in gay men. *Journal of Health and Social Behavior*, 36: 38–56

Meyer, Jon (1982). Theory of gender identity disorders. *Journal of the American Psychoanalytical Association*, 3: 21–36

Meyer, Jon and Reter, Donna J. (1979). Sex reassignment. Follow up. *Archives of General Psychiatry*, 36 (9): 1010–15

Meyerowitz, Joanne (2002). *How Sex Changed. A History of Transsexuality in the United States*, Cambridge, MA: Harvard University Press

Millett, Kate (1972). *Sexual Politics*, London: Abacus, Sphere Books

Ministry of Justice (2011). *Care and Management of Transsexual Prisoners*, Ministry of Justice. UK: National Offender Management Service

- Ministry of Justice (2012). Gender recognition certificate statistics, July to September 2011. Ministry of Justice Statistics Bulletin. www.justice.gov.uk/downloads/statistics/tribs-stats/grp-statistics-july-sept-11.pdf
- Minter, Shannon (1999). *Diagnosis and Treatment of Gender Identity Disorder in Childhood. Sissies and Tomboys: Gender Nonconformity and Homosexual Childhood*, New York: New York University Press, pp. 9–33
- Money, John, Jobaris, Russell and Furth, Gregg (1977). Apotemnophilia: two cases of self-demand amputation as a paraphilia. *The Journal of Sex Research*, 13 (2): 115–25
- Moore, Eva, Wisniewski, Amy and Dobs, Adrian (2003). Endocrine treatment of transsexual people: a review of treatment regimens, outcomes, and adverse effects. *The Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism*, 88 (8): 3467–73
- Moore, Suzanne (2013, 9 January). I don't care if you were born a woman or became one. *The Guardian*. www.guardian.co.uk/commentisfree/2013/jan/09/dont-care-if-born-woman
- More, Kate (1999). Never mind the bollocks 2. An Interview with Judith Butler. In More, Kate and Whittle, Stephen (eds) (1999). *Reclaiming Genders. Transsexual grammar at the fin de siècle*, London and New York: Cassell, pp. 285–302
- Morgan, Robin (1978). Lesbianism and feminism: synonyms or contradictions? In Morgan, Robin, (ed.). *Going Too Far*, New York: Vintage
- Murphy, Meghan (2012, accessed 5 November). Rape Relief v. Nixon, transphobia, and the value of women-only space. An interview with Lee Lakeman. *Feminist Current*. <http://feministcurrent.com/5033/rape-relief-v-nixon-transphobia-and-the-value-of-women-only-space-an-interview-with-lee-lakeman/>
- Murray, Suellen (2002). *More than Refuge: Changing Responses to Domestic Violence*, Crawley: University of Western Australia Press
- My Husband's Panties (2005, accessed, 4 June 2013). My husband's panties blogspot. <http://myhusbandspanties.blogspot.co.uk/>
- Nagoshi, Julie L., Bruzuzy, Stephan/Stephanie and Terrell, Heather K. (2012). Deconstructing the complex perceptions of gender roles, gender identity, and sexual orientation among transgender individuals. *Feminism and Psychology*, 22 (4): 405–22
- National Geographic (2011). Secret lives. National Geographic Channel. <http://channel.nationalgeographic.com/channel/taboo/galleries/taboo-secret-lives-photo-gallery/#chairbound-by-choice-46559>
- NCLR (n.d.). Transgender law, San Francisco, CA: National Center for Lesbian Rights. www.nclrights.org/about-us/
- Newcomb, Alyssa (2012, 4 August). Doctors accused of filming unsuspecting women may have risked careers over 'compulsion'. ABC News. <http://abcnews.go.com/US/doctors-accused-filming-women-risked-careers-compulsion/story?id=16928588>

Newport TV (2010, 10 March). Update: Friends of man arrested for sexual indecency are shocked. www.fox16.com/mostpopular/story/Update-Friends-of-man-arrested-for-sexual/d/story/ehozQqRzrEmKVlfjZgGHLQ

Newton, Esther (1984). The mythic mannish lesbian: Radclyffe Hall and the new woman. *Signs*, 9 (4): 557–5

NGTLF (n.d.). Transgender issues. Washington, D.C.: National Lesbian and Gay Taskforce. www.thetaskforce.org/issues/transgender

NHS (2007). A guide to hormone therapy for trans people, London: Department of Health. www.qahc.org.au/files/shared/docs/trans_hormone_therapy.pdf

Noble, Bobby (2012). Trans. Panic. In Enke, A. (ed.). *Transfeminist Perspectives in and beyond Transgender Studies*, pp. 43–59

NoGoingBack (2013, accessed 16 May 2013). No Going Back. <http://groups.yahoo.com/group/nogoingback/>

Nuttbrock, Larry, Hwahng, Sel, Bockting, Walter, Rosenblum, Andrew, Mason, Mona, Macri, Monica and Becker, Jeffrey (2010). Psychiatric impact of gender-related abuse across the life course of male-to-female transgender persons. *Journal of Sex Research*, 47 (1): 12–23

NWSA (2013). National Women's Studies Association. Constituency Groups. www.nwsa.org/content.asp?pl=19&sl=75&contentid=75

O'Flaherty, Michael and Fisher, John (2008). Sexual orientation, gender identity and international human rights law: Contextualising the Yogyakarta Principles. *Human Rights Law Review*, 8 (2): 247–48

Owens, Jared (2011, 16 April). Judge agrees with boy who identifies as a girl. *The Australian*. www.theaustralian.com.au/news/nation/judge-agrees-with-boy-who-identifies-as-a-girl/story-e6frg6nf-1226039973338

Page, Morgan (2011, accessed 25 July 2012). Overcoming the cotton ceiling. <http://pleasureandpossibilities.com/programming/workshop-descriptions/>

Pande, Rohini (2006). Son preference and daughter neglect in India: What happens to living girls, ICRW: International Centre for Research on Women. www.icrw.org/publications/son-preference-and-daughter-neglect-india

Parliament of the Commonwealth of Australia (2013a). Sex Discrimination Amendment (Sexual Orientation, Gender Identity and Intersex Status) Bill 2013, Canberra, Australia: The Parliament of the Commonwealth of Australia. House of Representatives. http://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/legislation/bills/r5026_aspassed/toc_pdf/13090b01.pdf;fileType=application%2Fpdf

Parliament of the Commonwealth of Australia (2013b). Sex Discrimination Amendment (Sexual Orientation, Gender Identity and Intersex Status) Bill 2013. Explanatory Memorandum. Canberra, Australia: The Parliament of the Commonwealth of Australia. House of Representatives. <http://parlinfo.aph.gov>

au/parlInfo/download/legislation/ems/r5026_ems_1fcd9245-33ff-4b3a-81b9-7fdc7eb91b9b/upload_pdf/378454%20.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=

%22legislation/ems/r5026_ems_1fcd9245-33ff-4b3a-81b9-7fdc7eb91b9b%22 Parsons, Talcott (1951). *The Social System*, London: Routledge and Kegan Paul Pateman, Carole (1988). *The Sexual Contract*, Cambridge, UK: Polity Press

Penelope, Julia (1993). *Lesbian Culture. An Anthology: The Lives, Work, Ideas, Art and Visions of Lesbians Past and Present*, Berkeley, CA: The Crossing Press

Penner, Barbara (2001). A world of unmentionable suffering: women's public conveniences in Victorian London. *Journal of Design*, 14 (2): 35–43

Pepper, Rachel (2012). *Transitions of the Heart. Stories of Love, Struggle and Acceptance by Mothers of Gender Variant Children*, Berkeley, CA: Cleis Press

Perovic, S., Stanojevic, D. and Djordjevic, M. (2005). Vaginoplasty in male-to-female transsexuals using penile skin and urethral flap. *International Journal of Transgenderism*, 8 (11): 43–64

Persson, Diane, J., (2009). Unique challenges of transgender aging: implications from the literature, *Journal of Gerontological Social Work*, 52: 633–46

Pfarrer, Steve (2012, 5 December). Gender change and a family's undoing. *Amherst Bulletin*. www.amherstbulletin.com/artsleisure/2942204-95/benvenuto-husband-gender-book

Pfeffer, Carla (2008). Bodies in relation – bodies in transition: lesbian partners of trans men and body image, *Journal of Lesbian Studies*, 12 (4): 325–45

Pfeffer, Carla (2010). 'Women's work'? Women partners of transgender men doing housework and emotion work, *Journal of Marriage and Family*, 72 (1): 165–83

Pink Paper (2010, 1 November). Trans woman remanded in male prison over tube death. London: Pink News. www.pinknews.co.uk/2010/11/01/trans-woman-remanded-on-charge-of-murdering-trans-lawyer-sonia-burgess/

Pitts, Victoria (2001). Visibly queer: body technologies and sexual politics. *The Sociological Quarterly*, 41 (3): 443–63

Planned Parenthood (2011, accessed 25 July 2012). Pleasures and possibilities. <http://pleasureandpossibilities.com/programming/workshop-descriptions/>

Powell, Anastasia (2009). New technologies, unauthorised visual images and sexual assault. Australian Institute of Family Studies Newsletter. ACSSA Aware 23. www.aifs.gov.au/acssa/pubs/newsletter/n23pdf/n23c.pdf

Price, Sarah (2007). Transsexual fights for her lesbian rights. Australian Woman Network, www.w-o-m-a-n.net/home/node/920

Prince, Virginia (2005a, first published 1967). The expression of femininity in the male. *International Journal of Transgenderism*, 8 (4): 21–7

Prince, Virginia (2005b, first published 1978). The 'transcendents' or 'trans' people.

International Journal of Transgenderism, 8 (4): 39–46

Prosser, Jay (1998). *Second Skins. The Body Narratives of Transsexuality*. New York and Chichester, UK: Columbia University Press

Raymond, Janice (1986). *A Passion for Friends: Towards a Philosophy of Female Friendship*. Boston, Massachusetts: Beacon Press

Raymond, Janice (1994, first published 1979). *The Transsexual Empire: The Making of the She-Male*, New York: Teachers College Press Columbia University

Read, Max (2012, 9 June). From otherkin to transethnicity: your field guide to the weird world of Tumblr identity politics. Gawker. <http://gawker.com/5940947/from-otherkin-to-transethnicity-your-field-guide-to-the-weird-world-of-tumblr-identity-politics>

Reilly, Philip R. (1991). *The Surgical Solution. A History of Involuntary Sterilization in the United States*, Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press

Rich, Adrienne (1993, first published 1982). Compulsory heterosexuality and lesbian existence. In Abelow, H., Barale, M.A. and Halperin, D.M. (eds), *The Lesbian and Gay Studies Reader*, London: Routledge, pp. 227–54

Riger, Stephanie (1994). Challenges of success: stages of growth in feminist organizations. *Feminist Studies*, 20 (2): 225–300

Riska, Elianne (2003). Gendering the medicalization thesis. *Advances in Gender Research*, 7: 61–89

Roberts, JoAnn (2012, accessed 19 January 2013). I'm JoAnn Roberts. www.cdspub.com/jar.html

Roberts, JoAnn (2013). Beauty and the beach. www.cdspub.com/batb.html Roberts, JoAnn (n.d., accessed 19 January 2013). Misson statement. Transgender

Renaissance Association. www.ren.org/

Romito, Patrizia (2008). *A Deafening Silence. Hidden Violence against Women and Children*, Bristol, UK: The Policy Press

Rudd, Peggy (1999). *My Husband Wears My Clothes. Crossdressing from the perspective of a wife*, TX: PM Publishers

Rufus, Anneli (2010, 12 October). Cross-dressing peeper infiltrates Cal women's locker room, California, USA: East Bay Express. www.eastbayexpress.com/92510/archives/2010/10/12/cross-dressing-peeper-infiltrates-cal-womens-locker-room

Russell, Donald Hayes (1968). The sex conversion controversy. *New England Journal of Medicine*, 279: 535–6

Russell, Heath (2013). Out here in the redwoods: Season 2, Episode #2. http://archive.org/details/AH-out_here_in_the_redwoods_season_2_ep2

Sabante, Cindel (2013). *My Husband, My Panties*. www.kobobooks.com/ebook/My-Husband-My-Panties-Feminization/book-g_6GU3U-okilCtoKrlf8nA/page1.html

Sanger, Margaret (1932, April). A plan for peace. *Birth Control Review*, pp. 107–8. www.issues4life.org/pdfs/1932_peaceplan_margaretsanger.pdf

Savannah (2013, 14 March). Getting with girls like us: a radical guide to dating trans* women for cis women. Autostraddle. www.autostraddle.com/getting-with-girls-like-us-a-radical-guide-to-dating-trans-women-for-cis-women-160269/

Schilt, Kristen (2006). Just one of the guys? How transmen make gender visible at work. *Gender and Society*, 20 (4): 465–90

Schilt, Kristen and Wiswall, Matthew (2008). Before and after: gender transitions, human capital, and workplace experiences. *The B.E. Journal of Economic Analysis and Policy*, 8 (1): 1–28

Schlatterer, K., von Werder, K. and Stalla, G.K. (1998). Transsexualism and Osteoporosis. *Experimental and Clinical Endocrinology and Diabetes*, 104: 413–19

Schlesinger, Fay (2010, 24 January). Boy, 16, to become Britain's youngest sex change patient after NHS agrees to pay for £10,000 operation. Mailonline. www.dailymail.co.uk/news/article-1245697/Boy-16-sex-change-operation-NHS.html

Scribner, O. (2012, last modified 8 Sept. 2012, accessed 3 May 2013). Otherkin timeline: The recent history of elfin, fae, and animal people, v. 2.0. in *The Art and Writing of O. Scribner*. www.frameacloud.com/otherkin_and_therianthropes/otherkin_timeline

Scum-o-rama (2012, 29 March). MTF trans bored over woman-centric feminism. <http://scumorama.wordpress.com/2012/03/29/mtf-trans-bored-over-reproductive-rights-centered-feminism/>

Seil, David (2002). Discussion of Holly Devor's who are 'We'? *Journal of Lesbian and Gay Psychotherapy*, 6 (2): 23–34

Serano, Julia (2007). *Whipping Girl. A Transsexual Woman on Sexism and the Scapegoating of Femininity*, Berkeley, CA: Seal Press

Shemale Models Tube (n.d., accessed 17 March 2013). Thick black T-girl. <http://shemalemodelstube.com/galleries/thick-black-tgirl-ms.-meat-gets-sucked-off-5271.html>

Sissification (n.d.a, accessed 14 April 2013). The sissification guide. <http://thesissificationguide.blogspot.co.uk/?zx=2989241eef5be06d>

Sissification (n.d.b, accessed 14 April 2013). Sissification/feminization artwork http://pinterest.com/pleasant_one/sissification-feminization-artwork/

Sissy School (n.d.). Welcome to sissy school, a place just for sissies! www.sissyschool.com/

Sisyphe (2005, 15 December). Rights of equality-seeking organizations protected. [Sisyphe.org. http://sisyphe.org/spip.php?breve532](http://sisyphe.org/spip.php?breve532)

Smith, Anthony (2012, 25 July). 'Granny-killer' refused hormones in prison. *Gay News Network*. <http://gaynewsnetwork.com.au/news/northern-territory/7973-granny-killer-refusedhormones-in-prison.html>

Sniderman, Paul M., Fletcher, Joseph F., Russell, Peter H. and Tetlock, Phillip E. (1997). *The Clash of Rights: Liberty, Equality, and Legitimacy in Democratic Pluralism*, Cambridge, MA: Yale University Press

Solomon, Sondra E, Rothblum, Esther D., and Balsam, Kimberley F. (2005). Money, housework, sex and conflict: same-sex couples in civil unions, those not in civil unions and heterosexual married siblings. *Sex Roles*, 52 (9/10): 561–75

Sorella, Lucille (n.d., accessed 24 May 2013). *Femme secrets. Feminine body language secrets*. <http://feminizationsecrets.com/part1/>

Spack, Norman (2008). Foreword. In Brill, Stephanie and Pepper, Rachel. *The Transgender Child. A Handbook for Families and Professionals*, San Francisco, CA: Cleis Press

St. John, Leith (2010, 20 January). Interview: Stephanie Brill and Rachel Pepper. *Lambda Literary*. www.lambdaliterary.org/interviews/01/20/the-transgender-child-by-stephanie-brill-rachel-pepper/

Stafford, Diane (2011). Precocious puberty (early puberty). Boston Children's Hospital. www.childrenshospital.org/az/Site1474/mainpageS1474P0.html

Stanford University (n.d., accessed, 5 March 2013). What are health concerns for trans men? http://vaden.stanford.edu/health_library/TransmenHealthConcerns.html

Stern, Alexandra (2005). *Eugenic Nation. Faults and Frontiers of Better Breeding in America*. Berkeley and Los Angeles, CA: California University Press

Strange, Kelly (2012, 27 November). 'I'm tired of doing my hair and make-up': Pensioner, 75, who became a woman in sex change operation 23 years ago wants to be a man again. *The Daily Mail*. www.dailymail.co.uk/news/article-2239120/Gary-Norton-75-woman-sex-change-operation-23-years-ago-wants-man-again.html#ixzz2M3Otkqc9

Stryker, Susan (2008). *Transgender History*, Berkeley, CA: Seal Press

Stryker, Susan and Whittle, Stephen (eds) (2006). *The Transgender Studies Reader*, London: Routledge

Stuart, Jaimie (2006). In another bracket: trans acceptance in lesbian utopia. *Journal of Lesbian Studies*, 10 (1/2): 215–29

Stulhofer, A, and Ajdukovic, D. (2011). Should we take anodyspareunia seriously? A descriptive analysis of pain during receptive anal intercourse in young heterosexual women. *Journal of Sex and Marital Therapy*, 37 (5): 346–58

Sullivan, Deborah A. (2001). *Cosmetic Surgery: The Cutting Edge of Commercial Medicine in America*, New Jersey: Rutgers University Press

Sullivan, Nikki (2001). *Tattooed Bodies: Subjectivity, Textuality, Ethics, Pleasure*, Connecticut and London: Praeger

Summers, Anne (2013). *The Misogyny Factor*, Sydney, NSW: New South Publishing Susan's.org (2007, 16 March). *Transsexual regret*. Dennis. www.susans.org/forums/

index.php/topic,11302.msg82555.html#msg82555

Susan's.org (2012, 13 October). 'I had NHS sex swap to be a woman – now I'm

75 I want them to put my tackle back'. www.susans.org/forums/index.php/topic,127922.0.html

Sweeney, Belinda (2004). Trans-ending women's rights: the politics of trans-inclusion in the age of gender. *Women's Studies International Forum*, 27 (1): 75–88

Sweeney, Mark (2013, 14 January). The Observer withdraws Julie Burchill column as editor publishes apology. *Guardian*. www.guardian.co.uk/media/2013/jan/14/observer-withdraws-julie-burchill-column

Szasz, Thomas (1960). The myth of mental illness. *American Psychologist*, 15: 113–18

The Telegraph (2009, 4 February). World's youngest sex-change operation. www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/germany/4511986/Worlds-youngest-sex-change-operation.html

The Telegraph (2011, 18 April). Man dressed like 'mannequin' spies on ladies in toilet Sydney, The Daily Telegraph. www.dailytelegraph.com.au/mannequin-man-spies-on-ladies-in-toilet/story-e6freuy9-1226040998448

Tenpenny, Joshua and Cascio, Justin (2002, 2 July). Driving spikes through your dick (and other, less dramatic do-it-yourself genital modification techniques for FTMS). www.trans-health.com/2002/ftm-genital-modification/

ThaiMed (n.d.). Facial feminization surgery. www.thaimakeover.com/transgender-srs-thailand/facial-feminization-ffs-bangkok.html

They say this never happens (2012). 'Die cis scum'. <http://theysaythisneverhappens.wordpress.com/die-cis-scum/>

Thom, Ben and Weeks, Harri (2010). Transgender guide for NHS Acute Hospital Trusts. Royal Free Hampstead. www.royalfree.nhs.uk/pdf/trasngender_booklet_low%20res.pdf

Thompson, Denise (2001). *Radical Feminism Today*, London: Sage

T-Kingdom (n.d., accessed, 20 February 2013). www.t-kingdom.com/

Transguys (2010, 6 September). Chest binding 101. <http://transguys.com/features/chest-binding>

Tur, Bob (2013, 12 June). Famed chopper pilot to become a woman. Interview with Bob Tur. TMZ. www.t TMZ.com/2013/06/12/bob-tur-transgender-woman-zoe/ TYFA (n.d., accessed 22 August 2011). Trans Youth Family Allies. www.imatyfa.org/

org/

Tyler, Meagan (2011). *Selling Sex Short: The Pornographic and Sexological Construction of Women's Sexuality in the West*, Newcastle-Upon-Tyne, UK: Cambridge Scholars Press United Nations (1948). Universal Declaration of Human Rights. Geneva. www.

un.org/en/documents/udhr/index.shtml

United Nations (1979). Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women. www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/

Valentine, David (2007). *Imagining Transgender. An Ethnography of a Category*, Durham and London: Duke University Press

Victorian Equal Opportunity and Human Rights Commission (n.d. accessed 18 March 2013). Discrimination: special measures. www.humanrightsccommission.vic.gov.au/index.php/exceptions-exemptions-and-special-measures/special-measures

Vida, Ginny (ed.). (1978). *Our Right to Love: A Lesbian Resource Book*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall

Wales, Melody (1999). The finest lesbian feminist artist. *Xtra West*, 163: 21–2 Ward, Victoria (2013, 17 February). A city council has scrapped male and female public

lavatories in favour of ‘gender neutral’ facilities so as not to alienate the transgender community. UK: The Telegraph. [www.telegraph.co.uk/news/uknews/9876127/ Public-lavatories-to-become-gender-neutral.html](http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/9876127/Public-lavatories-to-become-gender-neutral.html)

Waring, Marilyn (1989). *If Women Counted. A New Feminist Economics*, London: Macmillan

Weeks, Jeffrey (1977). *Coming Out. Homosexual Politics in Britain from the Nineteenth Century to the Present*, London: Quartet

Weiss, Jillian T. (2007). The Lesbian Community and FTMs. *Journal of Lesbian Studies*, 11 (3–4): 203–11

Welle, Dorinda L, Fuller, Sebastian S., Mauk, Daniel and Clatts, Michael C. (2006). The invisible body of queer youth: identity and health in the margins of lesbian and trans communities. *Journal of Lesbian Studies*, 10 (1–2): 43–71

Weyers, S, Verstraelen, H., Gerris, J., Monstrey, S, Santiago Gdos, S, Saerens, B, De Backer, E., Claeys, G., Vannerchoutte, M., Verhelst, R. (2009). Microflora of the penile skin-lined neovagina of transsexual women. *BMC Microbiology*, 9 (102): 180

Whittle, Stephen, Turner, Lewis and Al-Alami, Maryam (2007). *Engendered penalties: transgender and transsexual people’s experiences of inequality and discrimination. The Equalities Review. A research report commissioned by the Equalities Review*. UK: Crown Copyright, 2007

Wilchins, Riki (2013, 7 February). Op-ed: ‘It’s the women’s room!’ and other bath-room complications. *The Advocate*. [www.advocate.com/commentary/2013/02/07/ op-ed-its-womens-room-and-other-bathroom-complications](http://www.advocate.com/commentary/2013/02/07/op-ed-its-womens-room-and-other-bathroom-complications)

Wilson, Ian, Griffin, Chris and Wren, Bernadette (2002). The validity of the diagnosis of gender identity disorder (child and adolescent criteria). *Clinical Child Psychology and Psychiatry*, 7 (3): 335–51

Winter, Katy (2012, 29 October). 'I was born a boy, became a girl, and now I want to be a boy again': Britain's youngest sex swap patient to reverse her sex change treatment. Daily Mail. www.dailymail.co.uk/femail/article-2224753/Ria-Cooper-Britains-youngest-sex-change-patient-reverse-treatment.html#ixzz2Kv2nf0Er

Winters, Kelley (2011). The proposed gender dysphoria diagnosis in the DSM-5. <http://gidreform.wordpress.com/2011/06/07/the-proposed-gender-dysphoria-diagnosis-in-the-dsm-5/>

Wittig, Monique (1992). *The Straight Mind and Other Essays*. Boston, MA: Beacon Press

Women's Resource Centre (2011). *Women only services: making the case*, London: Women's Resource Centre. http://thewomensresourcecentre.org.uk/wp-content/uploads/making_the_case_for_women_only.pdf

Woodhouse, Annie (1989). *Fantastic Women: Sex, Gender and Transvestism*, Basingstoke, UK: MacMillan Education

Worcester, Nancy A. (2013). Menstruation activism: is the personal still political? *Sex Roles*, 68: 151–154

Writing Group for the Women's Health Initiative Investigators (2002). Risks and benefits of estrogen plus progestin in healthy postmenopausal women. *JAMA* 288: 321–33

WWDA (Women with Disabilities Australia) (2007, accessed 16 April 2012). Policy and Position Paper: The development of legislation to authorise procedures for the sterilisation of children with intellectual disabilities. www.wwda.org.au/polpap-ster07.htm

Yardley, Jim (2012, 14 June). In Mumbai, a campaign against restroom injustice. *The New York Times*. www.nytimes.com/2012/06/15/world/asia/in-mumbai-a-campaign-against-restroom-injustice.html?pagewanted=all&_r=0

Yogyakarta Principles (2007). Principles on the application of international human rights law in relation to sexual orientation and gender identity. www.yogyakartaprinciples.org/principles_en.htm

Young, Toby (2013, 14 January). Here is Julie Burchill's censored Observer article. <http://blogs.telegraph.co.uk/news/tobyyoung/100198116/here-is-julie-burchills-censored-observer-article/>

Zimmerman, Bonnie (2008). A lesbian-feminist journey through queer nation. *Journal of Lesbian Studies*, 11 (1–2): 37–52

Zola, Irving Kenneth (1972). Medicine as an institution of social control. *Sociological Review*, 20: 487–503

Zucker, Kenneth J. and Spitzer, Robert L. (2005). Was the gender identity disorder of childhood diagnosis introduced into DSM-III as a backdoor manoeuvre to replace homosexuality? A historical note. *Journal of Sex and Marital Therapy*, 31: 31–42

ИНДЕКС

academia: on female-bodied transgenders 108–9; on male-bodied transgenders 49–50; on transgender feminism 49, 53–4

apotemnophilia see Body Integrity Identity Disorder (BIID)

Australia: and child transgendering 123, 129–31, 138–9; Julia Gillard 6; lesbian-only spaces 168–9; prison system and transgenders 157–8; Sex Discrimination Act Amendment 2013 152–3; women-only spaces and

services 164, 170–5

autogynephilia 29–32

Bailey, J. Michael and Triea, Kiira 29, 30, 31

Battista, Sandy 158

Bauer, Robin 46–7

Benevenuto, Christine 81–2, 84, 85–6,

87, 90–1, 96

Billings, Dwight, and Urban, Thomas 39 biology: biological determinism

18–19; sex and gender 5–6, 8; and

transgender feminism 53

Blanchard, Ray 29–30, 31

Body Integrity Identity Disorder (BIID) 34–5, 78, 187

body modification 42, 67, 69–70

Boyd, Helen 81, 92–3

breast binding 67–8

Brighton Council (UK) 156–7 Brill, Stephanie 125, 138

Browne, Kath 166

Brown, Elspeth 116, 117, 118

Brown, Nicola 115, 117

Bullough, Vern 22, 25

Burchill, Julie 55 butch/femme role playing: and

feminism 46, 104; and gender roles 105–7; valorisation of masculinity 102–3

Butler, Judith 43–4

Canada: transgenders in prison 160; Trans Inclusion Policy Manual 176–7; Vancouver Lesbian Connection (VLC) 169; Vancouver Rape Relief and Women's Shelter (VRRWS) 178–9

Cavanagh, Sheila 156 Chapman, Donna and Caldwell,

Benjamin 82, 83

Chase, Lisa 82

children, transgender: in Australia 123, 129–31; identifying 126–7, 128–9; increase in 124–8; mothers' roles 97–9; puberty-delaying medication

125, 128–9, 138, 139; transgenderism

and sterilisation 137–40, 141

cissexism 50–1, 52

cis (term) 50

Connell, Robert (Raewyn) 54, 103

Cook-Daniels, Loree 118–19

Cooper, Bradley 139–40

cosmetic surgery see surgical procedures cotton ceiling 163, 180–1

Coveney, Lal 38

cross-dressing: children's reactions to a cross-dressing parent 86; and concepts of gender 27–8; and

homosexuality/lesbianism 19–20; link

with transgenderism 25, 80–1; male cross-dressers and their wives 94–6; as a sexual interest 28–32, 50, 97, 103; see also transvestism

Curtis, Richard 78–9

D'Emilio, John 19

Denyer, Paul 157–8

Department of Health (UK) 61, 127–8 de-transition: criticism of, transgender

activism 74, 76, 77; gender recognition certification 72; and legal status 151; online support groups

73; survivors' movement 72–9;

transgendered children 139–40

Devor, Holly (Aaron) 43, 63, 68–9,

111–12

disability model 63

Dowbiggin, Ian 140

Ekins, R. 29

Ellis, Henry Havelock 18–19 endocrinology 20–1, 125;

see also hormone replacement therapy (HRT)

Enke, Anne 52–3

entryism: feminist responses to 36–8; into lesbian communities 3, 46, 163; see also transgender activism

Erhardt, Virginia 81, 83, 87, 88, 89, 93 eugenics: as social engineering

123–4, 136–7, 140–1; sterilisation

procedures 133–4

facial feminisation surgery (FFS) 71–2 female-bodied transgenders: and

abusive relationships 115–17; and academia 108–9; access to women's health centres 173–4; advantages

of masculinity 101, 103–4; body

image 119–21; breast binding 67–8; butch/femme role playing 102–3, 107; defined 8; impact on lesbian community 108; medical care 114–15; non-sexual motivation 103; partners experiences 119–21; physical

security 111–12; sexual orientation 102, 135–6; surgical procedures 68–9,

109; workplace experiences 109–11

feminine essence theory 15, 30–2, 96 femininity: and butch/femme role

playing 105–7; feminisation of transgenders 94–6; and feminism 185,

188; images of 48–9, 50, 89, 92–3,

103; in law 152

feminism: and butch/femme role playing 46, 104, 105–7; challenge to legal gender rights 142–3; and the concept of gender 1–2, 40–1, 42–3, 44, 54; creation of

women-only spaces 164–5, 181–2; critique of transgenderism 36–40, 188–9; harm from transgenderism 121–2; the idea of woman 49; new wave and transgenderism 187–8; and queer theory 41–2; radical feminist theory 42–3; response to transgenderism (historical) 36–9; support for partners/wives of cross

dressers 88; and transgender language appropriation 50–2

Finch, Alan 76–7

Foucault, Michel 17

Fowler, Maria 166

Francis, Colleen 155–6

Frye, Marilyn 165

Frye, Phyllis 101–2, 143–4, 147

Gage, Carolyn 20

Garber, Marjorie 25

Gardiner, Jill 104

gender: adoption by queer theory 42, 45, 54; and the law 149–53, 161; as medical construct 27–8; roles and sex caste 105–6; stereotypes and identifying transgender children 129, 188–9; term 4–5, 26–7, 40–1, 187; as

transgressive 43

gender identity: concepts of 3–4, 33–4, 147–8; construct through medical advances 20–1; psychiatric perspective 60; Sex Discrimination Act Amendment 2013 (Australia) 152–3; see also gender rights

gender identity disorders (gender dysphoria): and children 124–8;

difficulties in identifying 61; and legal status 150; medical recognition of 21–2, 27, 136

Gender Identity Research and Education Society (GIRES) 124–5, 127

genderqueer communities 45–8, 61 gender rights: campaigns for 142–3; and

identity politics 186; International Bill of Transgender Rights (USA) 143–5; in international law 145–50; UK Gender Recognition Act (2004) 150–2; Yogyakarta Principles

146, 147–8

Goth, Amber 94

Greer, Germaine 55, 163

Haig, David 40

Hakeem, Az 60, 72–3

Hausman, Bernice 20, 21–2, 135 heteronormativity: and abusive relationships 115–17; and

homosexuality/lesbianism 16,

32–3; patriarchal dividend 109; in
 transgender relationships 107, 113–15
 Heyer, Walt 63, 73, 74
 homosexuality: biological determinism 18–19; and cross-dressing 19–20; and eugenics 124; gay
 liberation and transgenderism 32–4; and law 16;
 and social constructionism 15–17, 18;
 social control of 16, 32–3, 39, 132,
 136; and term ‘queer’ 41
 hormone replacement therapy (HRT): endocrinology 20–1, 125; puberty-
 delaying medication 125, 128–9, 138,
 139; side effects 64–6, 75, 109 human rights: dignity 153–4; gender
 rights 148; sex change operations as 44; transgenders and the prison system 157–61
 International Bill of Transgender Rights (USA) 142, 143–5
 International Journal of Transgenderism
 69, 70
 intersexuality 9, 153
 James, Andrea 31, 125
 Jeffreys, Sheila 55

 Jennings, Rebecca 105
 Jennings-White, Chloe 179
 Jorgensen, Christine 22–3
 Kanagasingham, Nina 160–1
 Katz, Jonathan 135
 Kavanagh, Richard (Synthia) 160
 Kveller (journal) 91
 language: appropriation by transgender feminism 51–2; pronoun usage 9–10,
 91, 92
 Lawrence, Anne 25, 56
 law, the: and gender rights 142, 145–9; and homosexuality 16
 lesbian community: breast binding 67–8; and eugenics 124; and feminism 104–

5, 108; genderqueer communities

45–8, 61; impact of entryism 3, 46, 163; lesbian identities and female-bodied transgenders 108, 117–19; lesbian-only spaces 168–9; and transgenderism 3, 107–8, 109, 146–7; see also butch/femme role playing; female-bodied transgenders

lesbian feminism: analysis of transgenderism (personal account) 75–6; critique of queer politics 41–2; and genderqueers 47–8; key role in second wave feminism 45–6; and transgenderism 119

Lev, Arlene 82, 104, 105–7

MacKinnon, Catharine 43

Mackintosh, Mary 16–17, 19 male-bodied transgenders: and

academia 49; access to women-only spaces 145, 153–7, 163, 173–5; appropriation of women's experiences 6, 7; and creation of

gender rights 143–4; defined 8; and female-bodied transgenders 101–2; in the prison system 157–61; pronoun usage 9–10; sexual orientation

102, 135–6; surgical procedures

69–72; transgender feminism 49–50,

53–4; workplace experiences 111;

see also transgender activism Mantilla, Karla 167–8

McHugh, Paul 24, 60

medical profession: concept of gender 27–8; critiques of 39–40;

endocrinology 20–1, 125; eugenics and social control 124; gender identity disorders 21–2; identification of 'real' transgenders 61–2; investigations of clinics/personnel (UK) 77–8; physical treatment of transgenderism 59–61, 79; sex change

operations 20–2, 23–4; straightening out lesbians 107; see also psychiatry

medical tourism 59, 71

metoidioplasty 69

Meyer, J. and Reter, D.J. 59 Michigan Womyn's Music

Festival 165–8

minority stress 62

misogyny (term) 51–2

Money, John 4, 26, 27, 40

Moore, Suzanne 55–6

Morgan, Robin 37–8

mothers, of transgender children 97–9

Noble, Jean Bobby 53–4, 61

Norton, Gary 77

Parsons, Talcott 39 partners see wives/partners patriarchal dividend 109

Pepper, Rachel 98, 99, 125, 138

Pfeffer, Carla 114, 118

phalloplasty 69

pornography: transgender 95–6;

upskirting 154–5

Prince, Virginia 15, 25–7, 28, 37

prison system 157–61

pronouns 9–10, 91, 92

Prosser, Jay 15, 19–20

psychiatry: anti-psychiatry movement 39; benefits of sex-reassignment surgery 62–4; minority stress 62; opposition to sex change surgery 23–4, 59–60

queer theory 42–3

Raymond, Janice 6, 35, 38–9 regrets, transgender see de-transition Reid, Russell 77–8

Russell, Donald Hayes 23–4 Russell, Heath 74–6

Schilt, Kristen 109–11

Serano, Julia 50–1

sex caste: and intersexuality 9; term 5; and transgenderism 5–6, 101

sexology, concepts of gender 4–5, 27–8, 40–1

sex-reassignment surgery (SRS): as human right 44; medical development of 20–2; medical disagreement with 59–61; in the prison system 158–9,

161; psychiatric views points on 23–4,

59–60, 62–4; research into 60–1;

see also de-transition sexual abuse 63–4, 111–12

sexual practices: cross-dressing as 28–32, 50, 97, 103; and gender power differences 43; lack of, female-bodied transgenders 103; male cross-dressers and their wives 94–6

Sinden, Derek Lulu 158 social constructionism 15, 75

social control: and eugenics 123–4, 136–

7, 140–1; homosexuality 16, 32–3, 39,

132, 136; transgender children 140–1

Spack, Norman 125

Stryker, Susan 43

surgical procedures: facial feminisation surgery (FFS) 71–2; female-

bodied transgenders 68–9, 109; on homosexuals and lesbians 134–5; and legal status 150, 151–2; male-bodied

transgenders 69–71; psychiatric

opposition to 23–4; self-mutilation 67;

sterilisation procedures 133–4, 137–40;

see also sex-reassignment surgery (SRS)

Teena, Brandon 19–20

toilets, women-only 153–7

transableism 34–5, 179–80, 187

transgender, term 8, 15

transgender activism: access to women- only toilets 156–7; advocacy of early transition 124–5; attacks by 54–6;

criticism of de-transitioning 74, 76, 77; criticism of radical feminist theorists 2–3, 40, 55; influence on cross

dressers 81; language appropriation 50–2; lesbian-only spaces 169; Michigan Womyn's Music Festival 165–8; and transgender feminism 50; see also entryism; trans inclusion

transgender feminism: and academia 49–50, 53–4; growth of 40; importance of gender and femininity 48–9, 50

transgenderism: and concepts of gender 1–2, 44–5, 54, 61, 183–5; as created by medical profession 39–40; harm from transgenderism 3, 182–3; incidence of sexual abuse 63–4, 111–12; as a journey 81–2; lack of critiques 11–12, 132; as a mental

disorder 60, 62–4; and pronoun usage 9–10; relationship with homosexuality 18–20, 135; as self-

centred process 83–5, 98–9; as social

construction 17, 35; as solution to

sex-caste discrimination 112–13;

term 26, 185–6

transgender studies 45

trans inclusion: access to women- only toilets 156–7; employment, women-only spaces 172–3, 178–9; policies 175–7; in the prison system 157–61; Trans Inclusion Policy Manual 176–7

transnapping 19–20

transphobia 51–2, 115–16 transsexualism: and concepts of gender

27–8; feminist responses to 37–8; and

gender identity 61, 146; psychiatric

opposition to surgery 23–4; term 8, 14; see also cross-dressing

transvestism 18

Tur, Bob 7

UK Gender Recognition Act (2004) 150–2

United Kingdom: Brighton Council 156–7; Department of Health 61,

127–8; disability model 63; sex- reassignment surgery (SRS) in prison 159

United Nations Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women (CEDAW) 3–4

vaginoplasty 70–1

Valentine, David 20, 32, 33–4 Vancouver Lesbian Connection

(VLC) 169

Vancouver Rape Relief and Women's Shelter (VRRWS) 178–9

Weiss, Jillian T. 47 Welby, Norrie May 153

Welle, D.L. et al (2006) 47

Wilchins, Rikki 45, 61, 167

Winters, Kelly 129 wives/partners: feminisation roles

94–5; impact of transgenderism 82,

87, 88–90, 108, 109; issues of trust 85–6; lack of community support 90–2; non-acceptance of sex change 92–4; online support groups 96–7;

psychological distress to 83–5, 86–8 women: additional housework 88–9,

113–14; body image 119–21; control

of their bodies 52, 163, 180–1; male definitions of 6–7; non-consultation on gender rights (in the law) 142–3; second wave feminist concepts of 48

women-only spaces: employment policies 171, 172–3, 178–9;

importance of 162–5, 170–2, 181–2; male-bodied transgenders as clients 173–5; policy changes 143, 170; prison system 157–61; women-only toilets 153–7

Worcester, Nancy 52

Yogyakarta Principles 146, 147–8

Zimmerman, Bonnie 48